

ИСТОКИ

ИСТОКИ

2023

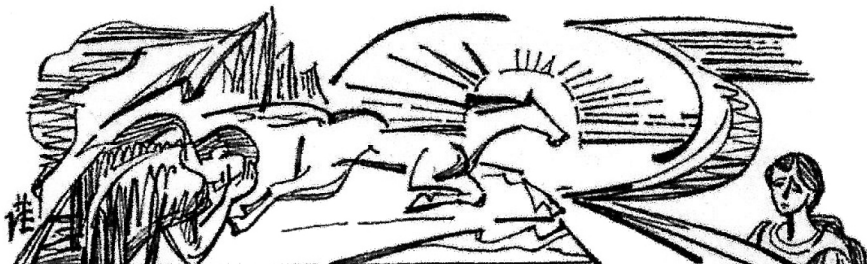
РАСУЛ ГАМЗАТОВ

ЕСТЬ ТРИ ЗАВЕТНЫХ ПЕСНИ У ЛЮДЕЙ...

Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей —
Её слагает мать над колыбелью.

Вторая — тоже песня матерей.
Рукою глядя щёки ледяные,
Её поют над гробом сыновей...
А третья песня — песни остальные.

Перевод с аварского Наума Гребнева

ИСТОКИ
АЛЬМАНАХ

Выпуск № 15

МОСКВА

2022—2023

УДК 882–1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
И 89

Главный редактор
Александр Такмаков
(*Серафимов*)

Редколлегия:
Ирина Антонова
(первый заместитель
главного редактора)

Евгения Славороссова
(заместитель главного
редактора)

Людмила Осокина
(заместитель главного
редактора)

Ирина Егорова-Нерли
(художник-
оформитель)

Рассматриваются и принимаются только рукописи, набранные на компьютере (представленные на диске и в распечатке на бумаге или присланные по электронной почте):

E-mail: rifistoki@yandex.ru

*Тексты некоторых авторов даются
в авторской редакции*

Контактные телефоны:

**8-909-9655305,
8-903-1803787**

Редакционный совет:

Ирэна Сергеева (Санкт-Петербург)

Леонид Володарский

Владимир Пустовитовский

Алексей Кебадзе

Николай Иодловский

Ольга Бондаренко-Беспрозванных

Лидия Баклашкина (Калуга)

Валерия Светланова

Татьяна Хачумова

Геннадий Дубров (Пятигорск)

ISBN 978-5-9216-0425-4

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

ИСТОРИЯ «ИСТОКОВ»

Мила Михайлова о презентации альманаха..... 6

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Егорова-Нерли эссе об Островском и Гамзатове.. 10

Ирина Егорова-Нерли стихи к юбилею З. Церетели... 155

Евгения Славороссова эссе о гениях..... 227

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Наталья Божор эссе о романе «Пётр Первый» 27

Наталья Божор эссе об Игоре Грабаре 87

Наталья Божор эссе о Данте 166

Наталья Божор эссе о Дюрере..... 172

ПОЭЗИЯ

Евгений Степанов 22

Андрей Ивонин 62

Алла Шарапова 79

Ольга Бондаренко-Беспозванных 116

Любовь Берзина 125

Мария Попова 187

Борис Кутенков 234

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Евгения Славороссова «Фамильные драгоценности»... 29

ПРОЗА

Александр Серафимов рассказ..... 48

Алексей Кебадзе из афганских рассказов 70

Валерия Шубина рассказы..... 108

Ирина Антонова рассказы 177

Ирина Антонова рассказы 206

Ирина Антонова рассказы 236

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Николай Иодловский стихи	89
--------------------------------	----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Ирэна Сергеева стихи	143
Владимир Гончаров рассказы	148

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Наталья Божор	153
Ирина Антонова	164
Дарья Солдатёнова	174
Виктория Жданова	179
Татьяна Хачумова	186
Леонид Володарский	192
Маргарита Новикова	215
Инна Варварица	250
Элла Зайцева	262

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Аркадий Славоросов новелла	130
Юрий Влодов стихи	140
Татьяна Баклашкина рисунки	183

НОВОЕ ИМЯ

Андрей Агарков стихи	168
Сергей Гарсия стихи	200
Наталья Лобачёва стихи	208
Александр Никитушкин стихи	209
Эмилия Странник стихи	282

ГОРИЗОНТЫ ПЕРЕВОДА

Алла Шарапова из Роберта Фроста	223
Наталья Лобачёва итальянские песни	229

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Елена Бочина стихи	219
Галина Чеботкова стихи	239

ФАНТАСМАГОРИИ

Леонид Володарский рассказ	245
Людмила Осокина стихи	261

СТИХОВЕДЕНИЕ

Надежда Сумина о стихах Е.Славороссовой	213
---	-----

НЕОБЪЯСНИМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ

Леонид Володарский о русалках	121
Людмила Осокина телепередача о её феномене	255

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Кшиштоф Мария Сенявский Евгения Славороссова письма	266
--	-----

СТИХИ О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Владимир Пустовитовский.....	287
------------------------------	-----

ЗРИ В КОРЕНЬ

Евгений Лесин стихи.....	295
Николай Магов стихи	302

КОНКУРСЫ

Ирина Егорова-Нерли экслибрис	306
-------------------------------------	-----

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

Валерий Галечьян о книге Л. Осокиной «Осень-осень» ..	307
Алфавитный указатель авторов.....	311

«ИСТОКИ» – АЛЬМАНАХ С ИСТОРИЕЙ

О презентации четырнадцатого номера «Истоков»
в ЦДЛ 21 сентября 2022 г.

В ЦДЛ состоялась презентация очередного номера «Истоков», одного из старейших литературных альманахов.

«Истоки» — это альманах, как теперь говорят, с историей. Когда-то, в середине 70-х годов прошлого века, он зародился в недрах издательства «Молодая гвардия» как издание для молодых, и долгое время придерживался этой концепции. Потом, правда, предоставил свои страницы и авторам более основательного возраста.

Прародительницей издания стала редактор «Молодой гвардии» **Галина Вячеславовна Рой**, которая долгие годы была и главным редактором альманаха, вплоть до самой своей смерти в мае 2007 года.

После её ухода в мир иной руководство изданием взял на себя один из авторов «Истоков» — **Александр Такмаков (Серафимов)**. Конечно, от тех, молодогвардейских «Истоков», теперь мало что осталось, но, тем не менее, связь времен и поколений имеется. Она и в названии рубрик, которые, по большей части, остались прежними, и в оформлении альманаха. Правда, тираж сейчас не тот, какой когда-то был: 50 тысяч экземпляров, а весьма скромный, едва подходящий до 100, но, тем не менее, он есть.

На небольшой тираж посетовал автор «Истоков» **Виктор Коллегорский**, выступивший на вечере. Когда-то, во годы оны, он печатался в издании с очень большим тиражом, но времена меняются, ситуации тоже. На это можно сказать только одно, что у многих литературных изданий сейчас вообще нет никакого тиража, они существуют только в Сети, в электронном варианте, и если что случись, то не будет ни издания, ни опубликованных там материалов. А тут, всё-таки, настоящее, бумажное издание, которое можно не только поддержать в руках, полистать, но и сохранить для потомков.

Мероприятие вела **Ирина Антонова**, не только многолетний автор «Истоков», член редколлегии, но и, с недавних пор, первый заместитель главного редактора альманаха.

Вечер открыл музыкальной импровизацией на рояле **Николай Иодловский**. Затем выступила художник-оформитель «Истоков», член редколлегии **Ирина Егорова-Нерли**. В номере у неё эссе о Максимилиане Волошине, приуроченное к памятной дате, как раз

об этом Ирина и рассказала. Затем выступили давние авторы «Истоков» **Владимир Пустовитовский**, **Наталья Божор**, **Инна Варварица**, **Нина Трегубова**, а также литературовед **Алла Шарапова**.

В номере напечатан целый блок материалов к 90-летию поэта-диссидента **Юрия Влодова** (1932—2009), автора всем известного двустишия «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!». Представлена большая подборка его стихов из книг «Портреты» и «Люди и боги». Ещё фрагменты из книги Бориса Шапиро «Когда было тогда» с воспоминаниями о Влодове. Также эссе вдовы Влодова поэтессы **Людмилы Осокиной** о творчестве Юрия Влодова. Она выступила на вечере и прочла часть стихотворений из этой подборки. Вот одно из них:

*Живуч и оголтел,
В тисках своих помет —
Растлитель душ и тел —
Божественный поэт...
Растленную строкой
Уже ушёл в гранит —
И каменной рукой
Нетленное гранит.*

Людмилой Осокиной также была задана на вечере тема кошек. Она спела под гитару две песни о кошках на свои стихи: «Чёрная кошка» и «А кошки мягкие такие...».

Тему продолжила стихами про котов новый автор «Истоков» **Екатерина Богданова**. В номере у нее целая подборка на кошачью тематику под названием «Полнота бытия в коте»:

*Не верь котам
Они поели дважды,
В то время, как хозяин голодал,
Пока мечтал, что как-нибудь однажды
Он за картошкой спустится в подвал.*

Впервые в «Истоках» была представлена и, так называемая, визуальная поэзия в своеобразных «кварах» председателя Московского союза литераторов **Валерия Галечьяна**. Он вышел к микрофону и прочитал, а также показал всем, опубликованные квары. Правда, посетовал на то, что их надо бы смотреть в цвете, они задумывались именно в цветном варианте. Но так тоже ничего.

Из почти новых авторов выступил **Андрей Ивонин**, интересный поэт, зав. постановочной частью театра «Эрмитаж».

*В начале было слово...
Впрочем, нет,
Еще до слова музыка звучала.
Неведомо откуда лился свет,
Вот он-то и предшествовал началу...*

Из совсем новых авторов выступила **Валерия Исмиева** со своими утонченными, сложными стихами:

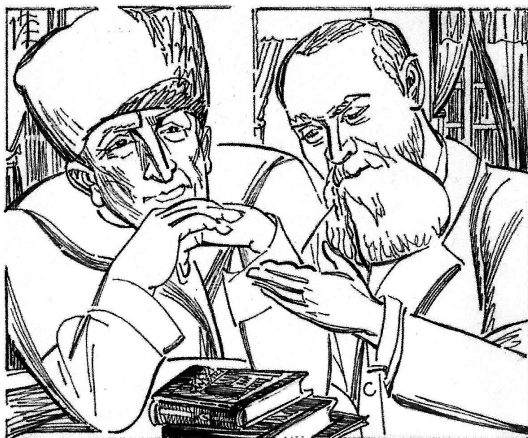
*Ты лежишь на моей ладони, почти зеро,
капля скользкой материи, немой язык,
лодка, танцующая очертания берегов,
дрожь, заменяющая и жест, и крик.*
(стих «Улитка»)

На вечер заскочил и **Евгений Лесин**, он выступил с проникновенным стихотворением об алко-россиянине.

В номере у него цикл иронической прозы, а также нашумевшее в Сети стихотворение «Приходил матёрый газослесарь».

Юрий Тубольцев, известный в Сети поэт-афорист, завершил вечер своими афоризмами.

БЕСКРАЙНИЕ ДАЛИ А. Н. ОСТРОВСКОГО И НЕПРИСТУПНЕ ВЕРШИНЫ Р. ГАМЗАТОВА

Эссе

*На высоте — какие дали!
А небо выше всех границ...
Мы высоко летать мечтали,
Приоткрывая путь страниц.*

Сколько бы ни дерзала душа человеческая, не искала ответы на вечные вопросы несовершенства мира сего — вдруг, будто растворяя недуг лукавства и житейского умысла, прорывается росток из зерна Премудрости бесконечной и даёт нам всходы силы горячего сердца и самозабвенной воли к неизведанному и непредсказуемому... Как усталая после долгой ночи робкая зорька шевелит ещё слабыми лучами тихие небеса, так и зреющая для нас **МОЩЬ ОТКРЫТИЯ СЛОВА НАБИРАЕТ СВЕТ**, чтоб приучить нас к возможности думать и не теряться в случайных сквозняках мирского своеволия.

Можно ли не удивляться, но в 2023 году совпали две круглые даты русской литературы: двухсотлетие Александра Николаевича Островского (1823—1886) и столетие Расула Гамзатова (1923—2003). Их годы рождения разделяет 100 лет! — целый век истории нашей

страны, но грандиозное по охвату творчество, новаторский взгляд на культурную традицию предков, всемирное значение их произведений стирает границы, установленные временем, и делает их вечно живыми классиками. Основатель русского театра, драматург А.Н. Островский и советский аварский поэт и мыслитель Р. Гамзатов! Их масштаб в нашей литературе неоспорим. ИХ ПОДВИГ КАК ПОДВИЖНИКОВ СЛОВА оценён потомками. Это подтверждают и мои стихи, посвящённые Гамзатову:

*Рукой коснусь до облаков,
Платком покрою лоб и косы —
В краю нетающих снегов
Стихи звучат привычной прозы.
Они взлетают высоко,
Как птицы, покоряют дали,
И возвращаются легко
В дни жаркой страсти и печали.
И звук волною плеч плывёт,
И вздох, как эхо междометий,
А жизнь танцует и поёт
Под стук умолкнувших столетий.
Жизнь горючит, источник бьёт —
Спешит дыханье за словами...
И снова молодость зовёт,
Взмахнув орлиными крылами!*

По истоку своего таланта — Гамзатов и Островский близки друг другу и едины внутренней связью с обычаями и устоями жизни центральной России и многонационального Дагестана. Чтобы выразить главное, начну с их ярких биографий и созданных произведений.

Автор «Записок замоскворецкого жителя» Александр Николаевич Островский родился в Москве 12 апреля 1823 года. По настоянию его батюшки — известного книгочеха, занимавшегося судебной практикой (в молодости окончившего Московскую духовную Академию!), вначале он получил профессию юриста и несколько лет проработал в московских судах. Будто бы испытывая на прочность литературный дар, судьба направила его в гущу правовых отношений и нравов России того времени, выворачивая наизнанку перед молодым человеком все виды пороков купеческой и мещанской среды, все испытания «тёмного царства».

Обличительные пьесы Островского «Несостоятельный должник», «Свои люди — сочтёмся», «Бедность не порок», «Доходное место» и

другие, конечно, стали образным отражением его большого опыта. Даже увольнение со службы и неусыпный надзор полиции (запрет Николая I на постановку пьес в театре) не смогли охладить его творческий запал и лишить его радости писательского труда. «Не будь я в этом аду, не написать бы мне и «Доходное место», — восклицал драматург, оценивая свой жизненный путь. И действительно: «Драма была для самого поэта горячею и честною исповедью гражданина, у которого много накопело на душе...» Об этом позднее вспоминал критик Аполлон Григорьев, постоянно поддерживающий Островского добрым словом. И мне сейчас нетрудно представить, что Александр Николаевич чувствовал тогда:

*«Ведь есть и хорошее что-то», —
Мы шепчем, устав от борьбы...
У чувств неземная природа,
Но выводы черни грубы.
От связей — великие связи,
От наглости наглость растёт,
От хамства лютуют проказы,
Корысть от корысти цветёт.
Запуталась правда в лукавстве,
И стыд не очистил умы,
И подлость у подлости в рабстве,
Сума — у тяжёлой сумы.
Сапог не годится без пары,
Героем не быть без судьбы...
Без торга скудеют базары,
А сердце мертво без любви.*

Да, на протяжении многих лет душевной заботой Островского был театр!

Эта влюблённость двигала его замыслы и заставляла писать новые произведения. Его мастерская — костромское имение Щелыково — спасает от волнений и возвращает его к жизни не один раз. Даже после смерти Агафьи Ивановны (1867 год) и потери своих детей он находит силы вступить во второй брак (1869 год) и создать крепкую семью. Влюблённости, ранящие его чувствительную душу, не оставляли его до конца дней. Так и Любовь Косицкая-Никулина — одна из актрис театра — осталась его музой, сердечной тайной и вдохновляла его на творчество.

А ведь были ещё и благословение Н.В. Гоголя, и поощрительное мнение князя Владимира Одоевского, «надёжное плечо» А.С. Хомякова, искреннее участие Н.А. Некрасова, напутствие Л.Н. Толстого,

пророческие статьи Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева. Были и путешествия на русское Поволжье по инициативе Морского министерства (1857-1858 гг.) для описания жизни, быта и промыслов населения, обитающего по берегам Волги; словарь волжского говора стал результатом этих экспедиций. Колоритный, «узорчатый» русский язык героев Островского — почва, питающая народными пословицами и поговорками живое повествование его пьес. Интонация народной речи, как мне кажется, свободно переливается в песни и романсы, поэтому — вспоминая произведения Островского — я ощущаю, как слова в моих стихах ложатся на бумагу, напевно передавая грусть ожидания и сладость надежды:

*Романсы в малых городишках
Порой захочется запеть —
Как будто с грусти схватит лишку
Тот, кто грехи не смог стерпеть.
В его руках не струны плачут,
Но оживает тайный зов!
Когда любовь в слова не прячут —
Она для чувств не ищет слов.
Романс, как молодость, ласкает,
Томящей нежностью влечёт,
Но только зрелость понимает
Бесценный жар и снов полёт.
От каждой чёрточки смущенья
Хмельной кураж и вздрог руки;
Кто помнит чары обольщенья —
Открыт для пламенной тоски...
А счастье слаще уговоров,
Страстей и принятых удобств.
И только ревность жаждет споров,
Как самолюбие, притворств.
Но есть порыв — сообщник смелый
Для тех, кто верностью силён...
Кто сочинил романс напевный —
Тот сам страдал и был влюблён!*

«Горячее сердце», «Сердце не камень», «Без вины виноватые», «Снегурочка», «Бесприданница», «Гроза»... Сколько искреннего чувства, протестующей романтики в названиях пьес и драм Островского! Его купеческая Москва середины девятнадцатого века, лесная костромская тишь вокруг усадьбы Щельково, его Волга, перетекающая в синь и уплывающая за горизонт, невероятные дали и

просторы России — вся притягательная ПОДЛИННОСТЬ ЕГО СЛОВА соизмерима с первобытной, древней сутью Дагестана Расула Гамзатова. Наверное, и мне в стихах привычнее говорить о нашем аварском поэте, подарившем нам эпос родной земли:

*Я слышу в имени Расул
Печали оклик журавлиный,
Иных веков мотив старинный
Каспийских волн призывный гул.
Когда — Гамзатов! — говорю:
Скакун бесстрашный в горы мчится,
И буйный ветер в дом стучится —
Орёл приветствует зарю.
Так честь и мужества порыв
Навеки правят Дагестаном,
И горца речь далёким странам
Ответит: «Чем дух предков жив!»
Зурна, как речка по камням,
Перемывает прожитое...
И вечным кажется простое,
Как миг, подаренный векам.*

Итак — в горном ауле Цада, где в непогоду отару овец накрывают летящие облака, 8 сентября 1923 года в семье сказителя Гамзата Цадаса родился Расул Гамзатов. Будущий поэт был рано замечен и заботливо опекаем обществом. Его путь к вершине поэзии — это тропа дагестанского самородка и всей русской литературы, которую он знал и любил. Оттого в лучах солнца, как стойкая метафора величия человеческого духа, у меня перед глазами возникает горная пристань, уходящая в лазурное небо...

Но жизнь идёт своим чередом! Окончив Литературный институт имени А.М. Горького, молодой Расул полностью вошёл в русло современной поэзии тех лет. Одна за другой рождались его поэмы и выходили сборники стихов «Песни гор», «Год моего рождения», «В горах моё сердце», «Родина горца», «Горянка», «Две шали», «Письмена»... Даже в маленьких стихотворениях несколькими строчками он лепит свои восьмистишия и живописные афоризмы. Освоение наследия русской и мировой классики, как и дружеское покровительство Самуила Маршака и Александра Твардовского поставили Расула в один ряд с Ч. Айтматовым, В. Солоухиным, К. Симоновым, К. Кулиевым и другими писателями и поэтами. Лирика Гамзатова, минуя пропасти и пороги, то затихает в доброй иронии, то по-граждански борется и негодует, требуя истины:

*Другое омрачает мой покой,
Покуда жив, я буду опасаться
Того, что клетки совести людской
Вдруг в раковую ткань переродятся...*

Тревога не оставляет поэта, а голос совести заставляет создавать «ковёр» — его поэтическое откровение — новаторскую книгу «Мой Дагестан». В этой книге Расул Гамзатов сравнивал народы Дагестана с горными ручьями, которые стремятся слиться в один поток и текут каждый по себе — напоминают цветы в узком ущелье, что склоняются друг к другу, но не могут обняться. Но, как поэт и провидец, Расул нашёл, **подобно Петру I в Дербенте**, своё «маленькое окно, открытое на великий мир океана» — заявил о значении Дагестана в мировой культуре. Строки поэта только подтверждают кропотливую работу души над образами родной земли:

*Я, как малохольный хожу фольклорист,
По нашему бедному краю,
И каждое редкое слово, как лист,
В гербарий души подшиваю.*

Жизненный опыт Расула — целая эпоха страны. Как депутат Верховного Совета СССР и член Президиума он прошёл через верхний эшелон власти и остался горцем, не изменившим самому себе. Шутки Гамзатова всегда удивляли острой формой и незлым юмором: «Опера стала эстрадой, балет стал лезгинкой!» И через 20 лет после ухода Расула его мысли современны и востребованы!

Стремительно менялось время! «Только безмозглый камень лежит, не меняясь», — говорил Расул. Но и, сохраняя старые обычаи, думая о судьбе женщин, — Гамзатов воплотил благородство и трудолюбие характера в поэме «Горянка», где до величественного обелиска вырос образ его родной матери:

*Может стать, лишь затем дарован
Мне судьбою некий жизни срок,
Чтобы я тебя возвеличил словом.
Шаль тебе соткал из нежных строк,
Ты такой при жизни не носила.
Видишь, как нарядна и светла!
Не твою ли песенную силу,
Мама, сыну ты передала?*

*Я хочу, чтоб в эту шаль, чаруя,
Все цветы весенние вошли.
Эту шаль — о мама! — подарю я
В честь тебя
Всем матерям земли.*

Память у Р. Гамзатова была благодарной, доброты и дружелюбия хватало на всех, кто встретался на его пути:

*Люди, я прошу вас, ради Бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.*

Неповторима улыбка Гамзатова — улыбка Дагестана, открытого для хороших людей, а мучительная боль поэта — это негодование горца против завладевшей людьми страстью к накопительству, отбросившему назад исторические традиции Дагестана.

Этот культ денег также связывал и вызывающе подавлял разумную и размеренную по Домострою жизнь России XIX века — быт и нравы героев А.Н. Островского. В 90-е годы XX века Гамзатов понимал и с горечью видел неизбежное расслоение, опасные рубежи тщеславия и потерю вековых обычаев, сохранявших его «КОНСТИТУЦИЮ ДАГЕСТАНЦА» (1997 год). Отсюда и его весомые строки, вмещающие в себя свод правил и нравственных законов Дагестана.

Это ли не тот — прорывающийся сквозь словесную ткань языка — подстрочник драм и пьес Островского, по праву ставшего родоначальником русского театра. Будто отвечая на его личные вопросы, гроза — как действие природы (Глас Божий) — откликается на отчаянный поступок Катерины во имя любви, достоинства человека и понимания таинственной женской души. Если Р. Гамзатов восклицает, что любовь лишает разума, то Островский показывает нам, как сильное чувство становится трагедией для любящего, разрушающего условные цепи принятого миропорядка. Бунт Катерины в драме «Гроза» — это порыв выбраться из заточения: ведь она была выдана против воли.

А пьеса Островского «Без вины виноватые»? Это ли не диагноз обществу, строящему семейный очаг по расчёту — материальной выгоде?..

А.Н. Островский царит в воздухе московской жизни, будто нащёптывая мне стихи, которые я пишу в двадцать первом веке:

*Мы в нашем сердце виноваты,
Когда безумно влюблены
И платим горечью утраты
За романтические сны.
А сердце в юности порхает
И ворожит, как лунный луч, —
Оно ещё не понимает,
Как выпад зла обидой жгуч.
Как бес куражится в гордыне,
И хватко царствует корысть,
А нежность чувств, как хрупкий иней,
Что по весне пора забыть.
Беда ли в том, что жаждут света
Те, кто горяч в мечте своей...
Так сердце чуткостью раздето
И беззащитно для людей.
Островский — так — и сам посредник
Оживших в слове вечных тайн...
Кто виноват — прошёл, как пленник,
Свой возвышающий обман!*

А какую цену платит Лариса (героиня пьесы «Бесприданница») за чудо любви? Может ли бесприданница быть любимой и счастливой? — быть не вещью, а человеком? Что изменилось за 200 лет?.. Театр перестал быть театром — вскрытые противоречия жизни ожидают и в моих стихах:

*Бесприданницы нашего века
Также бродят вдоль Волги-реки —
Среди мелких людей человека
Ждут расчёту ума вопреки.
В мире всё покупают за деньги —
Сила денег надёжна в миру!
Но без риска любви мы навеки
Лишь, как пешки, кончаем игру.
Пьеса жизни горька без восторга,
В праве чувств дорогая цена!
Кто остался на линии торга —
Выпил чашу страданий до дна.
Кто о правде высокой вздыхает —
Видит даль и свои берега:
Нам приданое сердце вручает,
Чтоб мечта побеждала века...*

Время «бешеных денег» всё же уйдёт в небытие! Так мог предполагать А.Н. Островский, но свою точку отсчёта в жизни он нашёл ещё в детстве, в скромном родительском доме на Малой Ордынке, где с середины 80-х годов XX века открыл двери его Дом-музей, Здесь — из разных уголков страны собирались, оседали и строились старообрядцы, сочувствующие простому люду и свято хранившие заветы старины. Всех принимала Москва, а купечество сделало эти милые нам улицы, перекрёстки и храмы народным достоянием, памятниками зодчества и православной веры. Даже и татарская свобода не нарушала это старорусское единство, а красиво вписалась в колокольный перезвон и торговый гул ярмарок, гуляний и площадей:

*Здесь во дни студенческой бравადы
Иль от свечки, тающей в окне —
Снова просит предок бородастый
Помолчать с душой наедине...*

Мои прадеды в конце девятнадцатого века тоже облюбовали Замоскворечье: (Голиков переулочок, Большая Татарская и др. улицы). Семья моего деда, известного московского географа Н.И. Егорова, многие годы прожила вблизи Дома-музея А.Н. Островского на Пятницкой улице, где молодожёнами поселились и мои родители, не догадываясь, что в двадцать первом веке их дом — старинный особняк с окаменевшими львами — станет офисом «Альфа-банка». Кажется, и сейчас присутствие Островского на Малой Ордынке не вызывает сомнений.

Как и славный московский драматург, Р. Гамзатов знал ЦЕНУ СЛОВУ — понимал свою ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПИСАТЕЛЬСКИЙ ТРУД. Известно, что Расул Гамзатов обдумывал своё завещание. Его душа жила в послании к большой дагестанской семье, где все жители республики были для него соседями и родственниками. Но завещание великого аварца, конечно, было обращено ко всем россиянам, так как голос поэта громко и настойчиво озвучил ИСТИНЫ БЫТИЯ, необходимые в смутные времена, чтобы государство и общество существовали для каждого человека нашей страны.

АДАТЫ ГАМЗАТОВА (правила жизни) — и есть его Дагестан! И если инстинкт человека — сохранение жизни, то цель правильной жизни — это «СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ», ведь быть отважным — это, прежде всего, ЖИТЬ В СОГЛАСИИ СО СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ...», а подняться и одолеть неприступную высоту поэту помогли преданность Дагестану, мудрость его отца Гамзата Ца-

даса, вера и любовь Патимат Гамзатовой (именно Патимат Саидовна создала Музей изобразительных искусств в Дагестане).

После смерти дорогой и нежно любимой супруги Патимат Расул Гамзатов стал белым от седых волос, обрамляющих его строгое в безграничной печали лицо. Таким он и остался в памяти друзей, поэтов и единомышленников, а так подходящее ему определение «Гигант» будто и сейчас держит нерушимый пьедестал его вершины — МИССИИ ПОЭТА ДАГЕСТАНА. На приёме у В.В. Путина в 1999 году Расул заметил: «Раньше религия была отделена от государства. Сейчас от государства отделена поэзия!» Литературу он сравнивал с виноградной лозой и понимал назначение поэта в России.

А почему одна из лучших, любимых всеми народами нашей страны песня «Журавли» была написана именно Расулом Гамзатовым? Вдохновенье — неуправляемо, непредсказуемо, но я не верю в случайность! Грустный, запомнившийся при беглом взгляде в коридорах Международного союза писателей, образ Гамзатова время от времени возникал в моей памяти, будто требуя найти жизненный след и моего деда Алексея Никитовича Зайцева, погибшего под Москвой в декабре 1941 года.

*Ночей и дней всё нарастает бег,
В путь млечный перейдёт тропа земная,
Что завещать мне людям, белый снег,
Что завещать им, лошадь вороная?*

Каждая строфа Гамзатова обращена к будущим поколениям, а своим последним пристанищем Расул считал гору Тарки-Тау: место возле памятника «БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ». Там установлена гранитная стела в его честь — знак на его вершине, но главным его памятником остались стихи, живущие в песнях и книгах! Так и сам Расул Гамзатов стал СИМВОЛОМ ДАГЕСТАНА. И разве супруга Расула Патимат — властительница семейного очага и подвижница в культурном утверждении традиций Дагестана — не та же вершина, обретающая женские черты и сквозь чадру снежного покрова посылающая нам блеск горячих глаз?.. «Так есть мечта — своя вершина, а до неё снегов простор: опять в ручьях поёт долина и в облаках вершин дозор», — пишу я в ответ Расулу Гамзатову в год его столетнего юбилея.

Не так ли и Снегурочка А.Н. Островского — волшебный мираж той самой красоты или скрытого по смыслу притяжения, та загадка неодолимого по своей полноте чувства, которое ведёт, увлекая за собой и даже издалека напоминает нам о чудесах мира земного, подаренного людям Всевышним, чтобы по личному помыслу житейского они не судили о божественном промысле Творца.

Сознавая свой писательский долг, А.Н. Островский повторял, что его задача — служить драматическому искусству: быть его «и Академией, и меценатом, и защитой». В августе 1884 года он писал в «Автобиографической записке»: «Я задыхаюсь и захохочу без хорошего театра, как рыба без воды! Ясные дни мои прошли, но уж очень долго тянется ночь; хоть бы под конец-то жизни зарю увидеть, и то бы радость великая».

Даль, которая управляла А.Н. Островским — это, конечно, жизнь для родного искусства и СОЗДАНИЕ РУССКОГО ТЕАТРА, достойного России по своему всемирному значению. Таким памятником стал Малый Театр — Дом А.Н. Островского во все времена.

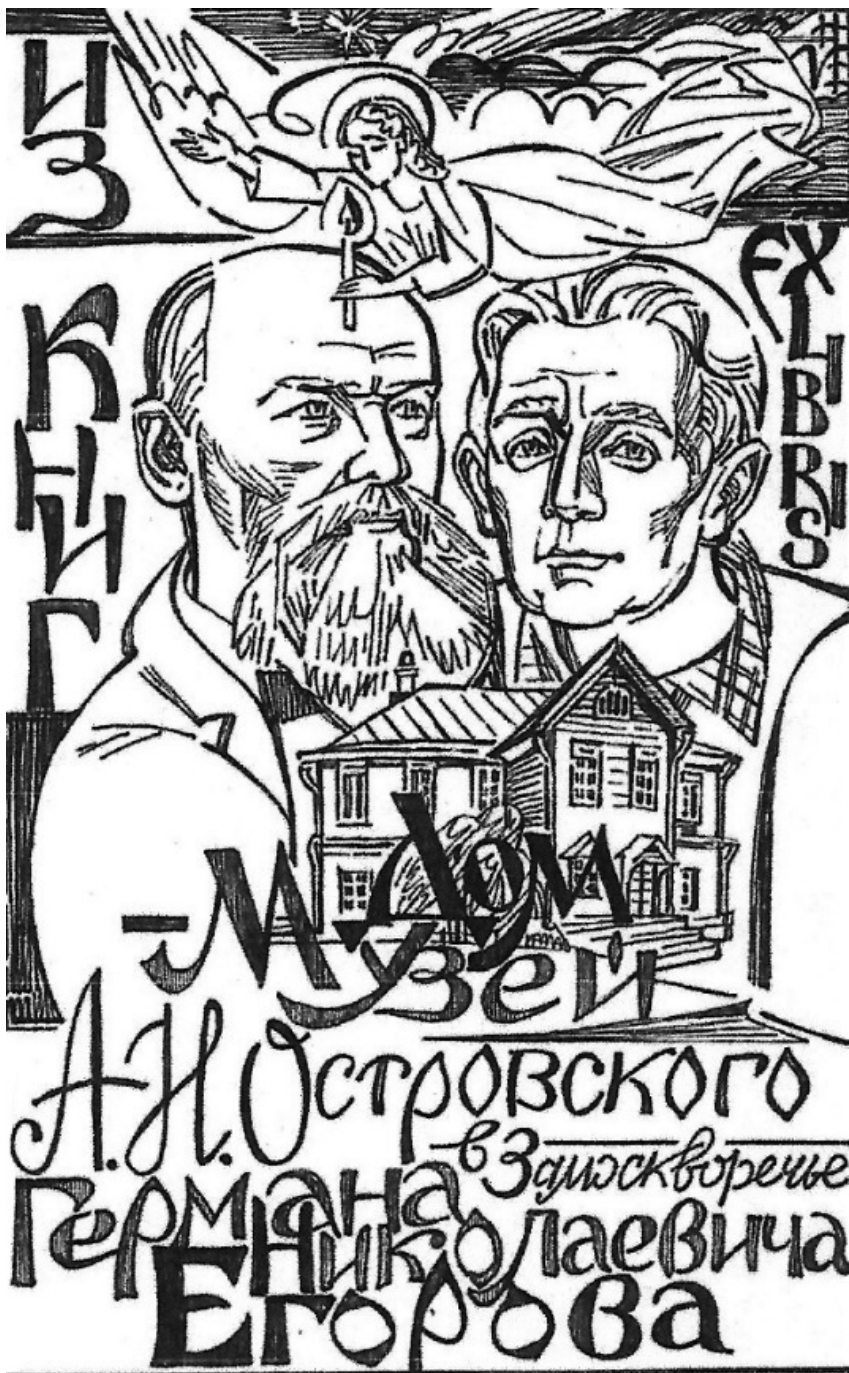
Островский и Гамзатов стали кудесниками народной мудрости, живущей в сознании людей и порой требующей своего воплощения. РАСУЛ ГАМЗАТОВ УВИДЕЛ СВОЮ ВЕРШИНУ и дошёл до неё бесстрашием влюблённого сердца, АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ РАЗГЛЯДЕЛ СВОЮ ДАЛЬ, говорил с миром на русском языке Замоскворечья и Поволжья, оставляя нам в наследство веру в талант и призвание человека, устремлённого в бескрайность мечты, которую губит грубая реальность мирского уклада.

Они сходятся там, за горизонтом творческой вселенной, где даль достигает вершины, а вершина открывает новые дали.

13.06.2023

PS:

Издательство «Известия» ещё в 1974 году выпустило том избранных стихов и поэм Р. Гамзатова, перешагнувшего свой 50-летний юбилей. Привожу слова составителя подарочного издания Вал. Гольцева о верных помощниках и первооткрывателях (переводчиках!) всеми нами любимых стихов Расула Газматовича: «Говоря о поэтической работе Расула Гамзатова следует отметить и заслуги постоянных переводчиков его стихов — поэтов Наума Гребнева и Якова Козловского. Это известные мастера перевода. Они полюбили Дагестан, полюбили его поэзию и много сделали, чтобы она стала известна в мире».

Евгений Степанов

Поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печтается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Венгрии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра», газеты «Литературные известия» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живёт в посёлке Быково (Московская область).

ТАК УСТРОЕН БЕЛЫЙ СВЕТ

ТАК

Так устроен белый свет, горестно и негуманно:
У поэта денег нет, деньги есть у графомана.

Так устроен этот мир, что забыли волю Божью.
Мировой телеэфир переполнен наглой ложью.

Так устроена земля, что немало дней постылых,
Кровопийцы у руля, а солдаты спят в могилах.

Сколько раненых, калек! А в цене, как прежде, порох...
Так устроен человек — перемен не будет скорых.

Может быть, пройдут века — и наступят перемены.
А пока жизнь нелегка и проблемы неизменны.

2023

ЧТО ДЕЛАТЬ

Что было бетоном, то стало трухой.
Что было барьерами — стало мостами.
И самый хороший и самый плохой
Довольно легко поменялись местами.

Что делать? Лишь то, что не делать нельзя.
Любить, но давая по шее задирам.
Идти, не виляя и не лебезя
Пред суетным и неустойчивым миром.

2020, 2023

ТОП-ТОП

Топ-топ... Из Библии в Коран
Прорыты длинные траншеи.
Ныряешь в озеро Кабан —
Выныриваешь в мутной Шпрее.

Топ-топ... Такой сопливый шкет...
Седой старпёр, забывший идиш...
Смотря в малюсенький айпед —
Увидишь то, чего не видишь.

Топ-топ... И я притопал в сеть,
Что жрёт меня, точь-в-точь волчара.
Топ-топ... Любовь и жизнь, и смерть.
И смерть, и жизнь. И всё сначала.

2013, 2023

В МИРЕ ЭТОМ

Я забыл о ритмах городских,
Но, как прежде, тот ещё гулёна
И соображаю на троих
В коллективе ясеня и клёна.

Я не гений самбо и дзюдо,
Слава Богу, вообще не гений.
Я не помню, где скитался до
Нынешнего, прошлых воплощений.

Я не знаю, ждёт меня потом
Общество творца или прохвоста?
...В мире этом зыбком, непростом,
В самом деле, как-то всё непросто.

2020, 2022

Я БЕГУ

Я бегу на всех парах в даль, откуда нет возврата.
Похоть грешную и страх вспоминаю виновато;

Холод-голод, рабский труд за горбушку и чекушку.
Вкупе с бесами берут ангелы меня на мушку.

Хронос, точно конвоир, по затылку бьёт прикладом.
Я бегу... Враждебный мир провожаю долгим взглядом.

2022

БУДЕМ ЖИТЬ

Веселушка-герла Мельпомена ублажает накаченный мозг.
И, счастливый, взирает блаженно на церквушки-мечети Христос.

И не верит, что жизнь, как солому, подпалить может чёрная масть,
И не верит, что губельно в кому может Кама великая впасть.

Будем жить, будем кротцы, как дети. А затем улетим, а затем
На весёлой и звонкой планете обживать будем новый Эдем.

2012, 2023. Елабуга

ВЛОДОВ

Жил поэт великий Влодов.
Рядом жил поэт Уродов.

Процветал поэт Уродов.
Горе мыкал нищий Влодов.

Но стихи остались Влодова —
Не Уродова.

2019

МЕМУАРЫ

Помню, мы жили в общегае, пили какую-то дрянь,
Тощие, как доходяги, грызли, как грызли, тарань.

Помню, мы жили в подвале, помню бандитскую пруть.
Помню, меня убивали и не сумели убить.

Помню далёкие страны, помню и горечь, и мёд...
Помню, кричали бакланы ночи и дни напролёт.

Помню, я шёл по Бродвею. Помню, пришёл на Луну.
Я ни о чём не жалею, я никого не кляню.

2017, 2023

ПЕСЕНКА СТАРОГО КОММЕРСАНТА

Не взошёл на пьедестал, не богат, как Дерипаска.
Я ещё не начинал — а уже близка развязка.

Ничего-то я не смог; денег не давал на храмы,
И в журнале модном «Vogue» я не размещал рекламы.

Невезучий коммерсант, непутёвый точно Вертер,
У меня большой талант — жизнь свою швырять на ветер.

Ничего, я на плаву, жизнь — как ни грусти! — прекрасна.
Как могу — так и живу. Может быть — и не напрасно.

2012, 2023

КВАДРАТНАЯ ГОЛОВА

Толпа, в компах бушует рынок
Мозгов, бурлит ашан телес.
И книжных глянцевого новинок
Лоснится виртуальный лес.

Глаза прилипли к монитору.
В башку влезает ловкий бред.
И можно приравнять к террору
Кровавый липкий Интернет.

И понимаешь поневоле,
Насколько пропасть глубока...
А можно выйти в чисто поле
И посмотреть на облака.

2018, 2023

ДАЧА

Дача избегает городских заскоков.
Тихо — слышу сосен робкие шаги.
Над землёй летает бабочка-Набоков,
Вырастают флоксы-Хлебников-Айги.

Тихо — слышу эхо праведного праха.
Тихо — в спячке лихо — оживает прах.
И сидит на ветке маленькая птаха
И гипнотизирует будущего крах.

2018, 2023

ПАМЯТИ АХМАТОВОЙ

Что скрыто за фасадами гламура?
Об этом и не скажешь напрямки.
Когда б вы знали из какого сюра
Растут роскошные особняки!

Пускай растут! Не наше это дело.
А наше дело — сердце не беречь;
Что осенью листва прошелестела,
Оформить в человеческую речь.

А наше дело — суть, а не детали,
А наше дело — ручка и тетрадь;
Что по весне скворцы прощебетали, —
Пролететь.

2020, 2021

ЭПОХА ПЕТРА

А.Н. Толстой

По своей масштабности, монументальности роман Алексея Николаевича Толстого «Пётр Первый» можно сравнить с «Войной и миром» Льва Николаевича Толстого. Картины В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Берёзове» (1883) предваряют сцены романа.

*...Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твёрдой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе.*

Так написал Александр Сергеевич Пушкин в поэме «Медный всадник» об эпохе Петра.

Подобно Льву Толстому Алексей Толстой выступает великим психологом, блестящим знатоком жизни народа, народного языка.

Денисов рассказывал:

— В свой смертный час старец благословил нас, братьев, Семёна и меня, Андрея, быть в Выговской обители в главных. Причастил — и мы пошли. А келья его стояла поодаль, в ложбинке. Только отошли, глядим — свет. Келья в огне, как в кусте огненном... Из огня слышим — сладкогласное пение... Утром приходим — из-под пепла бежит ключ светлый... Мы над ключом срубчик поставили и голубок — для иконки...

Ключевые сцены романа — Стрелецкий бунт, Азовские походы, Великое посольство, битва при Нарве написаны поэзией.

«Государю моему, радости, царю Петру Алексеевичу... Здравствуй, свет мой, на множество лет»... — писала молодая царица Евдокия. ...На дворе — апрель. Берёзы, как в дыплячем пуху, — зазеленели. Плывут снежные облака с синими донышками...

Уехал, голубчик, на Переяславское озеро... А то бы вместе говели, заутреню стояли бы... (Евдокия вспомнила курицу, — как ели её после венчания, — и про себя засмеялась).

Евдокия Лопухина разделила участь царевны Софьи. Вскоре после рождения царевича Алексея указом Петра Евдокия была выслана в Суздаль, в монастырь.

Любимая сестра Петра Наталья, воспитавшая царевича Алексея, целомудренна и скромна. Но и её крылом коснулась любовь...

Было это, как из сказки, что в детстве рассказывала на печи Санька — про царевну Несравненную Красоту... Иван-то царевич скакнул на коне выше дерева стоячего, ниже облака ходячего, под самое косящее окошко и сорвал у Несравненной Красоты перстень с белой руки...

Катерина... Кто она? Чужеземка, бывшая экономкой у фельд-маршала Шереметьева. Её именем Пётр назвал корабль. Паутинка, которую Пётр не смог разорвать.

По приказу царя Петра в Преображенское приехал Гаврила Бровкин с живописцем (иконописцем) Андреем Голиковым. Пётр велел Голикову написать портрет Катерины.

Замечателен Валтасаров пир. В танце Катерина неутомима.

— Иди с Катериной! — крикнула Наталья, сверкнула глазами на Гаврилу. Он вскочил, сбросил с плеч валтасарову шубу... Spина у Катерины горячая, податливая под рукой, ноги лёгкие, от кружения с её головы и плеч летели стручки гороха, вишнёвые ягоды... Анна и Марфа также завертелись, взявшись за руки.

На ковре перед свечами остался один Голиков... под свист флейты всё звучали вирши царевны про олимпийских богов... И плыла, плыла перед глазами нагая богиня на дельфине с чашей, полной соблазна...

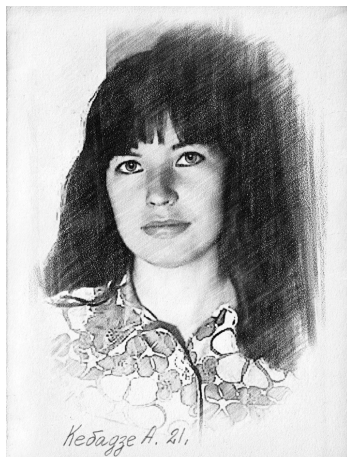
Взятием в плен генерала Горна в сражении при Нарве Алексей Толстой обрывает роман.

Чем завершилась жизнь Петра? Как взошла на престол Екатерина? Почему бывший сподвижник Петра, опальный князь Александр Меншиков, отправился с семьёй в Берёзово? — об этом автор не пишет.

Грандиозная фигура Петра!

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!..*

2022

«Примавера». Рисунок Алексея Кебадзе

ФАМИЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

Памяти родителей

* * *

Мальчик из Петрограда,
Девочка из Пятигорска,
Им обязательно надо
Встретиться. Это упорство

Мы называем Судьбою.
Ценны усилия эти...
Чтобы ценою любой
Я появилась на свете.

* * *

Меня крестил в купли ледяной
Священник старый в церкви захолустной.
Метель кружила вихри надо мной,
Терзая песней, жалобной и грустной.

И мама меня по полю везла
На санках, и скрипели в такт полозья.
И душу охраняла ото зла
Звезда, что просияла на морозе.

Кто был зимой российской крещён,
Её морозом, вьюгою и снегом,
Тот, может, будет Господом прощён
И пощажён косматым звёздным небом.

Ведь нету ей конца, как ни гляди,
Стране моей, страдающей и бедной,
Что в холод согревает на груди
Под белым снегом детский крестик медный.

* * *

Звала меня ты нежно: «Детка»,
Но это больше, чем родство,
Ведь я твой отпрыск верный, ветка,
Побег от корня твоего.

Душа, не умещаась в тело,
Дерзала, мучилась, росла...
Такая я, как ты хотела,
И быть иной я не могла.

МАТЬ И ДОЧЬ

Когда слезами льются ливни,
Никто не может нам помочь.
Но нету связи неразрывней,
Чем эта связка — мать и дочь.

Мы — бесконечной цепи звенья,
Мы из неё не рвёмся прочь.
И в эстафету вдохновенья
Вступают смело мать и дочь.

Твоё живое продолженье,
Как в бурной юности — точь-в-точь.
О, это вечное движенье
К далёкой цели — мать и дочь.

Ведь в дочери-матери играя,
Мы боль не в силах превозмочь.
Но встретятся в воротах рая
Однажды снова мать и дочь.

* * *

Как родилась я в Марьиной роще,
В каменной чаше Москвы,
Так до сих пор быть настырней и проще
Не научилась, увы.

Вот и живу уроженкой окраин,
Вечно стою на краю.
Ведь, как умеем, мы выбираем
В жизни дорогу свою,

Эту тропинку в дебрях житейских,
Где заблудились давно,
Где отразится в струях Летейских
Странное наше кино.

Лес порубили — щепки летели,
Всё завалил бурелом.
Марьиная роща, улицы те ли,
Цел ли тот дом за углом?

Эх, глухомань нашей гордой столицы,
Выросшей в сердце лесов,
Что отразилась тенью на лицах,
Эхом во тьме голосов.

* * *

В сердце предместий, в раме окраин,
С неба кроплённая градом и граем,
В Марьиной роще, где Марианной
Я рождена — непокорной и странной.
Так, пребывая меж адом и раем,
Мы за мгновение жизни сгораем.
В свет и тепло превращается пламя,
Рея невидимым нимбом над нами,

Звук всё невнятной, а жизнь непонятней.
Голубь возносится над голубятней,
И в наступающем мартовском мраке
Громко бродячие лают собаки.
Так в лабиринте тревожных окраин
Жизнь проживаем мы и умираем.
Впишет статистик огромные числа,
Но не постичь нам их тайного смысла,
Смысла, что движет душой и рукою
И не даёт ни минуты покоя,
Грозно толкая к любви или к мести —
В раме окраин, в сердце предместий.

ПОРТРЕТЫ ПРЕДКОВ

Жизнь не щадит никого и нисколько,
Душу мне мучит давнишнею болью —
Гордой графинечке, беленькой польке
Выпало тлеть на цыганских угольях.

Жизнь устанавливать любит порядки.
Горше отравы иная отрада.
Ссылной изгнаннице, аристократке
Вздрагивать в цепких руках конокрада.

Лёгкой мазурки прощальная нота
Тоньше, чем трещина в тяжести свода.
Но под пятою железного гнёта
Бродит кибиток босая свобода.

Жизнь — режиссёр волевой и жестокий.
Только не зря постигаю отныне
Эти — в душе моей тёмной истоки
Воли цыганской и польской гордыни.

Пусть не уйти от бесплодных попыток,
Ведь суждены нам столицы и веси.
В смутной душе ощущаю избыток
Лени цыганской и шляхетской спеси.

Судьбы — в подброшенной к небу монете,
Решка с орлом в нескончаемом споре.
Жизнь объяснит мне премудрый генетик,
Век растолкует суровый историк.

Спорить не смею — учёные права.
Только не вышло со мной ни черта бы,
Если б в высокую душу Варшавы
Вдруг не ворвался оборванный табор;

Если б не выслали вора за кражу;
Если б мелодия бального танца,
Вспыхнув, как трут, в фортепьянном пассаже,
Не превратилась бы в песню повстанца;

Если б во тьме, у земного предела,
В дикой Сибири, под вой урагана
Польки прохладное бледное тело
Не было брошено в пекло цыгана.

ФАМИЛИЯ

Благодаря своей фамилии
Искать мне славы ни к чему.
Летят воздушные флотилии
По небесам сквозь свет и тьму.

Ведут их лётчики забытые,
Что навсегда ушли с земли.
Сквозь самолёты их разбитые
Давно ромашки проросли.

Но не собьются стаи лёгкие
И невесомые, как сны.
А воздух наполняет лёгкие,
И слышен голос тишины.

От нашей славы и беславия
Они свободны навсегда.
Томов стираются заглавия,
Но в вышине горит звезда.

Окликнуть их уже не в силе я —
Не различаю ничего...
Осталась в паспорте фамилия
От славы предка моего.

АВИАТОР

Харитону Славороссову

Мой незнакомый дед,
Мой предок легендарный,
Завидую судьбе
Твоей неблагодарной.

Не отыскать морщин
На пожелтелом фото.
О, лучший из мужчин,
Икар — дитя полёта.

Это было так: ты, упрямо хмурясь, подходил к своей машине — «этажерке».

Хрупкая конструкция напоминала воздушного змея, склеенного детьми.

Но чудо свершилось — она взлетела.

И ахала толпа,
Крестился люд, толкуя...
И капал пот со лба,
И рвался крик, ликуя!

Бесстрашный ангел мой
В бензине и мазуте,
От пошлости земной
Ты поднялся до сути.

Великий гонщик. Сумасшедший велосипедист. Скорость, скорость...

«Какой же русский не любит быстрой езды...»

Новый век набирает скорость. Всё быстрее, быстрее...

Молитву сотвори
За дерзостного брата.
Живой метеорит,
Душа огнем объята.

Падучая звезда,
О чём тебе молиться?
В день Страшного суда —
Сгореть или разбиться?

Космонавты начала века, не отделенные броней от стихии, а вбирающие её в свои легкие, неотразимые авиаторы в кожаных шлемах. Цветы, и музыка, и улыбки женщин.

И сообщения в газетах: «Сегодня утром произошла воздушная катастрофа...»

Ты в небесах пари,
Будь в вечности как дома,
Мой Сент-Экзюпери,
Мой предок незнакомый.

Жизнь — праздник без конца
И тяжкая работа.
...Не разглядеть лица
На пожелтелом фото.

ПОЛЁТ

*Роберту Бартини**

Как на загадочной картине,
Что расплывается в слезах,
Я вижу мальчика Бартини
С мечтой безумною в глазах.

А сердца стук в моторном шуме
Замрёт и вздрогнет, как во сне...
Следит испуганный Фиуме
За странной птицей в вышине,

Чья тень над улочкою узкой
Кружит, как брошенный платок.
Взирает авиатор русский
На итальянский городок.

*Роберт Бартини — советский авиаконструктор, сын барона Лодовико Бартини, мэра города Фиуме.

И, словно письма из конверта,
Летят по небу облака.
Не зря горит в глазах Роберто
Немой восторг ученика.

Как мальчик взять с собою просит,
Как прикрепляет к сердцу нить!
И свой вердикт Судьба выносит,
Что невозможно изменить...

Не избежать беды и боли,
Но всё равно: Да будет так!
А самолёт на синем поле,
Как рыцарей небесных знак.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Розина Феррарио*

Девушка в небе, запах бензина,
Это небесная роза — Розина.
Сердце летящего аэроплана,
Милая девочка — гордость Милана.

Первая ласточка в небе весеннем...
Стала бы ты вознесеньем, спасеньем?

Гонки кончаются болью и взрывом...
Лишь в небесах жить возможно счастливым.

КАФЕ «РОТОНДА» 1914

Харитону Славороссову

Кафе «Ротонда» в роковом году.
Ещё не встала центра Помпиду
Дразнящая, кричащая громада.
И вряд ли кто предчувствовал беду
Над чашечкой густого шоколада.

*Розина Феррарио — первая итальянская лётчица. Училась в лётной школе фирмы Капрони, шеф-пилотом которой был Харитон Славороссов.

И приставал назойливый мотив,
И огоньком горел аперитив,
И анекдоты слушались вполуха...
Но погибал в тоске Императив
Германского трагического духа.

А русский авиатор за столом,
Забыв про свой тяжёлый перелом,
Шутил, что он не зря сюда заброшен.
И растворялись в дымке за стеклом
И Эренбург, и Сутин, и Волошин.

Кафе «Ротонда» в гибельном году,
Как написал Рембо: «Сезон в аду»,
Но в ад ещё не открывались двери,
Лишь на Соборе корчились в бреду
Чудовищные каменные звери.

И авиатор кофе наливал,
С улыбкой Макс Линдеру кивал,
Сошедшему с экрана на минутку.
А лёгкий летний вечер навевал
Загадочность и грусть на проститутку.

Кафе «Ротонда» в голубом чаду,
Шампанское, шипящее во льду,
Глотал эстет с гримасой декаданса.
А он всё звал горючую звезду
В рыданиях цыганского романса.

Он ничего ещё не понимал
И, уходя по улице, хромал,
Но полон был полётами, как птица...
А Рок незримо меч свой поднимал,
И мир сверкал, чтоб через миг разбиться.

РОДСТВО

Гордец в черкеске с газырями,
Кому так браво козыряли,
Курчавясь чубом, казаки,
Мой тёзка, пишуший стихи,
(Виолончели звук щемящий)
Прищур мне подаривший пращур.
Но неустанно день за днём
Зачем я думаю о нём?

Зачем легко и скрупулёзно
Я представляю вечер звёздный,
Когда с церковного двора
Ушёл однажды в доктора
(Ещё не мысля про потомство),
Потом прославился по Томску
(О, рыцарь медицины, в бой!)
Дьячковский сын и прадед мой?

Зачем нашла я сходства столько
С собой и дочкой ссыльной польки
(Отец — цыган, кровь горяча),
Женой сибирского врача,
Что с пылом дерзким и скандальным
Сбежит с марксистом нелегальным
Прочь от надёжных стен и крыш
И эмигрирует в Париж.

Юнец одесский, руки в брюки:
Велосипеды, треки, трюки —
Азарт спортсмена, игрока
И взгляд бесстрашный свысока.
О, притяженье к небу! Выше!
Лишь авиатор небом дышит.
Он дал мне страсть тягаться с ним
И подарил свой псевдоним.
Лёт через Альпы, без стоянок...
Герой, любимец итальянок,
Сгорал звездой, скользил живой
По небу Первой мировой.

Но с рвением (пусть не аспирантским)
Зачем узнать, что был Сперанский,
Сей мощный ум в моей родне,
Что я ему и что он мне?
Но в фотографиях копать,
Но ссылок, войн и оккупаций
Зачем будить былую боль,
Ища истоки чувств и волю?

Родительского древа ветки,
О, родичи, родные предки,
Зачем обязана судьбой
Всех вас всегда носить с собой?
Все ваши жизни и сюрпризы —
Как мне понятен риск актрисы:
«В Москву!» — решила в тишине,
А нежный инженер жене
Во всём послушен. Бунт и шалость!
Как это всё во мне смешалось —
Дороги, поезда, столбы,
Разрывы и узлы Судьбы.

ПРАБАБКИНО ЗЕРКАЛО

I.

Прабабкино зеркало,
Бездна времён,
Где явь тихо меркла,
И вспыхивал сон.

Упрямого детства
Таинственный страж,
Стеклянный дворец мой,
Старинный трельяж.

Былое картиной
Глядится из рам,
Ложась паутиной
На блеск амальгам.

В моём Зазеркалье
Души ипостась,
Как в сказочном зале,
Играет, троясь.

II.

Вре́мён скоротечность
И льдистая мгла,
Пространств бесконечность
За створкой стекла.

Какие однажды
Найду там миры?
О, тайная жажда
Запретной игры!

Стеклянная влага,
Иллюзий вода.
О, тайная тяга
Проникнуть туда,

Где смутный, как отблеск
На том берегу,
Грядущего облик
Провидеть смогу...

Застыв без движенья
Часами могла
Ловить отраженья
За гранью стекла.

* * *

Воспоминания детства воскресли:
Девочка с книгой в прабабкином кресле,
Белые джунгли на зимнем окне,
Синие тени на бледной стене.
Небо срывается вниз снегопадом.
Девочка смотрит невидящим взглядом,
Словно бы зная уже, что вот-вот
Кто-то незримый её позовёт.

Длится снежинок таинственный танец,
И отражает ей зеркала глянец:
Снежной владычицы хладный венец,
Хмурого севера зимний дворец.
В страшные сказки влюблённое детство.
Кресло и зеркало — это наследство
Девочки с книгой от старых времён,
Грозных судеб и семейных имён.
Снег невесомо над миром витает.
Девочка с жадностью книгу читает,
А у стены зазеркальный двойник
Тоже к загадочной книге приник.
Тишь — только шёлковый шелест ресницы,
Снега полёт да шуршанье страницы.
И предо мной возникает, как встарь,
Странного детства волшебный фонарь.
И повторится до боли сердечной
В зеркале девочка с книгою вечной —
Из зазеркалья, из давнего дня,
Словно не видя, глядит на меня.

ПАМЯТИ БРАТА

Мир без тебя так безнадёжно пуст.
Хоть полон света, страсти, упоенья...
Читают пусть в церквах сорокоуст,
Чтоб дал Господь тебе упокоенье.

Как боль чиста, как боль моя остра!
Но обретеньем стала вдруг утрата:
Теперь ты понял — ближе всех сестра,
Теперь я знаю — нет дороже брата.

Кого винить? Да некого винить.
Хоть горький плач из горла так и рвётся...
Но наших уз серебряная нить
И там, в краю заоблачном не рвётся.

* * *

Аркадию

А мне по тебе убиваться,
Мой милый, теперь до конца —
Лет тридцать, а, может быть, двадцать,
Не смахивать слёзы с лица.

Пусть выплечут слёзы другие,
А мне этих слёз не унять
И чувство острей ностальгии,
Зато уж его не отнять.

Вымалывать милость у Бога
В ночи и в сиянии дня.
А ты подожди нам немного,
Пока не отпустят меня.

* * *

Алексю

Взвесь каждую мою слезу. Потянет три карата?
И ограни её потом — здесь нужно мастерство.
Всё дело в том, что ты мне так напоминаешь брата,
И с этим, я боюсь, нельзя поделаться ничего.

Как будто в нашем мире он, не за чертой могильной,
И мне не надобно во сне искать его следы.
А можно просто позвонить отсюда на мобильный,
И он ответит мне, смеясь, с какой-нибудь звезды.

На сходстве том судьба моя сыграла вероломно,
Как ни пытайся, ничего мы в этом не поймём.
Но чувство, павшее на нас, так странно и огромно,
И, как в тумане светляки, мы исчезаем в нём.

Что по сравнению с ним тщета, прорывы и победы?
Спалило душу нам дотла, как молнией гроза.
И лишь мерцает в небесах Туманность Андромеды,
Как в затуманенных глазах дрожащая слеза...

* * *

О, если бы не было всё так плачевно,
То разве б решилась спросить я тогда:
«О, сердце моё, одинокий кочевник,
Куда же ты чувств моих гонишь стада?»

Над нами раскинулась звёздная млечность,
И надо бы к дому, но движемся прочь.
И чувство моё — беспредельно, как вечность,
И горе моё безутешно, как ночь.

Чьей волей мы брошены в дикую местность?
Не видно нигде человеческих примет,
И рвётся струна, и томит неизвестность,
И кто-то во тьме произносит: «Кисмет»* ...

Но чья там мелодия темень тревожит?
Ни друга кругом, ни костра, ни жилья...
Кто плакать не может, тот песню не сложит.
О, сердце, о чём эта песня твоя?

О трудной судьбе в одиночестве ночи,
О том, кто мне дорог и близок, как брат,
О долге идти, хоть и нет уже мочи,
Идти, чтоб дожждаться утра без утрат.

* * *

Теперь ты — вся моя семья,
Теперь ты — вся моя родня.
Не одинока больше я —
Ты стал судьбою для меня.

А я теперь — любовь твоя
И радость хрупкая, и боль,
Твой свет во мгле житья-бытья,
В похлёбке быта — смысла соль.

*Кисмет (араб.) — рок, судьба, предопределение.

* * *

Пульки из одной обоймы...
Ах, проказы и приколы!
Что тут скажешь? Ведь с тобой мы
Вышли из девятой школы.

Где росли, всё отвергая,
Та мечтательность и доблесть?
Улица совсем другая
И совсем другая область.

Но Москва нас породнила —
Не Саратов и не Вятка,
Но тетрадки и чернила,
И рисунки, и девятка.

Ныне, присно и покуда,
И отселе, и доколе
Мы с тобою верим в чудо
В память о девятой школе.

* * *

Перелистывай книгу осеннюю,
Пожелтевшую книгу листай.
Видишь рощу? Укройся под сень её —
Слушать стон улетающих стай.

Эта книга похожа на дерево:
Вот листы её, вот корешок.
Здесь ответ на загадку, проверь его,
Подави ироничный смешок.

В этой книге — источнике мужества
Ты и силу, и мудрость найдёшь.
Что ещё может в ней обнаружиться?
Тишина. А не вздорный галдёж.

Мы с тобой в этой книге таинственной
Можем вместе бродить без конца...
И разматывать путь свой единственный,
Заклѳчѳнный в пространстве кольца.

* * *

Разорваны неволи путы,
Когда неведом никому
Идёт наследник из Калькутты,
И мир принадлежит ему.

На юге солнечное детство
И юность в огненной войне —
Его бесценное наследство...
Никто не знает о цене.

Он видел близких взгляд последний
И лица в памяти унёс.
Живёт неведомый наследник
Их слов, их радостей и слёз.

* * *

Не уедем в Германию, Англию, Францию,
Италию, Китай и, конечно, Америку,
В Польшу и то не совершим эмиграцию,
В Иран не сбежим, подобно дикому Тереку.

Все мои близкие отказывались от счастливых шансов,
Спрыгивая с поездов в последнюю лишь минуту,
И возвращались под звуки народных танцев,
Выбирая страдания, боль и смуту.

Выбирая Россию словом, душой и геном,
Выбирая Родину, чтоб мне в Москве родиться.
Пусть Украина отрезана автогеном,
Они шли в Россию, чем я могу гордиться.

Полегли мои предки в землю родную. Где их могилы?
Да заполнили воздух дыханьем своим горячим.
Только им я могу дышать и, теряя силы,
Помолюсь по-русски — я не могу иначе.

ПАМЯТИ ФИЗИКА Б.В. КЕБАДЗЕ

Летят на Олимп иль спускаются в Лимб,
Оставив всё лучшее людям.
А мы средь цветущих каштанов и лип
Их помним и плачем, и любим.

В поношенных куртках своих и пальто
Вершили вселенские судьбы.
Ушли налегке они в вечность, зато
Не как беспощадные судьи.

Стремилась уменьшить всемирное зло,
Испытаны счастьем и болью.
И грустно теперь на душе, и светло
На долгом пути к Передолью.*

* * *

Ничего у других не краду,
Я — обломок от ветви в роду.
Много ль надо усталой, печальной
Далеко от строки изначальной?

При горящих прощальных свечах
Сто веков я несу на плечах,
И стоят за моею спиною
Сонмы предков живую стеною.

Это значит, что я не одна,
Я допью эту чашу до дна.
И в кружении русской рулетки
Я храню вас в себе, мои предки.

Я несу вас в душе и крови,
Я храню вас в тоске и любви —
То мятежного рода наследство,
Никуда от него мне не деться.

* Передолье—кладбище в Обнинске.

Проживая недолгие дни,
Ощущаю: я — это они.
И наполнена их голосами
Я глаза омываю слезами.

Слишком много в себе я несу,
Бурей сбитая ветка в лесу,
Ветром вырванная страница...
К ним иду я — воссоединиться.

* * *

Три фантазёра, три избранника
Средь книг и плюшевых зверей,
Племянница и два племянника,
Сокровища души моей.

Они людьми не будут лишними,
Грядущее их дом и храм,
И им глядеть глазами-вишнями
На мир, что не увидеть нам.

* * *

Когда не будет нас, всё так же будет в мире:
Соль слёз и сладкий вкус на языке.
И с книгой девочка в неприбранной квартире,
И мальчик, что войну рисует на листке.

Когда не будет нас, слетится птичье вече,
Весна, смеясь, придёт. И пусть пробьёт их час —
И станет жизнь судьбой и неизбежной встреча,
И их найдёт любовь. Когда не будет нас.

Александр Серафимов**СЕРАФИМА**

Рассказ, на основе реальных событий

С ранних лет Афанасий Ильич Аксаков был уверен, что фамилия любого человека играет определённую роль в его судьбе, является своего рода стержнем по жизни. Недаром говорят – прославленная, знаменитая фамилия и наоборот — не позорь свою фамилию. Доказательством его убеждённости была история его матери, Анфисы Афанасьевны. Однажды он наткнулся на толкование её фамилии, которое гласило, что Аксаковы отличаются гордым, самолюбивым, независимым, болезненно воспринимающие любые, даже самые невинные критические замечания характером. Одновременно в них уживается импульсивность, романтизм, благородство и непримиримое отношение к несправедливости. Зная свою мать, Афанасий Ильич был глубоко уверен, то именно эти черты характера толкнули её в объятия эсеров. Ещё в гимназии она заразилась идеей установления справедливого порядка в России, для чего необходимо было свергнуть царизм и установить народовластие. В революцию 1905 года она возглавила группу, которая грабила военные склады и снабжала оружием боевые отряды в Москве. После разгрома восставших она была схвачена и осуждена военным судом к двадцати годам каторжных работ, которые позднее были заменены пожизненной якутской ссылкой.

Прибыв в Якутск, она стала изучать якутский язык и уже через полтора года свободно общалась с местным населением. Ещё через год она добилась разрешения открыть начальную школу для якутских детей на их языке. Однако её мятежная душа на этом не успокоилась и вскоре она, несмотря на строжайший запрет, создала группу единомышленников, в которую вошли несколько ссыльных и молодые, получившие образование в Хабаровске, якуты. Эта группа в течении нескольких лет вела революционную пропаганду среди местного населения и была разгромлена в 1918 году, многие её члены были расстреляны. В этот год повсеместного террора Анфиса Афанасьевна только чудом избежала судьбы многих её однопартийцев. Благополучно выбравшись из цепких лап ВЧКа, чему способствовал один из местных чекистов, якут, который каким-то образом доказал, что Анфиса Афанасьевна была исключительно пас-

сивным членом группы, что всё своё время она отдавала обучению школьников, а потому не может представлять опасность для советской власти.

Через год она вышла за него замуж и спустя несколько лет, в конце двадцатых годов, родила сына, назвав его в честь своего отца Афанасием. С рождением сына Анфиса Афанасьевна успокоилась, всё своё время посвящала семье и воспитанию сына. С годами сын всё более стал походить на мать, но азиатские черты в его лице удивительным образом сочетались с европейскими, что придавало его облику своеобразную харизму, которая очень нравилась женщинам.

Невысокого роста, крепкого телосложения он производил на окружающих впечатление доброго, уверенного в себе человека. В отличие от своей матери он унаследовал мягкий доброжелательный характер своего отца, и только отдельные вспышки гнева и обидчивость напоминали о наследии по материнской линии. Несмотря на свою громкую фамилию, больших успехов в жизни Афанасий Ильич не добился, уже потому, что он к ним и не стремился. Окончив техникум и получив специальность, он более сорока лет проработал сменным мастером на домостроительном комбинате, за что был награждён медалью «За трудовую доблесть», получил квартиру и земельный участок в десять соток. Но самым главным для него была семейная жизнь, которая сложилась вполне удачно и только одно огорчало его несколько лет после женитьбы, отсутствие детей. Наконец, после восьми лет супружества его жена забеременела и на свет появилась дочь Варвара.

Есть устойчивое мнение, что главные черты характера мы получаем не от родителей, а от бабушек и дедушек, что и подтвердило рождение Варвары Афанасьевны. Уже в раннем детстве у неё стали проявляться бабушкины черты характера – неугомонный, самолюбивый характер. Если ей делали, как она считала, несправедливое замечание, она отправлялась в угол и, стоя там, тихо плакала, а потом долго молчала, делая вид, что не слышит. Уже в пятом классе она решила, что непременно будет актрисой, будет выступать на больших сценах в знаменитых театрах. Для того, чтобы осуществить свою мечту, она стала заниматься в школьном драмкружке, где показала себя девочкой не без способностей, играла главные роли в нескольких детских спектаклях, в старшем классе была приглашена в местный народный театр, что окончательно вскружило голову Варваре и она решила, сразу по окончании школы поступать в Щукинское театральное училище. Для вступительных экзаменов она приготовила стихи Марины Цветаевой, отрывки из произведений Шукшина и танцевальный номер. Но по какой-то причине именно

оценки за танцы повлияли на решение комиссии, уже в самом начале она дважды чуть не упала, но продолжала выделять разные па, как бы говоря этим, неудачное начало ничего не значит, она прирождённая актриса. Окончив танцевать, она устремилась к членам жюри робкий молящий взгляд, с ужасом ожидая их решения. К её глубочайшему огорчению, она не прошла по конкурсу, и это был первый сильнейший удар по её самолюбию. Однако эта неудача не остановила её, и она ещё трижды, меняя училища, ездила в Москву, но все попытки поступить не увенчались успехом. Про себя она решила, что её просто зажимают, была уверена в том, что по конкурсу проходят исключительно блатные, а таких как она, провинциалок, просто выбрасывают за борт. Эти провалы до глубины души оскорбили её самолюбие, и она впала в глубочайшую депрессию, стала замкнутой, чуралась компаний и, как ей казалось, потеряла смысл жизни. Так продолжалось около года пока её не нашёл местный драматург и предложил главную роль в его пьесе, посвященной разгрому якутских эсеров. Прочитав пьесу, она немедленно согласилась. Особенно Варю поразила роль её бабушки Анфисы Афанасьевны, которую ей предстояло сыграть. Для того, чтобы вжиться в образ, Варя изучила материалы местного краеведческого музея, посвящённые революционной деятельности её бабушки, прочитала доступную литературу об эсеровском движении и побеседовала с людьми, которые многое знали о тех событиях из рассказов своих родственников. Всё это сделало её жизнь осмысленной, а тут ещё встреча с весёлым молодым человеком окончательно вылечила от депрессии. Однажды в декабре в сорокаградусный мороз, возвращаясь с очередной репетиции, она поскользнулась, подвернула ногу и, если бы не **помощь не откуда** появившегося паренька неизвестно, что случилось бы с ней.

— Николай Гавриков, старатель, — поднимая её с заснеженной мостовой, представился он.

— Варвара или просто Варя, — обнимая своего спасителя за шею, сказала она.

— Знаю, я смотрел несколько спектаклей с вашим участием и был поражён вашим талантом. Вы так тонко играете, прям, как в московских театрах, я восхищён, — широко улыбаясь заявил Николай.

— И кто же ты по жизни? — как бы не замечая комплимента, спросила Варя.

— **Старатель золотоискатель**, — усмехнулся Николай.

— И много же ты, **старатель золотоискатель** нашёл драгоценного металла? — спросила Варя.

— На жизнь хватает, а не хватит снова по весне уйду на прииск.

— Ну, если ты такой сильный, носи меня домой.

— С удовольствием, давно мечтал об этом. И с этих пор буду каждый раз встречать вас и доносить до дома, — поднимая её на руки, рассмеялся Николай.

— А не надорвёшься?

— Не надорвусь, приходилось и большие тяжести носить.

— Согласна, буду ждать, смотри не обмани, — улыбнулась Варя.

Через полгода Варя и Николай зарегистрировали свой брак, при этом невеста категорически отказалась брать плебейскую, по её выражению, фамилию мужа. Любила ли Варя мужа? Одно можно сказать с уверенностью, ей импонировал его мягкий, покладистый характер, что было немаловажно для её импульсивной натуры. Но главной причиной её замужества было желание выйти из-под родительской опеки и строить свою жизнь по собственному усмотрению.

Николай Гавриков, по прозвищу Гаврик, после окончания Тульского строительного техникума неожиданно для своих родителей завербовался в Якутию, на один из Бадайбинских приисков и стал мыть золото вместе с другими старателями на карьерных отвалах. Вначале третьего сезона он нашёл небольшой самородок и, как говорится, зажилил его. В результате ему набили морду и выгнали из артели. Так он оказался в Якутске, где устроился по специальности в строительное управление.

Накануне женитьбы Николай, тут же на ранее заработанные деньги купил дом, куда и привёл свою молодую жену. Оглядев новое жилище, Варя пришла в ужас, топить печь, бороться со снежными заносами ей казалось невозможным и даже диким, но делать было нечего, пришлось смириться и обживать новый дом, а ещё через год она родила дочь.

В ночь перед рождения внучки бабушке Алевтине приснился странный сон — она увидела себя в окружении каких-то незнакомых, стоящих вдоль дороги людей в странных одеждах, а Святая мученица Серафима, озарённая яркими лучами Солнца, легко ступая босыми ногами по грязной мостовой, осеняла их крестом. То, что это была именно Святая дева Серафима, бабушка Алевтина ни на минуту не сомневалась уже потому, что рядом стоящий мужчина внезапно упал на колени **и протягивая руки к идущей деве крикнул**: «Благослови, святая дева Серафима, на жертвенный подвиг во имя Иисуса Христа!». Святая подошла к мужчине и, возложив крест на его голову, сказала: «Благословляю тебя, веруй в Иисуса даже тогда, когда тебе будет мучительно больно, а враги наши будут соблазнять тебя прекрасной земной жизнью». Затем она повернулась к бабушке: «А ты, Алевтина, свою внучку назови в мою честь, её ждёт **трудная со многими разочарованиями судьба**, но она всё преодолеет и найдёт своё счастье на избранном пути».

Утром её разбудил телефонный звонок, и голос зятя радостно сообщил о рождении внучки.

— Прими мой поздравления, Коля, и не вздумай заранее давать имя своей дочери, всё решим на семейном совете, понял зятёк? — заявила бабушка.

— Понял, как не понять, решим на семейном совете, так даже будет лучше, — согласился Николай.

Через несколько дней на семейном совете обсуждали какое имя дать новорождённой. Дед Афанасий настаивал на Алевтине, в честь бабушки, отец на Валерии и тут бабушка рассказала свой сон, и все согласились назвать девочку Серафимой, то есть пламенной.

— Вот увидите, наша девочка, когда вырастет, покажет себя, её ждёт слава, как Серафиму Бирман, — тоном, не допускающим возражений, заявила бабушка.

— А кто эта самая Бирман? — удивлённо спросил новоявленный отец.

— Ты, Коля, чем ни будь кроме себя интересовался? Знаю, ничем, так вот, Серафима Бирман народная артистка, режиссёр, лауреат Сталинской премии, понятно?

— Теперь понятно, пусть будет пламенной Серафимой, — согласился Николай и, помолчав, спросил. — А как попроще?

— Попроще, Сима, Симочка, а можно и Фима, кому как больше нравится, — ответила бабушка.

Всё шло хорошо, но тут в стране началась перестройка, которая, как известно, закончилась экономическим крахом и развалом огромной страны. Якутск вместе со всеми попал под жернова новых экономических реалий. Почти все промышленные и строительные предприятия стали банкротиться и выбрасывать на улицу тысячи работников. Деду Афанасию повезло, он за несколько месяцев до коллапса экономики, вышел на пенсию, перед этим получив земельный участок и медаль «За трудовую доблесть». Николаю Гаврикову повезло меньше, его строительное управление закрылось одно из первых, а профессиональные строители начали искать места на рынках, становиться шабашниками или от безделья просто спиваться.

Естественно, в этих условиях каждый выживал, как мог. Одни выращивали кур, забивали их и несли на рынок, другие носились по заграницам, скупали недорогие ходовые вещи и перепродавали их более удачливым соплеменникам и, наконец, были такие, кто надеялся на государство, которому в это время не было до них никакого дела. Это были полные олухи, всё ещё верящие в идеалы социальной справедливости. К этой категории относились родители Серафимы, надеющиеся на чудо, а, когда оно всё не наступало, при-

шлось им по примеру соседей заняться челночным промыслом. На семейном совете решили — мать Серафимы, Варвара Афанасьевна вместе с удачливой соседкой будет ездить в Китай за товаром, продавать перекупщикам, а отец Николай, займётся выращиванием кур. Николай долго открещивался, пытался создать кооператив по производству кирпичей, но из-за отсутствия денег и связей все его попытки терпели крах. Две первые поездки в Китай для Варвары Афанасьевны прошли удачно, а в третий раз всё пошло кувырком. Не успел их автобус проехать и тридцати километров от границы, как их остановили вооруженные люди и ограбили, забрав весь товар и деньги. Натерпевшись страха, Варвара Афанасьевна категорически отказалась от своих поездок, а тут ещё с наступлением холодов все куры, которые находились в неотопливаемом сарае в одну ночь околели.

Как говорится, голод не тётка, пришлось просить помощи у деда и бабушки, которые жили на соседней улице в большом пятиэтажном доме. Дед Афанасий теперь занимался выращиванием картошки и овощей, а, чтобы с поля ничего не пропало, соорудил шалаш и жил в нем вплоть до той поры, пока не убрал последний кочан капусты. В это же самое время бабушка по заказу от богатеньких знакомых целыми днями до позднего вечера вязала свитера, носки и шарфы, что позволяло иногда покупать на рынке мясные продукты.

Первые годы жизни Серафимы пришлось, как раз на эти, полные драматизма, годы. Вечерами, глядя на дочь, Варвара Афанасьевна решила, что именно она будет якорем спасения её неугомонной натуры, именно она завоюет новый враждебный мир и выведет её из этого чахлого ничтожного существования.

Её надежда на кардинальные изменения жизни, связанные с дочерью, подтвердились, когда она обнаружила у неё музыкальные способности. Уже в два года Серафима запоминала и, безошибочно повторяя интонации певца, напевала недавно услышанные по радио песенные мелодии.

Одно обстоятельство сильно беспокоило Варвару Афанасьевну, из-за постоянных переживаний у неё пропало грудное молоко, в результате трёхмесячную дочь перевели на искусственное кормление, отчего она часто болела, медленно набирала вес и рост, дело дошло до полного истощения организма Серафимы, и только вмешательство бабушки спасло её от смерти. Страх потерять дочь довёл мать до нервного припадка, который закончился психбольницей. Усилиями бабушки, Серафима не только выжила, но стала сильным и резвым ребёнком, постоянно занятым подвижными играми, но иногда она вдруг садилась на стульчик и начинала напевать со-

вершенно незнакомые для бабушки мелодии. В такие моменты она подходила к внучке и спрашивала: «Скажи мне, Симочка, о чём ты поёшь?»

— Не знаю, пою и всё, — отвечала Серафима.

Всё круто изменилось, когда однажды воскресным днём к ним в гости приехал школьный друг мужа Михаил со своей семьёй — женой Верой и десятилетним сыном Валериком. Как всегда в таких случаях, несмотря на любой кризис, организуется застолье. И вот после изрядно выпитой самогонки друг отца подозвал к себе сына и попросил его что-нибудь сыграть на скрипке. Мальчик, красный от волнения, стесняясь незнакомых людей, с трудом сыграл Венский вальс Моцарта, несколько пьес Шуберта. Что случилось дальше никто не смог объяснить, началось нечто невообразимое — малютка Сима отбросила в сторону свои игрушки, вскочила и с криком «Отдай!», вырвав из рук Валерика скрипку, вихрем промчалась мимо оторопевших родителей и, выскочив на улицу, бросилась бежать.

Валерик нашёл Серафиму в сарае за поленницей дров — она судорожно прижимала скрипку к своему маленькому тельцу и тихонько всхлипывала. Увидев Валерика, она ещё крепче прижала инструмент к груди и, перестав всхлипывать, глядя в глаза мальчику, твёрдым голосом сказала: «Не отдам».

— И не надо, я тебе её дарю и хочу показать, как на ней играть, — улыбнулся Валерик.

— Правда? Ты мне её подарил? — охнула Серафима и залилась радостным смехом.

— Конечно правда, она твоя, а теперь давай её мне и, я покажу тебе, как держать скрипку, как держать и вести смычок, как прижимать пальцы левой руки, — продолжал улыбаться Валерик.

— А ты не обманешь? — с сомнением спросила Серафима.

— Зачем мне тебя обманывать? Я хочу тебе помочь и всё.

— На, возьми её, но, если ты меня обманешь я не буду любить тебя, — протягивая скрипку мальчику и надув губки, заявила Серафима.

Валерик взял в руки скрипку и сказал: «А теперь смотри, как её надо держать», — положив инструмент на плечо, прижал его своим подбородком.

— А теперь сделай то же самое ты, — протягивая скрипку Серафиме, попросил Валерик.

Прошло три месяца, в течение которых Валерик три раза в неделю занимался с девочкой.

В середине августа по случаю дня рождения главы семейства деда Афанасия вся семья Михаила была приглашена в гости. Когда застолье подходило к концу, из-за стола поднялся Валерик и неужи-

данно для всех объявил: «А теперь Сима сыграет нам на скрипке русскую народную песню «На зелёном лугу» и «Петушок» композитора Могиденко, — затем, повернувшись к Серафиме, добавил. — Бери скрипку и покажи своим родителям, чему ты научилась за это лето. Главное не волнуйся.

— А я и не волнуюсь, — прижимая скрипку к своему маленькому плечу, ответила Сима и взяла первые ноты русской народной песни.

Когда она окончила играть и церемонно поклонилась сидящим за столом, все встали и начали громко выражать свой восторг — кто-то хлопал в ладоши, кто-то кричал, а Варвара Афанасьевна, отбросив стул в сторону, подбежала к дочери, прижала её к себе и целуя лицо, плечики и ручки, громко шептала: «Какая ты, какая же ты молодец, какое чудо!»

— Правильно, чудо, — не прерывая аплодисментов, заявил отец Валерика, Михаил. — Непременно отдайте Симу в музыкальное школу, я договарюсь, её примут.

Так для Серафимы началась новая жизнь. К семи годам она прекрасно исполняла «Рондо» Моцарта, несколько произведений П.И. Чайковского и Ш. Данкля «Вариации на тему Пачини», а в октябре стала лауреатом республиканского музыкального конкурса юных скрипачей, что открывало дорогу внеконкурсного поступления в одно из московских училищ. Наблюдая за дочерью последние четыре года, Варвара Афанасьевна радовалась — появилась реальная причина продать дом, на вырученные деньги приобрести хоть какой-нибудь уголок в Москве и отдать дочь в престижное музыкальное училище.

— Господи, неужели это свершится, и я наконец-то буду жить в Москве? Сколько лет я об этом мечтала, а мечта моя так и не сбывалась. Не прошла по конкурсу в Москве и сразу выскочила замуж, надеялась, что уговорю мужа переехать из этой дыры, а он упёрся и ни в какую — как это я брошу дом, друзей?

— Теперь ты от меня не отвертись, ради нашей дочери я заставлю тебя переехать, — сжимая руки в кулаки, твердила она про себя.

Как говорится скоро сказка сказывается, да не скоро дела делаются. Горячее желание Варвары Афанасьевны покинуть этот Богом, забытый край и перебраться на «землю обетованную» где цветут яблоневые сады, а яблоки сами падают жаждущему прямо в рот, эта всепоглощающая мечта столкнулась с реальной действительностью, которая оказалась даже суровей чем местный климат. Выставленный на продажу дом почти два года никого не интересовал. Иногда приходили потенциальные покупатели, торговались, давали такую низкую цену за дом, которой едва хватало на переезд. Томи-

тельное ожидание богатых покупателей буквально сводило с ума импульсивную хозяйку дома. Наконец, когда по истечении нескольких лет появились удачливые бизнесмены из местных, появился покупатель из новых, который, не торгуясь, выложил на стол требуемую за дом сумму. Радости Варвары Афанасьевны не было предела, однако, когда она узнала, что на вырученные деньги купить в Москве даже однокомнатную квартиру невозможно, она, впала в депрессию, из которой вывел её отец — дед Афанасий.

— Успокойся, доченька, я продал «Волгу», вот тебе деньги, поезжай в Москву и найди там какое-нибудь жильё. — протягивая объёмистую пачку денег, сказал отец.

— Папа, папочка, век буду тебе благодарна, ты даже не представляешь, что это для меня значит, — целуя отца, воскликнула Варвара Афанасьевна.

Через два дня она улетела в столицу.

Пока родители занимались продажей дома и подготовкой к переезду в Москву Серафима упорно занималась музыкой. Она успешно закончила пятый класс музыкальной школы и перешла в шестой. Программа шестого класса требовала дальнейших совершенствований музыкально-исполнительских навыков, усложнения техники штрихов деташе, стаккато и т.д., развития левой руки, направленного на беглость исполнения музыкальных произведений. Всё это требовало дополнительных занятий дома, которые чрезвычайно сильно раздражали её отца.

— Скрипишь? Ну, ну скрипи, — как-то однажды мимоходом бросил он и с этими словами собрался уходить из дома.

Услышав от отца эти слова, полные пренебрежения к её занятиям, Серафима горько расплакалась и, отложив скрипку, заявила:

— Папа, я больше не пойду в школу и не буду тебе мешать смотреть телевизор.

— Да что ты, доченька, да я же это так, без злобы брякнул, да мать нас с тобой убьёт, так, что даже не думай бросать школу, а я уж как-нибудь обойдусь без телевизора, — ошарашено глядя на дочь, воскликнул отец.

Через две недели Варвара Афанасьевна вернулась домой с документами на приобретение комнаты в коммунальной квартире, а ещё через неделю вся семья начала обживать новое жильё. На оставшиеся от покупки комнаты деньги по случаю прикупили подержанную мебель и успокоились. А ещё через десять дней Серафиму приняли в специальную музыкальную школу имени Гнесиных.

— Главное свершилось, Сима будет учиться у педагогов с мировым именем, а дальше я ей не дам раскисать, заставлю учиться только на пятёрки, — с восторгом думала Варвара Афанасьевна.

Для семьи же началось самое трудное – найти своё место в этом новом мире, полном соблазнов и неограниченных возможностей, но, как оказалось, не для всех.

К середине 90-х народное хозяйство страны окончательно погрузилось в хаос – плановая экономика рухнула и под своими обломками похоронила большие и мелкие предприятия, а, перестав получать от государства заказы и деньги, они были вынуждены перейти на самофинансирование. Казалось, всё прекрасно – работай и получай доходы, но вдруг выяснилось, что вся ранее производимая продукция никому не нужна, потому как крайне низкого качества и не может конкурировать с зарубежными аналогами.

В результате тысячи предприятий обанкротились, на улицу были выброшены миллионы рабочих и служащих, которые в одночасье превратились в бомжей. В этой ситуации лишь немногие сумели найти себя в новых реалиях – кто-то создавал кооперативы, кто-то становился челноком, а мальчики с крепкими мускулами, но слабыми умственными способностями становились бандитами, живущими за счёт рэкета и откровенного грабежа незащищенной части населения. Особенно нравилось новоявленным бандитам обкладывать данью мелких лавочников, рыночных торговцев, потому что из-за развала судов, милиции и других силовых структур они были уверены в собственной безнаказанности. На все обращения граждан об их защите получали один ответ – разбирайтесь сами. В это время на просторах родины чудесной и особенно в столице расцвело пышным цветом такое явление. Человека нанимали на работу, а, когда она была выполнена, его попросту выбрасывали на улицу, не уплатив ни рубля. Тех, кто пытался протестовать, нещадно избивали.

Именно в этих условиях оказались новоявленные москвичи, которых по большому счету никто не ждал и не собирался помогать им в новом, фактически враждебном, мире. Все попытки отца Серафимы как-то устроиться на работу оканчивались крахом. Дельцы новой формации сразу определяли в нём провинциала, а, значит, потенциальную жертву со всеми вытекающими отсюда последствиями. После нескольких попыток найти хорошую работу он неизменно наталкивался на нечистоплотных работодателей или просто на аферистов. Устав искать приличное место, он стал подрабатывать в различных забегаловках, работая за похлёбку и кусок чёрствого хлеба, который отдавал своей дочери со словами: «Кушай, доченька, кушай, скоро твой папочка найдёт новую хорошую работу и тогда принесёт тебе большую шоколадку».

— Ты любишь «Аленку?» — со слезами в голосе спрашивал он и, не дожидаясь ответа, говорил. — Знаю любишь. Помнишь, как

в прошлый Новый год я дарил тебе эту шоколадку и как ты рада была её съесть?

— Помню, папа, хорошо помню, очень вкусная была шоколадка, — обнимая колени отца и сдерживая слезы, отвечала дочь и, помолчав, добавляла. — А хлебушек я съем вместе с картошкой, вкуснее будет.

— Съешь, доченька, съешь, а я пойду прилягу, устал что-то.

— Ты что же только и заработал на кусок хлеба? — вступала в разговор Варвара Афанасьевна. — А, может быть, ты весь день болтался по Москве, потом выпросил у сердобольной бабки этот кусок и принёс домой? Видел в коридоре несколько ящиков картошки и два кочана капусты? Это твои родственнички привезли, спасибо им, а то при таком муже уже давно бы сдохли от голода. В Туле у них наверняка своё хозяйство, могли бы и курочку добавить, для Симы, видишь, какая она худенькая, считай кожа да кости. А, ладно, Бог с ними, спасибо и за то, что привезли, — она низко кланялась в сторону двери и уходила на общую кухню, где в это время варила обед говорливая соседка, с которой за чашкой чая обсуждали последние столичные новости в мире искусств. Эта соседка когда-то, как и Варвара Афанасьевна, мечтала о музыкальной карьере флейтистки, но хроническая ангина и последующие осложнения поставили крест на её мечтах.

Кроме Аксаковых в квартире проживало ещё три семьи, что делало невозможным для Серафимы внеклассные занятия со скрипкой, приходилось дополнительно заниматься в школе. После трехчасовых дополнительных занятий Серафима, идя домой, от истощения иногда теряла сознание. Тогда мать, если это было зимой, растирала её лицо снегом, вела домой, и отпаивала сладким чаем. Эти голодные обмороки, вечное ощущение голода отразились на её здоровье и навсегда оставили тяжёлый след в её жизни. Уже потом, будучи взрослой она часто сравнивала эти детские годы с Ленинградскими блокадниками.

Криминальная обстановка в эти годы в столице была крайне напряженной, то и дело по телевизору сообщали о пропавших детях и поэтому Варвара Афанасьевна ежедневно провожала дочь в музыкальную школу, каждый раз наставляя её:

— Запомни, Сима, ты должна учиться только на отлично.

В свободное время она пыталась найти такую работу, которую бы могла выполнять в промежутках между занятиями, но все её попытки терпели неудачу. Каждый раз, потеряв надежду найти подходящую работу, она поздно вечером ложилась в постель и предавалась мечтам, в которых её любимая дочь на очередном конкурсе имени Чайковского становится лауреатом, ей предлагают солидные

вступления в концертных залах Европы, и она, её мать, становится продюсером знаменитой скрипачки.

Однажды, придя в Гнесинку за дочерью, Варвару Афанасьевну встретила седовласая, в строгом деловом костюме женщина и представилась: — Я заместитель директора Лариса Федосеевна. Скажите, ваша дочь нормально питается?

— Конечно, нормально, а что? — опешила Варвара Афанасьевна.

— У вашей дочери сегодня был голодный обморок. Поймите, уроки игры на скрипке требуют много эмоциональной и физической нагрузки, не каждый выдерживает это, ваша дочь очень талантлива, но очень слаба, и может так случиться, что мы будем вынуждены отчислить её по состоянию здоровья.

Где мать достала деньги, Серафима не спрашивала, но после этой встречи по утрам она выпивала стакан сметаны, съедала тарелку овсяной каши, забирала с собой бутерброд с колбасой и только после этого отправлялась в школу. Так продолжалось почти месяц, в результате Серафиму перестали мучить приступы головокружения и голода. Однако это продолжалось недолго, вскоре всё вернулось на круги своя, снова картошка с капустой, изредка мясной супчик, а по праздникам к ним добавлялся домашний торт.

От постоянного недоедания, её мышцы ослабли, понизился жизненный тонус, а очень большие эмоциональные и физические нагрузки привели к тому, что к пятнадцати годам Серафима стала чувствовать боли в спине, начали мучить поясничные прострелы, из-за чего порой не могла наклониться, чтобы натянуть обувь. К весне стало ещё хуже у Серафимы начались сильнейшие боли в левой руке отчего ей приходилось перевязывать руку платком, подвешивать её к груди. В таком состоянии, преодолевая сильнейшую боль она смогла успешно сдать очередной экзамен и после этих нечеловеческих усилий она уже не могла держать скрипку.

— Мама, я не могу идти в школу, у меня сильно болит левая рука, — однажды утром заявила Серафима и уткнулась в подушку.

— Что? — не поняла Варвара Афанасьевна. — Что значит не могу идти в школу?

— У меня болит рука, — крикнула Серафима.

— Ничего у тебя не болит, не выдумывай, заниматься не хочешь, так я тебя заставлю, дрян

— Рукой шевельнуть не могу, больно, мне надо в больницу, — всхлипнула Серафима.

— Сколько раз я тебе говорила — делай зарядку, а ты всё отлынивала, а теперь заявляешь, что рука болит. Думаешь я буду тебя лечить? Не буду, делай зарядку и всё само собой пройдёт. А теперь

поднимайся и марш в школу! — сдёргивая одеяло с дочери, категорическим тоном заявила Варвара Афанасьевна.

После этой сцены для Серафимы началась настоящая школа жизни, она к своему удивлению узнала, что её здоровье зависит только от неё самой, что никто не вечен и с этим надо считаться, но, главное, что не укладывалось в её головке — она в таком состоянии, по большому счёту, не нужна своим родителям. Это чудовищное открытие она сделала из обрывков родительских разговоров, когда мать однажды заявила отцу:

— Ты знаешь, что с этим заболеванием никто или почти никто не возвращается к игре на скрипке. Господи, мы стольким пожертвовали ради неё, и на тебе, возись теперь с калекой.

Более того, во взглядах и словах матери всё чаще стало проскальзывать раздражение, а порой, как Серафиме казалось, скрытая ненависть. Она стала задаваться вопросом, почему она вызывает такое сильное, граничащее с ненавистью, раздражение и, только повзрослев, поняла — она не оправдала фантастических надежд своей матери. И всё-таки, по настоянию школьной учительницы Варваре Афанасьевне пришлось обратиться к неврологу местной поликлиники, который поставил диагноз — остеохондроз и прописал консервативное лечение и прекращение занятий в школе. После детального обследования был поставлен окончательный диагноз, который хоронил слабую надежду на возврат к прежней жизни — паравертебральный болевой синдром левого локтевого сустава. На деле рука болела во время игры немного ниже локтя, ближе к кисти, совершенно не давая нажимать пальцами на струны. Виновником этих болей, по мнению врачей, являлся зажатый нерв в позвоночнике.

Но тут в судьбу Серафимы вмешались родители отца, бабушка Марина и дедушка Антон. Однажды приехав в гости, они, увидев свою внучку, ужаснулись — перед ними предстала измождённая, изнурённая болезнью, впавшая в беспросветную тоску, одинокая девочка, терзаемая виной за то, что не оправдала связанных с ней надежд.

Будучи по профессии педиатром, бабушка Марина без лишних слов, поняла весь трагизм положения, в котором оказалась внучка, и увезла её к себе, в Тулу. Уже через два дня Серафима оказалась в местной лечебнице, где в течение месяца прошла курс физиотерапии и фармакологии, после чего рука практически перестала болеть, но до возвращения в школу было ещё далеко.

Как-то, глядя на грустное лицо внучки, бабушка Марина рассказала историю одного из самых знаменитых скрипачей XX века Иегуди Менухина в тридцать лет настигла та же проблема, но он

усилием воли, страстным желанием вернуться к игре на скрипке, преодолел свою хворь и вернулся на сцену. Этот незамысловатый рассказ о великом артисте, о котором она слышала со школьной скамьи, воодушевил Серафиму, и она сказала себе — если Менухин смог вернуться, значит, и я смогу. Так начался изнурительный курс реабилитации, что позволило через некоторое время вернуть левой руке почти прежнюю беглость.

Наконец, настал момент, когда врачи дали Серафиме разрешение вернуться к скрипке. Первое прикосновение отдалось дикими болями, сердце сжалось от испуга, что ей не суждено больше играть. Но тут же после некоторого раздумья, Серафима решила изменить положение рук и позы, и тут же почувствовала значительное облегчение, что позволило ей приступить к занятиям в выпускном классе. Однако она слишком рано поверила в своё излечение и за три недели до государственных экзаменов у неё отказала рука во второй раз. Снова курс физиотерапии и симптомы удалось снять и выйти на выпускные экзамены и на вступительные экзамены в Академию искусств.

Будучи студенткой, Серафима постоянно искала такие позы и такое расположение пальцев на грифе скрипки, которые бы позволяли безболезненно играть более двух часов. Она пришла к выводу, что в позе скрипача важна не только общая картина, но и детали, однако руководствоваться при этом необходимо целесообразностью, то есть не допускать зажимов, добиваться максимальной естественности, удобства и легкости.

Через год Серафима освоила самый сложный репертуар, А исполнение на конкурсе имени Чайковского, а затем на заключительном концерте в Большом зале Консерватории одного из самых сложных произведений скрипичного репертуара — концерта Бартока, стало её победой над болезнью, исполнением её заветной мечты и открыло дорогу в музыкальный мир России.

Этой победой Серафима доказала, что для неё нет такой силы, которая бы помешала ей заниматься любимым делом и побеждать!

Высоковск, 2017.

ИМПРЕССИОНИСТЫ

Май. Цветение сирени.
Пахнет свежестью земля.
Небо, солнце, свет и тени,
маки, крыши, тополя.
Ранним утром на пленэре,
взяв этюдник и мольберт,
в Буживале и в Аньере
или в Эксе, например,
за фиксацией мгновений,
чтобы только бы успеть
ворох новых впечатлений
на холсте запечатлеть.
Ощутить их в полной мере
поспешим скорей сюда!
Здесь, друзья, в Ла Гренуйере
плещет золотом вода.
Здесь, как музы на Парнасе,
женщины — лови момент!
У мамыши Клэр в запасе
есть кальвадос и абсент.
Ярче день, и небо ближе.
Аржантёй и Пти-Женвиль.
Ведь отсюда до Парижа
лишь каких-то восемь миль.
Полчаса всего лишь тряски.
Рельсы, шпалы, поезда.

Только кисти, только краски.
Только солнце и вода.
Облака глядят в окна.
Мутной Сены берега.
Ещё влажные полотна
Ренуара и Дега.

ВСТРЕЧА

Дождинки мелкие секут
лицо и плечи.
Три тысячи шестьсот секунд
до нашей встречи.

До мига, стоять что готов
иных столетий.
До разговора не из слов —
из междометий.

До звона выпавших ключей
на мокрых плитах.
До сердцу милых мелочей,
давно забытых.

До бестолковой суеты
у касс вокзала.
До бесконечного: “А ты?” —
“А ты сказала?”

До нас, скрывающих испуг
и боль в уловках
нетерпеливых этих рук
и губ неловких.

И пусть надсаженный гудок
хрипит протяжно,
ведь всё, что в жизни было до, —
уже не важно.

Дома мелькают, провода
повисли косо.
Бегут по рельсам поезда,
стучат колеса.

Составы скорые идут
дождям переча.
Три тысячи шестьсот секунд
до нашей встречи.

ТЫ

Ты — ткань огня и сумрака стена,
тугих небес натянутые нити,
бездонная ночная пелена
и солнце воспалённое в зените;
доверчивость ресниц и кротость век,
прохлада простыней
и сна прикосновенье,
гуденье пчёл в садах, и первый снег,
и вёсен бесшабашное цветенье;
листвы переплетённой кружева
над головой,
рассветы и закаты;
дремотных трав упругих тетива
и грома отдалённого раскаты;
озноб и грохот проливных дождей
по мостовым, и радуг коромысла
в круговороте безмятежных дней,
исполненных гармонии и смысла.
Ты — кораблей бумажных паруса
в ручьях звенящих,
Фонарей мерцанье,
и утренних трамваев голоса,
и площадей застывшее молчанье.
Ты — даль иной неведомой земли,
плоды её, наполненные соком.
Ты — облако, плывущее вдали
в прозрачном небе, чистом и высоком.
Ты — небо,
в брызгах солнца столько лет
хранящее тепло и гомон птичий.
Ты — стая птиц, летящая на свет.
Ты — жизнь сама.
Не счесть твоих обличий...

ТУЧИ

Так июльское щедрое солнце куражилось вволю,
что казалось, господство его ещё долго продлится.
На горячий и пыльный державной Москвы Капитолий
триумфатором август въезжал в золотой колеснице.

Опрокинулись дни под ногами возниц неумелых.
Осень ржавит листву, да и то это только начало.
Сотни туч вороных, и гнедых, и каурых, и серых
понеслись над землёй табуном лошадей одичалых.

Разбежались по небу. Ни богу, ни чёрту, ни ветру
ни за что не догнать — ни ответа от них, ни привета.
Осень гончих собак собирает в погоню, но тщетно —
их в уютное стойло уже не загонишь до лета.

Над полями бегут, развевают косматые гривы.
По раскисшим дорогам стучат ретивые копыта.
Это дождь барабанит мне на ухо без перерыва:
ничего не забыто, прости, ничего не забыто.

* * *

Никто и ни в чём не виноват.
Как Джотто и Пикассо —
мы в разных системах координат,
шкалах глубин и высот,
где условные Кеплер и Птолемей
неравный ведут отсчёт.
Где линия жизни моя твоей
ни разу не пересечёт.

* * *

Сочащиеся сумерки из пор
пустынных улиц. Фонари и те
бессильны в этой схватке. Старый двор
почти неузнаваем в темноте,
заполнившей вселенную на треть,
где кольца дыма и вина глоток —
как средство впасть в анабиоз, и лишь
сощурен глаз, пытаюсь рассмотреть
над головой нависший потолок,

фактуру стен и очертанье крыш
на фоне прохудившихся небес,
торгующих дождём из-под полы.
И, шлёпая по лужам, под навес
спешит прохожий. Сдвинуты столы
ночных кафе. И ливень льёт в окно
и превращает в хлябь земную твердь.
Ты с этой непогодой заодно.
И сердце камнем падает на дно
колодца, чьё название — не смерть
ещё, но боль. И за окном темно
как в омуте. И легче умереть.

МОЙ ПУТЬ

Произнесу перед Творцом: за свет и краски дня
спасибо матери с отцом, зачали что меня.
Спасибо близким и родным, со мной делившим кров,
что мне глаза не выел дым и жар чужих костров.
Спасибо им, кто уберёт от стали и свинца,
за то, что я узлы дорог распутал до конца.
Чтоб вовремя успеть свернуть от благовидной лжи,
я выбрал самый долгий путь. Он был длиною в жизнь.
Спасибо всем, кто помогал мне этот путь пройти.
Спасибо тем, кто согревал меня на том пути.
И пусть простит меня мой Бог, что, выбившись из сил,
я сделать большего не смог, о главном не спросил.
Но всё, что не успею я, в моей стезе земной,
успеет сделать за меня тот, кто идёт за мной.

ДЕНЬ

Ветер ставни трепал,
и гремели всю ночь водостоки.
Дождь хлестал, словно плетью,
по стёклам, карнизам и крышам.
Всё утихло вдали.
Облака поднимаются выше.
Высыхает асфальт.
Занимается день на востоке.
Шумно лязгает цепью,
тяжёлый вращается ворот.

Продирает глаза,
просыпается каменный город.
Из рассеянной тьмы
проступают деревья и зданья.
Фонари и дома
принимают свои очертанья.
Просыпаются жители города,
сна разрывая объятья.
Из постелей встают,
надевают костюмы и платья.
В ваннных комнатах долго стоят,
ловят воду горстями.
Бутерброды на завтрак жуют
пополам с новостями.
Обжигаясь, пьют чай или кофе
и усмиряя зевоту,
торопливо выходят за дверь
и идут на работу.
В отражении мутных витрин,
преломляясь, дрожат силуэты.
Едут в душных вагонах метро,
читают газеты.
Разбегаются, сходятся,
движутся в тесном потоке.
Поднимается пар от земли,
занимается день на востоке.
Там, на небе, взошедшее солнце
дымится оплавленной пулей.
Просыпается город,
гудит потревоженный улей.
Из предместий, из спальных районов,
с задворок, с окраин
громыхают, звенят,
приближаясь, грохочут трамваи.
Мимо тысячи автомобилей
проносятся с воем.
Народившийся день,
как гнойник, наливается зноем.
Он шагает по улицам
в копоти, в краске, в побелке,
по бульварам кипящим,
вращая секундные стрелки,

увлекая прохожих
в толпе, в кутерьме, в круговерти
обреченно крутиться волчком
от рожденья до смерти.

В переулках кривых,
пустырями, глухими дворами,
заблудившийся в прах,
затерявшийся между домами,
где на вымытых окнах
цветы резеды и герани,
где вся жизнь на ладони,
вся жизнь, как в кино на экране.
Ты проходишь, вернувшись сюда
после долгой разлуки,
узнавая знакомые с детства
предметы и звуки.
Ты идёшь,
память прожитых лет
собирая по крохам,
по тропинке,
заросшей крапивой и чертополохом.
Здесь особенный воздух свободы
и запах особый.
Пахнет пылью, духами, бензином,
ванилью и сдобой.
Пахнет липами, солнцем,
кустами цветущей сирени.
Приближается полдень,
короче становятся тени.
Воробьи пролетают над крышами,
и повсеместно
разливается солнце
и падает с неба отвесно.
Пузырится бельё на ветру,
словно парус на рее.
Беспощадное время бежит
всё быстрее и быстрее.
Всё смешалось в погоне и спешке,
в толкучке и давке:
поликлиники, церкви,
пивные ларьки,
бакалейные лавки,

светофоры, проспекты, пассажи,
троллейбусы, скверы,
бани, дворники, дети, собаки,
милиционеры,
ателье, магазины, вокзалы,
музеи, афиши
на фасадах домов,
раскалённые стены и крыши.

Вечереет. Чуть тлеет асфальт,
словно поле сраженья.
Бесконечный поток тормозит,
замедляет движенье.
Ещё несколько тактов — и стихнет
вот-вот уже скоро
шевелиющийся, шумный,
большой муравейник,
Содом и Гоморра.
День подводит черту
неизбежной полоской заката.
Бьют на башне часы,
завершается круг циферблата.
Разливаются в воздухе сырость
и запах карболки.
Начинается дождь,
разбивается взгляд на осколки.
Это время дробится
на вехи, эпохи и миги.
Этот день — лишь страница
ещё не дописанной книги.

КАЙ

С глазами
полными слёз,
с осколками
разбитого зеркала
в сердце,
кровоточащем от боли,
сложить
из крохотных льдинок
холодное слово:
ВЕЧНОСТЬ.

Из афганских рассказов

АРТЁМ

Он появился в батальоне зимой, — бесснежной, грязной, дождливой зимой, — с холодными туманами по утрам и ледяными полуденными ветрами. Зимой воевалось спокойно. Полк очень редко выходил на операции. В липкой рыжей грязи увязали даже танки, не говоря уж о прочей боевой технике. Духи тоже предпочитали зимой отдыхать, — горные перевалы заваливало снегом, да и обширные виноградники на склонах, летом превращавшиеся в зелёнку, были белы и непролазны. Зимой было почти мирно. Разве что какой-нибудь шепутной полевой командир бросал свой отряд на дорожный пост. Иногда мина срабатывала под колесом машины, идущей из Баграма в полк с мукой или консервами. Но с летней войной это ни в какое сравнение не шло. Летом везде, — в ущельях и в горах, в старинных глиняных городах и крошечных кишлаках, в благоухающих садах и в виноградниках, — всюду стреляли, всюду рвались мины, сверкали по ночам трассирующие очереди, пылили бесконечные колонны, грохотали батареи, рушились дома и горели хлебные поля. Лето пахло горькой полынью, железом, дымом и кровью. На обочинах дорог угольно чернели сгоревшие машины и лежали облепленные мухами, вздувшиеся мёртвые ослики с белыми глазами. Летом было жарко.

— Ну, а пока стояла зима. Солдаты скучали, считали дни, толстели, делались белее и румянее. И в ту зиму его почему-то перевели к ним из Джабаль-Уссараджа, из 177 полка. Артём. Прозвище, накрепко к нему приклеившееся с первого дня. На самом деле звали его Григорием, это фамилия у него была Артёменко. Нельзя сказать, чтобы Гвоздик с ним подружился. Просто поговорил раз-другой, и оказалось, что тот понимает всё с полуслова. Артём играл на гитаре и пел. Вообще, брэнчали на гитарах и пытались петь многие, но почти у всех это получалось плохо. А он здорово пел. Пел Окуджаву, Высоцкого, Галича. Здорово пел, потому что сам сочинял стихи и песни. Иногда он пел свои песни, и это было лучше Окуджавы, лучше Высоцкого и Галича. Потому, что те пели или про давнишнюю, или про мирную, и потому какую-то ненастоящую жизнь. А он

писал о самом настоящем, — о пыльных горных дорогах и о чужих глиняных городах, о красной крови на серых камнях, о надежде и о безысходности...

Ранней весной Артём затосковал, и стал настойчиво добиваться перевода в разведроту. Его многие отговаривали, — мол, чем тебе здесь не служба? Хочешь раньше времени в цинк загреметь? Он только отмахивался досадливо: «Ну почему же обязательно в цинк? — И уже всерьёз закипал. — Надо же так! Попасть на войну, и настоящей войны не увидеть!»

Дембеля, — эти загорелые усатые мужчины, — возражали резонно, — мол война, парень, — она везде война.

Но Артём был непреклонен.

И вот однажды, солнечным майским утром, он собрал в вещмешок свои нехитрые солдатские пожитки, взял гитару.

— Ну, бывайте, пацаны! — И перебрался в палатку разведчиков.

Летом разведрота выходила часто. Даже слишком часто. Разведчики надевали штормовки, кроссовки, кеды, — словно обыкновенные туристы, и ночью незаметно выскальзывали из расположения полка. Возвращались дня через два-три, а то и через неделю. Приходили так же внезапно, как и уходили, — пропылённые, обросшие щетиной.

Когда разведрота исчезала, Гвоздик начинал ждать. Часто приходил к их палаткам, чтобы узнать, не вернулись ли? Потом разведчики возвращалась, чумазы и уставшие. Чистили оружие.

Гвоздик вытягивал шею, ещё издали высматривая тонкое горбоносое лицо. Иногда видел его, иногда — нет. Подходил к ребятам: «Ну, пацаны, как дело прошло?» Они: «Нормально!» Или: «Хреново!» И добавляли: а Артём в оружейку пошел, или в баню, или еще куда-нибудь. Гвоздик находил его и неизменно спрашивал:

— Ну что, всё ещё куришь?

— Курю!

— Но ведь Минздрав-то предупреждает!..

— Ну и что? Просто хочу быть человеком. Ведь сказал же один учёный дядя: «Человек — существо двуногое, бескрылое и курящее».

— Ладно, тогда получи подарок из Африки, — Гвоздик протягивал ему пачку сигарет с фильтром, армейский дефицит. Сигареты бывали только советские или болгарские, но уж так повелось у них: подарок из Африки, да подарок из Африки...

Недалеко от землянок первой роты была древняя заброшенная каменоломня, — там солдаты брали мрамор на строительство бань, каптёрок и туалетов. Мрамор был белый, с зелёно-синими разводами. Иногда им удавалось уйти туда. Они устраивались среди облитых солнцем глыб, белых спящих глыб. Больно было смотреть на

искрящийся мрамор. Артём неторопливо перебирал струны, и скорее даже не пел, а просто читал стихи, — чужие и свои. А Гвоздик лежал на горячих камнях, покуривал бесплатную солдатскую сигаретку, и смотрел вниз, — на полк, на дорогу, на далёкие горы Гиндукуша. Говорят, там, — за самыми дальними горами, — уже Пакистан... Говорят, там кедры растут... А чуть в стороне, на западе — горы Искаполь, древние греки, кажется, их так называли...

Там когда-то воевал Александр Македонский...

Гвоздик лежал на горячих сияющих камнях, смотрел на солнце сквозь белый мраморный осколок с синей изогнутой прожилкой.

— Эх, надо будет потом пожить на берегу какого-нибудь океана, а?

Артём отложил гитару, взял у него прозрачный осколок, поглядел сквозь морскую волну на солнце и согласился после армии пожить на берегу океана.

Разведчики часто выходили в рейды, слишком часто. Разведрота уходила, и Гвоздик каждый день узнавал, не вернулась ли? Потом шёл и ещё издалека видел чёрных ребят в выбеленных солнцем штормовках.

— Привет, пацаны, как дело прошло?

— Нормально, а Артём в палатке.

— Всё куришь? Но ведь Минздрав... Ну, тогда вот тебе подарок из Африки...

— Что-то ты давно ничего своего не пел.

— Не сочиняю, ни черта не получается почему-то... Высоцкий вот был отпетый забуддыга, а как писал! А я еще вроде не совсем отпетый, а — ни черта!

— Или я уже отпетый?..

— Ничего, Артём, ты еще выстрелишь бронебойной песней, так выстрелишь, что все барды в Союзе будут рыдать от зависти...

— Привет, пацаны, как дело прошло?

— Нормально, а Артём в оружейке...

— Привет, как дело прошло?

— Хреново.

— А где Артём?

— Он это... Во дворе санчасти он...

Двор санчасти. Посередине растянут на железных трубах, врытых в землю, драный брезентовый тент. Под тентом три горбатые, мраморно застывшие простыни. Капитан-медик.

— Не суйся, сержант, эй! Не положено.

— Надо, капитан, там мой товарищ.

— Ну, иди тогда...

Гвоздик стащил с лица убитого простыню, посмотрел. Отошёл, вернулся, — словно вспомнил что-то важное. Сунул под простыню пачку сигарет с фильтром. Было жарко, и по простыне бежали крупные зелёные мухи. Гвоздик стоял под солнцем посреди выжженного двора санчасти, а под тентом белели простыни. Двор санчасти медленно описывал круги, плавные круги, а в центре неподвижно белели простыни, мёртвые простыни, мраморные простыни. Двор кружился, кружилась санчасть... Удушливо разило лизолом. Бурым клейким лизолом было вымазано солнце, вонючий лизол грязными потёками растекался по небу, плыл по земле, а по простыням бежали большие зелёные мухи...

ОДЕЯЛА

Под утро, на бэтээре, гружёном тюками серых солдатских одеял, прикатил круглолицый, улыбчивый лейтенант, — порученец из штаба полка. Всё на порученце было новое: и полевая фуражка, и китель, и скрещённая на спине портупея, — не обмялся ещё лейтенант.

Не успев спуститься с брони, он уже замахал рукой:

— Здорово, летуны! А у меня для вас приказик!..

И такими странными были его мальчишеская весёлость и детское это слово «приказик», — здесь, в предрассветной мгле, возле громоздких тел вертолётов, седых от инея. А сизые из-за выпитого накануне спирта и бесконечной усталости вертолётчики хмуро слушали порученца. — «Приказано осуществить выброску сорока пяти одеял полушерстяных армейских на восточный склон высоты 3292!» — Лейтенанта явно забавлял канцелярский язык «приказика». Он улыбался и прыскал смехом, отчего козырёк новенькой его фуражки трясся над бровями.

Сонные солдаты аэродромной obsługi таскали одеяла в вертушку.

Летуны вяло матерились, курили в кулак. Тягуче сплёвывали на бетон.

— Какой же интересно му...дрец, — немолодой бортмеханик намеренно растянул первый слог, — придумал такую хреновину?

— Да это, пацаны, наш начштаба придумал, — продолжал забавляться порученец. — Первая рота в рейде на трое суток, так чтобы воины не помёрзли, велено сбросить им одеяла. Вот будет номер, пацаны, когда их одеяла сами к ним прилетят!

— Сами, значит... — коренастый приземистый штурман снова сплюнул, и зачем-то растёр плевок ногой. — Сами...

— Ну, что скажешь, штурманец? — спросил пилот, когда бэтээр с весёлым порученцем отъехал от аэродрома и скрылся в клубах дорожной пыли. — Как тебе приказик?

— Знаешь, Кочет, если бы он ещё раз сказал, что это дело плёвое, как два пальца... Я просто выбил бы ему зубы.

— Это ладно, зубы. Ты лучше поводи пальцем по карте, — куда летим-то?

— Поводил я уже. Аж два раза. Квадрат Б-13.

— И цифра хороша, — криво улыбнулся пилот. Зябко передёрнул плечами. — Октябрь, а холодина, как в декабре.

— А как ты хочешь. Холодина. Это ж не твоя Астрахань.

— Эх, где она, моя Астрахань! Ну что, давай по коням?..

...Вертолёт раскрутил винт, подтянул к нему брюхо и, задрвав хвост, косо пошёл набирать высоту. Турбины натужно ревели, втягивая ледяной разреженный воздух.

Мерная вибрация грузового отсека убаюкивала, и бортмеханик на мгновение прикрыл веки. Сонная память заскользила в нестерпимо жаркое лето. Он оказался в скверике недалеко от своего дома. Привалившись спиной к дереву, держал в руках запотевшую ребристую кружку, полную холодного пива. Голову сжимало стальным обручем, ноги противно дрожали, а рот наполнялся горькой слюной. До спасительного глотка оставались считанные секунды, а там... а потом...

...Вертолёт сделал крутой вираж, уточняя линию курса, дремлющий человек ударился головой о металлический кронштейн, и, коротко ойкнув, выпустил кружку из рук. Липкий пот выступил на лбу бортмеханика. Он открыл глаза и долго смотрел перед собой невидящим, полным отчаяния взглядом. Наконец лёгкая боль в затылке привела его в чувство.

— Чёрт, привидится же такое!..

Он пошевелился, осторожно ощупал голову. Вроде всё в порядке. Но покоя уже не было. Бортмеханик перебрался к двери и заглянул в кабину.

— Кочет! Скоро мы уже?

— Скоро, скоро, всего минут двадцать осталось...

— Торопись что ли, дядя Витя? — усмехнулся штурман, не отрывая напряжённого взгляда от карты.

— Да ладно трепаться-то, — бортмеханик отмахнулся досадливо, — тут хоть торопись, хоть не торопись, — всё едино...

Пилот скосил взгляд на штурмана.

— Ты что-нибудь видишь внизу, Юра?

— Ни хрена я не вижу. Там темно, как... — Как именно там темно, штурман почему-то уточнять не стал.

— Вот и я, ни хрена... Не нравится мне вся эта затея, совсем не нравится...

— Ну, затея-то определённно дрянь. Зато может хоть ребята наши в горах под этими одеялами погреваются!

— Погреваются... Следи за приборами, штурманец. По времени вроде подлетать уже должны.

— Да, мы в квадрате, командир. Эх, сбросим чёрт-те куда! Где эта высота 3292, где этот восточный склон?..

— Надо бросать, Юрик, надо. Нам тут отсвечивать никак не с руки. Того и гляди духи из граника влепят, или в этом мороке с горой поцелуемся.

Штурман перегнулся через кресло и выглянул в дверь.

— Дядя Витя, не спи, замёрзнешь! Приехали! Вали одеяла за борт!..

И тугие серые свёртки полетели вниз, вниз, — в лиловый сумрак, — туда, где едва угадывалась чёрная бездна Панджшерского ущелья...

...Старик в наброшенном на плечи стёганом чапане вышел из дувала и направился к реке. У кромки берега он остановился и присел на корточки. Снял с головы потрёпанный паколь и положил его рядом с собой на круглый валун. Долго всматривался в воду, иссинячёрную в предрассветных сумерках.

Старик хотел умыться, зачерпнул воды. Руки так нестерпимо обожгло холодом, что он невольно разжал пальцы. Просто провёл влажными ладонями по лицу, но даже от этого прикосновения поёжился. Влага не освежила, не наполнила тело радостью, как это бывало с ним раньше. Старик задумался. Уже семь десятков лет живёт он здесь, на берегу реки. Прежде, в молодости, купался в Панджшере до глубокой осени, и никакого холода не боялся. Наоборот, ледяная вода только горячила кровь.

А теперь...

Старик помнил, как размышлял у реки, отдадут ли за него Гульбали, долго ждал знака. А потом бросил в реку плоский камешек. Решил: если тот отскочит от воды больше двух раз — отдадут... Камень отскочил только один раз, а потом ушёл на дно. Но Гульбали ему тогда всё-таки отдали. Отдали... Двое взрослых сыновей у него теперь. И оба воюют. Старший — офицер, служит в Народной армии. А младший — муджахид, сражается в отрядах Ахмад Шаха. Старик не понимал этой войны. Дед его когда-то воевал с англичанами. С англичанами воевал и его отец. Но чтобы мужчины из одного рода воевали друг против друга? Да ещё и шурави...

Зачем пришли эти чужаки с севера?..

По склону на берег спустился мальчик в растянutom свитере и истёртых джинсах. Дрожа от холода, молча остановился рядом.

Старик не пошевелился, только перевёл на него взгляд. Внук. Двенадцать лет ему всего. Старик тяжело вздохнул. Если что-то с ним случится, мальчик останется старшим мужчиной в семье. Всё эта война.

Отчётливо слышный в предрассветной тишине шум мотора оборвал невесёлые раздумья старика. Он встрепенулся и поднял голову.

Огромная неуклюжая стрекоза зависла над ущельем чуть ниже изломанного гребня гор. Вот они, шурави. Помяни только шайтана, он сразу же и появится. Старик торопливо поднялся. Ничего хорошего, кроме стрельбы и огня, от вертоплота шурави старик не ждал.

— Хайрулла! Беги в дом, буди всех. Пусть уходят в кяриз! — старик слегка подтолкнул внука, и тот побежал вверх по тропинке.

А в воздухе нарастало странное шуршание. Какой-то бесформенный комок плюхнулся в воду, подняв тучу брызг. Старик бросился на землю и сжался, ожидая взрыва. Но взрыва не было. Тогда он осторожно приподнялся, и тут что-то снова шумно упало в реку, уже ближе к берегу. Старик взгляделся. Совсем рядом в воде покачивался, постепенно тяжелея от влаги, тёмный свёрток. И ещё один такой же свёрток упал на берег совсем рядом со стариком. И старик с удивлением понял, что видит перед собой обычное серое одеяло. Шерстяное одеяло! До конца ещё не веря себе, ощупал его рукой. А с неба всё сыпались и сыпались одеяла. Часть их попадала на середину реки и уносилась течением. Другие кувыркались и перекачивались по прибрежным камням, застревая между ними...

— Хайрулла! — крикнул старик неожиданно звонким молодым голосом. — Хайрулла! Скорее зови сюда женщин! Аллах ниспослал нам с небес щедрый подарок!..

А сам уже тащил на берег мокрое, тяжёлое, туго свёрнутое одеяло.

НАХОДКА

К четырём часам всё было кончено. На обезображенный артиллерийским огнём кишлак опустилась густая, клейкая тишина, особенно разительная после грохота взрывов и суматошного стрёкота автоматных очередей.

Пехота, рассыпавшаяся по узеньким, едва угадываемым улочкам, теперь группами и по одиночке собиралась на окраине, где белела, как створный знак, забинтованная голова лейтенанта Пройдисвета.

Гвоздик шёл не оборачиваясь, безразличный ко всему. Пулемёт, бесполезный уже, без коробки, он волочил за раструб пламегасителя, и приклад царапал по земле неровную, рваную борозду. За ним след в след двигался Аникеев. Лица у обоих были покрыты серой, как пепел, пылью. Глаза покраснели от недосыпа и бешеной усталости.

Чуть в стороне вынырнул из развалин маленький, подвижный Семёнов. Низко надвинутая каска делала его похожим на огромный диковинный гриб.

— Всё, пацаны. Айда домой! — крикнул он радостно и помахал рукой.

Гвоздик криво улыбнулся серыми, пересохшими губами.

— Не свисти, Коротышка. Тебе ещё до дому, как до Пекина...

— погоди, Шальной! — окликнул его Аникеев. — Передохнём малость. Не могу я больше, — и в изнеможении опустил прямо на обломок глинобитной стены.

— Лучше уж пойдём, Ника. А то без нас телеги уедут.

— Не уедут. Ямщики ещё телег не пригнали. Перекурим пока. — Аникеев вытащил откуда-то из-под каски и внимательно осмотрел измятую сигарету. — Во, глянь, цела! Крайняя. Сутки ведь протаскал за ухом! — словно сам несказанно удивился тому, каким чудом сохранилась она.

— Ладно. Тогда по две тяги, вкруговую. У кого пепел упадёт, тот круг пропускает... — Гвоздик с надеждой посмотрел на лёгкие перистые облака, чуть прикрывшие бездонное вылинявшее небо: они несли с собой прохладу.

Бледно вспыхнула спичка в ладонях Аникеева. И Гвоздик, и Семёнов внимательно следили за этим робким огоньком. Аникеев прикурил, дважды затянулся жадно, и осторожно протянул сигарету Семёнову. В наступившем на мгновение безмолвии Гвоздик услышал какой-то жалобный, ноющий звук. «Наверное, в ушах гудит, — подумал он, — навоевались сегодня...» Он несколько раз энергично тряхнул головой. Но звук повторился, на этот раз более отчётливо.

— Держи, Гвоздик! — Семёнов бережно протягивал ему окуроч, стараясь не обронить хрупкий столбик пепла.

— Да погоди ты, Саня... Тихо!

— Что, духи? — Аникеев напряжённо подался вперёд.

— Не знаю... Послушай!

Звук явно доносился откуда-то из развалин. Гвоздик опустил на колено, и склонился к странному провалу в земле, доверху — как казалось, — заполненному саманными глыбами и обломками досок. Над ним, ссутулившись, навис Аникеев.

— Слышишь, Ника?..

— Что-то слышу... Пищит, или скулит... Может, кошка?

— Кошка...

— Пацаны, вы курить-то будете? — запоздало спросил Семёнов, держа ногтями крошечный окурочок.

Аникеев только поморщился досадливо: — Помолчи, Коротышка!..

— Кошка, значит... — каким-то странным, чужим голосом повторил Гвоздик. — А ну-ка, помоги мне, Ника... Аникеев недоумённо хмыкнул, но ухватился за острый излом самана. Вдвоём они выворотили тяжеленную глыбу окаменевшей глины, и отвалили её в сторону. Потом вытащили ещё камень, и ещё один... Пот заливал глаза, и они размазывали по лицам едкую рыжую грязь.

— Только осторожно, осторожно, — тяжело дыша, говорил Гвоздик. — Такую кошку я вдоволь наслушался, когда сестрёнка родилась... Это не кошка, Ника... Это ребёнок плачет!

Торопясь, ломая ногти и в кровь обдирая ладони, они продолжали разбирать завал.

...Малыш с огромными чёрными глазами, кажется, был цел и невредим. Семёнов наклонился, тронул его и позвал: «Бача»^{*}. Малыш вздрогнул, но молчал.

Они стояли над ним и решали, что делать. Они стояли под ослепительным солнцем и решали его судьбу.

В степи, у подножия голых, как черепа, холмов, они видели тёмные палатки и стада кочевников, — туда и решили его отвезти. Гвоздик поднял малыша, тот прильнул к Гвоздику, вцепился в его «хэбэ» неожиданно сильными пальчиками и не разжимал их ни по дороге к бронетранспортёру, ни на бронетранспортёре по пути к кочевникам.

* Бача (фарси) – мальчик.

* * *

Друг надёжный, а матрос неважный:
Ломкий голос и неловкий стан.
— Вам по лужам с лодочкой бумажной
Бегать бы! — смеялся капитан.

Сам не свой на камбузе и в трюме,
Вечно щётка валится из рук,
Вечно предан он какой-то думе...
Правда лишь одно — надёжный друг.

Но, быть может, в песнях или книгах
Наши дети будут влюблены
Не в пирата с бешеного брига,
А в таких вот, пасынков войны,

В эту угловатую недужность,
В неуменье драться за своё,
В эту нежность, книжность и ненужность
Для страстей, для моря, для неё —

Глупенькой, чьи гордость и кокетство
В боль и бедность канули давно.
В душах передержанное детство
Валит с ног, как старое вино.

НА ИППОДРОМЕ

— Эх, тройка, птица-тройка, кто тебя...
Жужжат слепни над ипподромом душным.
Который год он, гривы теребя,
Трёх лошадей разводит по конюшням.

Уж много лет скребёт он тех коней,
Бока им обжигая сигаретой,
И, разгоня жалящих слепней,
Ругает тройку, публику и лето.

А кони мчат по кругу, в никуда...
Он моет, бьёт их — и опять на круги.
И гнёт необходимого труда
Мозолями раскрасил его руки.

Но так лица пронзителен овал
И так глаза всевидящи и бойки,
Что, думаешь, он славу променял
На бранный бег необгонимой тройки.

Порой садится он в последний ряд
И смотрит вдаль, не проронив ни слова.
В буфете Собакевичи сидят,
А за тотализатором Ноздрёвы.

Их где-то ждут высокие дела,
А тут, пропахший дымом и навозом,
Маячит возле каждого стола
Нахальный конюх с гоголевским носом.

И взгляд пронзает, как ознобом, зал,
И не поймёшь — хохочет или плачет...
А тройка скачет, чёрт бы её взял,
И как красиво, проклятая, скачет!

ФЛЮГЕР ПЕРЕД СТАРЫМ КЛАДБИЩЕМ

Ты недвижимый стоишь
На базальтовом чёрном столбе.
Только в мёртвую тишь,
Только мёртвый ты верен себе.

Лишь мычанье коров с хуторов
Да немислимый зной.
На разбойницу розу ветров
Ты глядишь, как больной.

Ты скончался давно,
Твои кости истлели в земле.
Не виси надо мной,
Не вертись на чугунной стреле.

Не точи свой заржавленный нож,
Не остри карандаш.
Ты уже никого не убьёшь,
Никого не предашь.

У кладбищенских стен,
Где пустырь от сирени махров,
На могилах измен
Распускаются розы ветров.

Ты недвижимый стоишь
На базальтовом чёрном столбе.
Только в мёртвую тишь,
Только мёртвый ты верен себе.

* * *

Белой стаей, станом лебединым
Пролетела за весной весна.
Кто-то клялся Аннам и Маринам,
Что ещё наступят времена.

Кто-то клялся мрамором лицейским,
Острыми чертами Казанов,
Кто-то клялся вдовам офицерским,
Что ещё на свете есть любовь.

Кто-то верил. Кто-то, кто-то, кто-то...
Всё кипело, не прочесть имён.
Под прикрытьем уходили роты
В мареве пороховых знамён.

Отступленья. Но и в этом шквале
Где-то голосили петухи.
Мальчишки по почте отправляли
Злые неумелые стихи.

Всё равно — Маринам или Аннам...
Падали в огонь, сжимая грудь...
Белой стаей, лебединым станом
Улетело, скрылось, не вернуть.

БОРОВИКИ

Ах, вас находишь реже, чем друзей,
Лесная неприступная элита,
Наследники опёнков и груздей,
Деликатес эпохи неолита!
Излазишь ямы, ноги изожжёшь —
И вот стоят, с улитками на шляпах,
И, всё поняв, становятся под нож,
Оставя миру свой тончайший запах.
И я, вдали от дружества, одна
Насквозь проникнусь мудростью быта,
Собрав вас чёрным мякишем со дна,
Деликатес эпохи неолита.

КАРОЛИНА ПАВЛОВА

Ей бы мять золотую траву,
Да янтарной брести межой,
А не быть ей ни русской фрау,
Ни германскою госпожой.

А теперь вот, куда ни глянешь,
Всюду шёпоты, шепотки,
Дескать, вот она, эта Яниш,
Чьей Мицкевич просил руки.

Да ещё оборвёт напевы
Надоевшая слов игра,
Что и в песнях ты только Ева —
Из Адамова ты ребра.

Мне изменник родины ради,
Где же родина у меня?
Всей останкинской кавалькаде
Не нагнать моего коня.

Так бы скрылась от всех в дубраве —
Пусть забудут враги, друзья,
Пусть в другой запоздалой славе
Растворится слава моя!

Как поэту прожить, не зная,
Чем томится в глуши народ?
Чинность светская, жизнь двойная,
Двуязычья холодный гнёт.

Но пускай и не громко имя,
Неподсудно оно молве,
Коль поют устами моими
Пушкин Рейну, Шиллер Неве.

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

Ветер выпьет белое пламя,
Пеклеванном дымом закусит
И завоюет под куполами
У земли, что звалась Русью.
Старики лишь прильнут к могиле,
Никому же не чуждой в мире...
Он из тех был, что много пили,
Забывались в грубом кумире.
В городах обитала слава,
С отчим краем звала расстаться,
И ушёл светлоглазый дьявол
По обманной стезе скитаться.
Не встречайся с Чёрным ночами,
Если из дому вышел в белом —
Больно будет сойтись очами
С отражением почернелым.
И журнальное захоlustье,
Словно тот пулемёт в «особом»,
По крестьянской трещало грусти
На потребу хлыщам и снобам.
Дьявол канул в святые строфы,
Над костром шелестит осинник,
И шатается над Голгофой
Ветер средних широт России.

АРЛЕКИН И ПЬЕРО

Мне сказал комендант, что они в перекур
Сидели и пили ром.
Один был длинен и белокур,
А другой был черняв и хром.

И длинному говорил хромой,
Неуклюже садясь за стол:
«Ты ведь знаешь, что я ни за кем не шёл,
И никто не пойдёт за мной.

Я вылепил мир из своей мечты,
Потому что я был один» —
«Ну и многого, что ли, добился ты?» —
С ухмылкой спросил блондин.

«Понимаешь, тебе ещё мало лет,
И ты рано пустился в путь...
Но ты согласился бы, что поэт
Я лучше тебя чуть-чуть?»

«Эх! Мало ли каждый из нас кропал
И вздора, и чепухи —
Скажи мне на милость, с чего ты взял,
Что это были стихи?» —

И чёрный глаза вперил в пустоту
И рюмку рукой накрыл:
«Послушай, я выпить хочу за ту,
Которую я любил!» —

Тут белый кильку поддел на нож
И кофе отпил двойной:
«Однако же та, за кого ты пьёшь,
Умерла не твоей женой!»

И чёрный стрелку подвел на часах:
«Но ведь дружба была у нас,
И ты меня, помнится, спас в горах,
А я тебя в море спас...»

А белый в ответ: «Не люблю вранья!
Альпинистом я был плохим,
И тот, кто спас тебя, был не я —
Ты попутал меня с другим!»

И чёрный вздохнул: «Была не была!
Сердце знает, что я не лгал!» —
Тут белый вышел из-за стола
И об пол швырнул бокал.

И какие-то дамы подняли крик,
Их искали три дня подряд,
И одному из них сделали втык,
А другой был с работы снят.

Но они приходили сюда опять
Выпить и покурить.
Вот только о чём, не могу понять,
Они могли говорить.

СОН В ДРЕВНЕМ ГОРОДКЕ

Когда в оправу золотых ворот
Поставил зодчий даль и небосвод,
Окантовав созвездия судеб
И нищих, собирающих на хлеб,
Надвратный Спас направил кроткий взгляд
На каменную площадь, где казнят
Ту нелюдимку с башни угловой,
Из-за которой царь был сам не свой.
Холодный пот у палачей на лбах,
Улыбки блик у жертвы на губах:
— О люди! Своего добились вы,
Не подниму я больше головы.
Но вы мне братья, даже те, что тут
Мое признание бедное прочтут,
Все строчки, что ему веретеном
Писала на куске берестяном...

На дальней башне колокола звон
Разрушил мой пятивековый сон.
Айда кутить в стенах монастыря!
Закажем ужин в трапезной царя!

Там есть у хлебосольных вековух
Готовый стол блинов и медовух.
От сладких яств печаль моя замрёт,
И сказочник с три коропа наврёт,
Как на Руси царям жилось шутя.
Но женщина, власами пыль метя,
Главу склонила. И царя ведут.
— Кто держит без меня неправый суд?
Изменница она? Ворожея?
Пусть так! Я власть, и воля здесь моя.
А если кто убит её рукой,
Видать, не стоил он судьбы другой.
Восстань, поведай, в чём твоя вина.
— Люблю тебя! — Не будешь прощена!..

На дальней башне колокола звон
Разрушил мой пятивековый сон.

Рисунок Светланы Ринго

Каталья Божор

«АВТОПОРТРЕТ В ШУБЕ» ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Эссе

Мне хотелось назвать это эссе «Хризантемы». Но «Автопортрет в шубе» (1947) вытеснил *танец цветов*. Возможно, так выглядел Джек Лондон, возвратившись с золотых приисков. Скорее охотник, чем художник.

Краски осени... «Хризантемы» (1905) Игоря Грабаря полны ожидания.

Историк и теоретик искусства Игорь Эммануилович Грабарь входил в «Союз русских художников», основанный в 1903 году художниками России при поддержке Художественного объединения «Мир искусства». «Союз» развивал традиции художников-передвижников. Пейзаж, портрет, натюрморт, интерьер в палитре жанровой живописи.

Творчество художников «Союза» обогащается историческим и бытовым жанром, ветром импрессионизма. *Белые, гордые птицы, чайки Клода Моне!*

После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета осенью 1894 года Грабарь поступает в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств. Среди работ, представленных юным художником, также иллюстрации к рассказам и повестям Н.В. Гоголя!

Зима входит в живопись художника палитрой света, праздником. Грабарь пишет «Сентябрьский снег» (1903), «Февральскую лазурь» (1904).

«Февральская лазурь» сверкает и переливается на солнце! Необычно создание картины. Вот что пишет художник: «Настали чудесные февральские дни. Утром я вышел побродить вокруг усадьбы... В природе творилось нечто необычайное, казалось, она праздновала небывалый праздник — лазоревого неба, жемчужных берёз, коралловых веток и сапфировых теней на сиреневом снегу.

Я прорыл в глубоком снегу свыше метра толщиной траншею, в которой поместился с мольбертом и большим холстом, чтобы получить впечатление низкого горизонта и небесного зенита со всей градацией голубых — от светло-зелёного внизу до ультрамаринового наверху... Писал я с зонтиком, окрашенным в голубой цвет»...

Усадебные пейзажи художника... Первые произведения Игорь Грабарь создавал в подмосковном имении князей Щербатовых Наро-Фоминское. Здесь были написаны осенние пейзажи, представленные на выставке журнала «Мир искусства» (1901-1902). «Луч солнца» (1901) приобрёл Совет Третьяковской галереи.

Возвращаюсь к *Зимней Сказке* художника. «Иней» (1906) — часть *большой сюиты* «День инея» написан быстрыми цветными мазками. «Белая зима. Грачиные гнёзда» (1904) окутана серебристым дымом. «Мартовский снег», «Ямщик» (1904) — картины сюжетные, навстречу Весне!

Вальс цветов открывают «Сирень у Абрамцевской мастерской» (1949), «Дельфиниумы» (1944), «Хризантемы».

«Рябинка» (1915), «Ясный осенний вечер» (1923), «Угасающий день» (1904) задумчивы, прощальны.

Мастер натюрморта Игорь Грабарь пишет «Яблоки» (1905), «Неприбранный стол» (1907), «Груши на зелёной драпировке» (1922).

«Портрет В.М. Грабарь» (1931—1947), портрет жены художника, «Портрет В.Э. Грабаря, брата художника» (1901), «Портрет Сергея Прокофьева за работой над оперой «Война и мир» (1941) приближены к природе, Мирозданию.

«Зимой. Портрет дочери» (1934) и поздние пейзажи художника «Берёзовая аллея» (1940), «Зимний пейзаж» (1954) в косых лучах солнца.

2023

Ирина Антонова

НА ВЫСТАВКЕ ИГОРЯ ГРАБАРЯ

Здесь каждый натюрморт становится любимым.
И дерево, и куст пронизывает свет.
Полотна Грабаря загадочно и зримо
Нам радость бытия несут из прошлых лет.

Обиды на судьбу? Напрасная кручина.
Как стая белая, поплыли облака.
«Февральская лазурь», и радость без причины
Прошепчет невзначай: «Весна недалеко»...

К 70-летию со дня рождения

РАСКОЛОЛАСЬ ЖИЗНЬ НА ЧАСТИ

Читая стихи поэта Николая Иодловского, вы с изумлением замечаете, как легко, непринужденно, и естественно в русле своего, необычного поэтического восприятия мира, поэт превращает не только себя (как поэтического героя), но и окружающую нас действительность в явления, или материальные субстанции, по своему усмотрению, помогая тем самым раскрытию философского смысла своих стихов.

Изменяя ход вещей вокруг себя, придумывая всевозможные названия и имена, возникающим жизненным коллизиям и героям стихов, делая забавным, жалким или смешным современный мир, в котором мы существуем, поэт всякий раз радостно удивляет читателя парадоксальностью ситуации и неожиданным раскрытием сюжета.

Знакомство с творчеством Николая Иодловского — это ещё одно замечательное открытие оригинального подхода к поэзии.

Просто невозможно не дочитать до конца каждую из его небольших поэтических книжек, где на любой странице вас ожидает «обыкновенное» чудо его поэтический посланий.

Диапазон поэзии Н. Иодловского достаточно велик, так как включает в себя не только проникновенную лирику, но и гротескные зарисовки, трогательные юморески, философские стихи-притчи.

Известно, что поведать нечто новое, дать некий отклик на наше современное бытие, с помощью давно сложившихся поэтических приёмов дело весьма трудное.

Языковой строй поэтических посланий Николая Иодловского традиционным, в полном смысле этого слова, назвать трудно: он не всегда придерживается строгой рифмовки фраз. Довольно часто поэт наделяет стихотворение тем количеством строк, которое необходимо для воплощения стихийно возникшего, но давно живущего в подсознании замысла.

Необычный подход к явлениям обычным, неожиданный ракурс в котором предстаёт в его стихах наша жизнь и мир её окружающий — всё это можно отнести к несомненным достоинствам творчества поэта. Кроме того, Иодловский увлекает читателя в свой уникальный, выдуманно-реальный мир, где позволяет окунуться в чистую воду иронии, любви и безграничного доверия.

В стихах Н. Иодловского перед нами встаёт жизнь, переполненная странными событиями, где реальность так тесно переплетена с выдумкой, что разъединить их невозможно, да и желания такого у читателя просто не возникает.

И ещё. Пожалуй, всё поэтическое творчество Николая Иодловского пронизано трогательной любовью к близким и любимым людям и потому многие его произведения — как краплёные любовью карты, благодаря которым он постоянно выигрывает на поэтическом поле.

Ярко выраженный абсурд реального мира, трагизм, казалось бы безвыходных ситуаций, которые автор выражает с присущей ему фантазией и чувством юмора, никогда не оставляет читателя заложником плохого настроения, и в то же время заставляет задуматься о том, как сохранить себя и свои моральные ценности в этом мире.

В поэзии Николая Иодловского — неисчерпаемый запас оптимизма и потому она несёт нам радость и надежду на лучшие времена.

*Т.М. Кайсарова,
член Союза писателей России,
член Союза Литераторов*

В кабаке под названьем «Россия»
За стаканом сивухи сижу.
Уплывает и ясность, и сила,
Что лелеял и чем дорожу.

Всюду грязь и азартные крики,
Не по скромному счёту жратва,
От безумья ослепшие лики, —
Сатанеет моя голова.

Об Отчизне несчастной забыли.
Что, сыграла последнюю роль?
Я сижу среди смрада и пыли,
И съедает мозги алкоголь.

НЕ ЖДАЛИ

О нём забыли,
Канул навсегда
Из памяти,
Как пропадают вежи.
И вдруг явился
Тихо, словно вещь,
Как в марте талая вода.
Вошёл неслышно,
Робко,
Не спеша,
Неся им хлеб,
Сдавлив ремень потуже.
Мечтал, что встретил,
Милая душа,
А оказалось:
Никому не нужен.

* * *

Люди играют в куклы,
Тихо смеются и плачут.
Страшная метаморфоза —
Люди играют людей.
Люди играют героев,
Рвут на себе одежды
Или кричат во всё горло
О том, что они герои...

* * *

Я — гильотина!
Головы рублю,
Но это я занятье не люблю.
Поверьте мне,
Призванья нету в том,
Чтобы работать смертным топором.
Я — гильотина —
Адский механизм.
Меня б на слом,
Но реет реализм!

* * *

Падают
Разноцветные капли моих воспоминаний,
Как незабываемые цветные дожди.
Они отзываются в моей душе
Долгой басовой нотой.
Я хочу понять,
Откуда этот вселенский звук.
Он растёт.
Вот уже вовсю клокочет во мне.
Внезапно
Разноцветность исчезает.
На смену ей
Приходят иные воспоминания:
Чёрно-белый оскал
Разрушающейся природы
И моего «Я».

* * *

Я еду закладывать вещи.
Ломбард ожидает меня,
Но сердце от страха трепещет,
А если — конец бытия?

Назад получу я вещицы
Иль всё это канет во мгле?
Я думаю: надо молиться,
И будем мы жить на земле!

* * *

Моё сердце забрызгано грязью
И валяется прямо у ног.
Не поднять его — боль в пояснице,
Не могу я нагнуться никак.

Упаду?
И уже не подняться.
Враг затопчет меня горячо...
И стою, пожирая глазами
Своё сердце. И горестно мне.

* * *

Светлая птица любви
Грусти и страха не знает,
Дарит нам песни свои,
Нас от беды охраняет.

Светлая птица любви —
Трепетность вздоха и жеста.
Светлая птица любви —
Вечного счастья невеста!

ВЕЧЕРНЕЕ

Солнце опустилось в яму вечера,
Сумрак подлетел волною серой,
Красным пометами помечена
Неба синь, как рукопись Гомера.

Ветер барабанил что-то нервное,
С присвистом, командуя прохладой.
Было откровение вечернее —
Время листопада.

ЛУННАЯ ДОЛИНА

В моём сердце лунная долина,
Томный свет, как сущность бытия.
Чудо-звёзды смотрятся картинно,
Силу богатырскую тая.

Волшебством в долине этой дышат
Травы и дерев седых листы.
Вещей тайной грустный ветер вышит,
Льются тени — чёрные цветы.

Спит природа.
Даже тихо очень.
Ты её за это не суди.
И напевность этой лунной ночи,
Как бальзам на горестном пути.

* * *

Ничего, что нынче осень,
Листьев жёлтые миры,
Но ещё бушует просинь,
Не дождливо, до поры.

Тают тёплые мгновенья,
Слизь и хмарь уже спешат.
Нудным, дождевым волнением
Загорится скоро сад.

* * *

Мохнатой шапкой вечер
Самодовольно вплыл,
Свет тут же искалечил,
Прохлады куб разлил,
И одурачил тучи,
Измазав краской их...
Сидел я дома б лучше,
Вдруг сочинил бы стих:

О дне и солнце жарком,
Прелестнице реке.
А так глушу я «Старку»
В вечернем столбняке.

ЗИМА

Засиделась ты на троне.
Не пора ль в небытиё?
Ведь весна в безделье тонет,
Очень жалко мне её.

Иссякают наши силы,
И бездействуют умы.
Веет холодом могилы
От просроченной зимы.

РОМАНС ДЛЯ ДВОИХ

Мы вместе пели песнь одну,
Теперь из нас фальшивит кто-то.
Необъяснимость поворота
Кому поставить мне в вину?

И в голове моей сумбур,
И сердце как-то не на месте.
Вершили общую судьбу,
А нынче вместе и не вместе.

Ну что, скажи, произошло?
А чувства снегом замело!

* * *

Настигла чёрная завеса,
И стала темень у руля.
Осколок — ветреный повеса
Возник, о радости моля.

Свои раскрыли тучи зевы.
Ну, кто быстрее съест его?
Взошли холодные посева
Печальных звёзд над головой...

Я у окна.
Дома, как тени,
И фонари сбежали вдруг.
Душа в бессовестном смятенье, —
Где бродит сон, мой лучший друг?

НОКТЮРН

Дышит вечер перегаром
Отработанных лучей.
Темнотою явилась кара,
Замерла в душе моей.

Обобрали душу тени,
Словно воры,
Я не скуп,
А любитель приключений
И слегка, и пьян, и глуп.

Я сроднился с темнотою
И привык, не страшно мне,
А Луна своей красою
Доконала в тишине.

НАСТРОЕНИЕ

Смотрю на ночь, как на мегеру,
Она вошла в мой тёплый дом,
Внесла коварную химеру —
Больного сна тяжёлый ком.

Глаза закрылись,
Замок мрака
Раскрыл все двери предо мной.
Луна пошлёпала в атаку,
Затрясся ветер, как чумной.

Всё завертелось.
Звёзды пали.
Они свою сыграли роль.
Открылись, сумрачные дали...
Но я проснулся.
Утро.
Боль.

СНЕГОПАД

«Идут белые снеги».
Е. Евтушенко

Кружатся белые снеги —
Души умерших людей
И застывают слезами
На холодном стекле.

Кружатся белые снеги,
Страстно ответить хотят,
Как же спасти нашу Землю
От разорений и бед.

Кружатся белые снеги —
Время неспешно течёт.
Может быть, вскоре и я
В снег превращусь?

* * *

А помню я, что ничего не помню.
Куда-то всё уплыло без следа.
И голова — пустующая штольня,
В которой гулко звякает вода.
События исчезли.
В чём же дело?
Без прошлого нет жизни на земле...
Больное солнце ходит, омертвело,
И месяц спотыкается во мгле.

* * *

Пью водку из соседского кармана,
Занюхивая пошлой болтовнёй.
Палю из деревянного нагана,
Прибитого ко мне морской волной.
Хожу на четвереньках, цвета хаки.
Ну, кто я после этого, скажи?
Я — марсианин,
Друг твоей собаки,
Но только умоляю, не дрожи!

ДОЖДЛИВЫЙ ЭТЮД

Закончил день своё «Кап-кап»,
Обкапил всё на белом свете
И улизнул, сказав: «Пока.
Зачем за пасмурь быть в ответе»?

С собою тучи он унёс,
А солнце гордое, большое
Вмиг растопило море слёз,
Его ничто уже не скроет.

Проснулась радуга-дуга
И сразу в небо полетела,
И засверкала ярко, смело, —
Как гениальная строка!

* * *

Наваждение:
Призраки рук,
Обхватившие шею,
Сердца полуиспуг,
Ничего не умею.
Среди красно-белых снегов
Игры света,
И сошествие сладостных слов, —
Песня спета.
И багровые клочья туч
Перед глазами...
Всё.
Не мучь...
Стихами.

* * *

Сегодня у вечера горестный стон.
Сегодня мне снова приснился Нерон.
И дьявольский отблеск неожиданных огней
Разлился пожаром в утробе моей.
Но тучи и ветер — соцветья дождя,
Спасли мою душу, огонь изведя.
Остался Нерон, самодержец, бандит,
И всё не уходит,
Стоит и молчит...

* * *

Мне хочется сыграть на этой ночи
Мелодию восторженного сада,
Но боль и беспросветность точат,
Внося частицы страха и разлада.

Мне хочется сыграть на лунном свете...
Мне хочется сыграть на звёздном поле...
И вновь себя почувствовать на воле.

* * *

На фронтах убитые, кричите!
Голос ваш, как вездесущий звон,
Нашей жизни совесть и учитель,
Стон войны былой — ужасный стон.
И поныне снятся похоронки,
Словно чёрных ястребов полёт.
Если зарастают мхом воронки,
Кто же невернувшихся вернёт?

* * *

Ворона млела на суку
И каркала красиво.
Кричало солнышко: «Ку-ку»!
Идя неторопливо.

Кипела зелень, как смола,
Асфальт трещал от скуки,
Кусали молча удила
Машины, злые суки.

Нёс ветер мусор и листки,
Бросая их в прохожих...
Какие люди дураки,
И я, на них похожий!

* * *

А я украл сегодня... смех.
Знакомый клоун был беспечен.
Я потрепал его за плечи,
И получилось, как на грех.

Затем украл сегодня... стон,
Не дал просившему монету.
Он что-то промышчал, при этом,
Но всё равно был обречён.

А у себя украл я... крик
В момент душевного разлада.
Мне воровать всё время надо,
Что б не сойти с ума...

* * *

Ко мне пришла хмельная гнида
В полночный час, в полночный час,
Взглянула радостно и сыто,
И протянула ананас.

Я обалдел от прыти этой,
Затем, сказал: «Какой пассаж:
Приковыляла в дом поэта
И дарит фрукты. Вот те раз».

«Не обольщайся, мой родимый, —
Она сказала, —
Не спеши,
Я проходила просто мимо
И заглянула, для души.

Ты считаешь мне сонеты,
А я сожру тебя за это,
А ананас возьму, прости,
Чтобы другому отнести»!

* * *

Выгнал рыб я из бассейна,
Нанял белых журавлей.
Пусть рыбёшки полетают,
Поныряют журавли.

Сократил я кошек в доме,
Может быть, наполовину.
Всех мышей отправил в отпуск
И работаю за всех.

Все теперь шныряют где-то:
Рыбы скачут в атмосфере,
Мышки, кошки веселятся
И желают счастья мне!

* * *

Вот клоп,
По телу шлёп и шлёп,
Заполз, вонючий, в душу.
Он думал, что я струшу,
Не на того напал,
Я применил напалм
И выжег всё дотла, —
Душа изнемогла.

* * *

Я помню бабушкину сказку:
«Чтоб защититься от чертей
На кончик носа без опаски
Предмет какой-нибудь пришей!»!

Я выбрал пуговицу, Боже,
Пришил навечно и теперь
Я верю, что она поможет,
От злых чертей, и ты поверь.

Давно ношу я метку эту.
Сношу сплошных издёвок свет.
У вас подобной штуки нету, -
Тогда — привет!

* * *

Я разломил надвое Луну.
Половину
Забросил обратно на небо,
А другую — взял себе,
На память.
Хочется иметь что-то
Экологически чистое.

* * *

Я извлекаю из кастрюли
Квадратный корень бытия,
Глотаю слёзы, как пилюли,
И дребезжит судьба моя.

Я извлекаю из тарелки
Тройничный нерв своей души,
Бегут слепые дуры-стрелки,
И глупый маятник спешит.

Я извлекаю из стакана
Лягушку жирную стихов.
Я мажусь сажею обмана,
Любя до боли дураков.

ЛУНА

Я хочу побрить Луну
Ради смеха. Красота.
А потом её бы пнул,
Чтоб летела, как звезда.

И желанье бы успел
Загадать — хотя б одно.
Верю, сбудется оно,
Если буду, дик и смел.

Вот, что сделал бы с Луной, —
Но я смиренный, не шальной!

* * *

Мир полон правды и химер,
Поймать их — дело чуда.
Когда-то жил среди Шумер,
Потом бежал оттуда.

Я — Македонский или вор,
Или жилец избушки...
Пора кончать весь этот вздор, —
Недолго до психушки!

* * *

Мне прыгать хочется, поверьте,
Я беззаботен, как никто,
Но подползает время смерти,
Кричу безносой я: «Постой»!
Старуха головой качает,
Как будто бы не понимает!

* * *

Тётя Мотя, вот дела
Натюрморчик родила,
А теперь портрет рожает,
Сильно тужится, страдает.

Не выходит ничего,
Не даётся волшебство.
Всё мазня, а не портрет, -
Сорок бед — один ответ.

Тётя Мотя не слаба —
Виновата не судьба,
А натурщица. Она
Для другого рождена,
Для портрета не годна.

* * *

Мне ночью приснились вампиры,
Они целовали меня,
Запачкали стены квартиры,
Вопили истошно: «Огня»!

Качались на люстре, свистели,
Бросали бельё из окна...
Проснулся. А рядом в постели
Моя молодая жена.

* * *

Я выпил кубок смерти,
Но умереть забыл.
Брожу теперь фантомом,
Пугая всех подряд.

Бродить мне надоело,
Хочу в могилу лечь,
Но родственники, Боже,
Все против. Вот беда.

Я выпил кубок жизни,
Воскреснуть нету сил.
Я, как бы существую,
И как бы нет меня.

* * *

Всплывают старые обиды,
Как будто дохлые мальки.
И очень хочется корриды:
Всё остальное — пустяки.

Уже наполнен до отказа
Огромный зал. Свистки и брань.
Мне это кажется, зараза,
А в жизни я такая рвань.

Давно я пачкаю заборы
И ем объедки со столов.
Могу быть образцовым вором,
Но быть жестоким — не готов.

Теперь лежу в грязи и вою, —
Страна, что сделала со мною?

* * *

Я обрёл свободу слова
И пишу, что захочу.
Превратился в острослова,
От веселья хохочу.

Тех черню, кто мне противен,
Прославляю — кто мне мил.
Не надейтесь, не наивен, —
И, конечно, не дебил!

* * *

Сказала мне Муза: «Прощай!» —
Растаяла в дымке уже.
В душе только Ад, а не Рай, —
Отчаянно больно душе.

Исчезла бумага, перо,
Замолкли стихов соловьи.
Что было — быльём поросло,
Остались лишь песни мои!

* * *

Свою голубую мечту
Он променял на более светлую,
Белую...
Не зная,
Что это — смерть.

* * *

Огромный крест в моей душе —
Предупреждение, наверно.
Я слышу грустный марш уже,
Как будто траурный,
Напевно его мелодия.
Кругом
Стоят и женщины, и дети,
И в горле с голодухи ком.
Картины тягостней на свете
Не описать...
Худые все.
И слёзы бурными ручьями.
Враг издевается над нами, —
Пир на враждебной полосе.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

У меня украли впечатленье.
Это было ночью, при Луне.
Радостно волшебные мгновенья
Вдруг исчезли в липкой тишине.

Вздвогнув от предчувствия и жара,
Тяжкую потерю ощутив,
Я под светом лунного нектара
Встал на тропку долгого пути.

Где искать?
И горести изведав,
Я пришёл к началу всех начал.
Впечатленье — это вспышка света, —
Но её пока не разыскал.

* * *

Кукареку.
Гоп-гоп. Ку-ку.
Висит покойник на суку.
И ветер жалобно поёт,
Но снять с берёзы не даёт.

Кукареку.
Гоп-гоп. Ку-ку.
Вогнал я в пьяную строку
Весь этот бред и храп Луны,
И даже запах тишины.

Ещё что надо дураку?
Кукареку.
Гоп-гоп. Ку-ку.

* * *

Я хотя не воробей,
А сажу себе на ветке,
Песни звонкие пою,
До чего же хорошо!

А в окошке надо мной
Над столом склонилась птица.
Пригляделся я, а это
Воробей — пернатый друг.

Что ж, друзья, произошло?
Поменялись мы местами.
Я чирикаю, летаю,
Он же трудится, чудак!

* * *

На моём горле пальцы темноты,
Они медленно сжимаются.
Я начинаю сначала шептать,
Потом громко звать на помощь,
Затем хрипеть...
Ночь душит меня...

И в ужасе я просыпаюсь.
День.
Пляж.
И я, слегка поджаренный на сковородке дня.

* * *

Шлёпанцы на босу... голову.
Шляпу на босу... ногу, —
Всё в этом мире перевернуто.
Пощады ни от кого не ждите.
Не наступайте на моё простуженное горло
И не отдавите уши.
Я кричу в синеву носового платка,
Сморкаюсь в свежоокрашенные решётки...

ШИЗА

Выплывает, словно день,
Яркий мой стихотворень.
Я ликую. Боже мой:
У меня талант большой.
И читаю всем подряд
Перлов ненаглядный ряд.
Улыбаются кругом, —
Внёс я радость в каждый дом.

Но душа моя болит,
Если я такой пиит,
Почему в родной стране
Нету памятника мне?

РАЗБИТЫЕ ФРАГМЕНТЫ РЕАЛЬНОСТИ

КАРПО

Ручная ворона Карпо снялась с нeсeстa и, перелетев двор, опустилась на крышу остановившейся машины. Едва из неё вылез человек, Карпо очутилась на его плече и яростно закаркала. От неожиданности человек пригнулся, отвернул лицо, замахал руками. В ту же минуту Карпо узрела между зеленью Новожилова и полетела к нему, каркая ещё требовательней. Пришелец с облегчением выпрямился, и Новожилов сразу узнал Морёного — предводителя бахчевников. Теперь он был не в красной рубахе, а в

пёстрой, застёгнутой, несмотря на жару, до горла.

— У нас казаки ворон не боятся, — пошутил Новожилов, разрешая Карпо приземлиться себе на голову и подолбить металлическую дужку очков.

Смущённый предводитель бахчевников отряхивался, хотя ни пера, никакого другого «сувенира» Карпо не оставила ему на память. Она вообще не удостоила бы его вниманием, если бы яркие кружочки на рубахе Морёного не приняла за ягоды шелковицы.

— Когда хочешь есть, не то перепутаешь, — сказал Новожилов, направляясь к столу, куда уже перелетела ворона в надежде чем-нибудь поживиться. — Правильно, Карпо. Не до церемоний. Не пореешь, никто зрать не даст. Так и берём с тобой глоткой.

Поощрённая воспитанница заорала ещё сильнее, едва первая корочка полетела в миску с водой. И не унималась, пока Новожилов не искрошил хлебную горбушку до конца. Потом приступил к кормлению, дивя выдержкой Морёного, который отроду не видал птицы скандальнее, нахрапистей и сварливее. Настоящая карга. А Новожилов препровождал кусочек за кусочком, приговаривая:

— Она у нас молодая. Не научилась сама брать корм. Думает, что я — её мамка.

Чуть кормилец позволял себе секундное промедление, Карпо снова опускалась до разнузданного крика. Затевала она и попытки физической расправы: не однажды ухватывала клювом палец Новожилова.

— Протестует, — объяснил Новожилов, — против однообразной вегетарианской еды.

И сказал Карпо, — Мяса нет!

Морёный отступил в тень. Чтобы в полное своё удовольствие наблюдать за сценкой, присел на приступку подвала. Рядом лежал завязанный белый мешок. Недолго думая, Морёный переложил его на стол, на солнечное место. В мешке что-то шевельнулось.

— Змея, — сказал Новожилов, вытирая руки. — На жаре у неё может быть солнечный удар.

Морёный вскочил, как ужаленный.

— Неядовитая, — успокоил Новожилов, стогняя Карпо: насытившись, она примеривалась, какой бы предмет поблестящей стянуть со стола. — Сейчас покажу.

Морёный брезгливо отшатнулся.

— Шахматный уж, — образумляюще сказал Новожилов.

Всё равно Морёный не горел желанием увидеть его. Однако Новожилову так хотелось показать красавца, что он развязал бечёвку и вытащил ужа на свет. Карпо точно ветром сдуло.

— Нервы слабые, — простил её Новожилов и радостно засмеялся.

Длинный, тускло-серый, с кожей, покрытой пятнами, как шахматная доска, уж извивался в руках Новожилова. Морёный смотрел с отвращением. Не гадука ли скользкая тварь? Больно серая голова.

— Сейчас польём его водой, будет красивее, — заботливо пообещал Новожилов и окатил ужа из чашки.

— А если она укусит? — раздался тоненький голосок.

Новожилов оглянулся. На верхней ступеньке террасы стояла неизвестно откуда взявшаяся зрительница — соседская девочка с цыплёнком в руках.

— Умрешь, — весело ответил Новожилов. — Как царица Клеопатра, — и засмеялся.

Вряд ли сравнение с царицей и смех подбодрили девочку. Она оробела настолько, что забыла, ради чего пришла. Однако Новожилов не отставал:

— Хочешь, сфотографирую тебя в нарядном платье со змеей на шее? И пошлю карточку в журнал «Юный натуралист»? Будут смотреть, говорить: «Какая смелая, какая красавица!»

Жажда славы заставила девочку сойти на ступеньку вниз, потом ещё на одну. А Новожилов делался веселее и веселее.

Морёный ума не мог приложить, над чем потешается Новожилов. И не угадал бы, ломай голову хоть до ночи.

А Новожилов вспомнил, как в Москве, в Музее изобразительных искусств, куда попал, отстояв огромную очередь, его чуть не оштрафовали из-за этой самой Клеопатры. Вернее, из-за картины «Смерть Клеопатры», которую написал художник Лисс. Новожилов хорошо запомнил фамилию: ведь она почти звериная. Развеселила Новожилова, конечно, не бедняжка Клеопатра, прекрасная, в беспамятстве запрокинувшая голову, и не чёрная печальная служанка, подносящая кобру в корзинке, а реальная старуха смотрительница, неусыпно следившая, чтобы зрители держали дистанцию, чтобы не касались оградительной верёвки, чтобы не толпились, не напирали, желательнее всего — вообще не дышали. Она понукала и свирепствовала, как могла. И люди безропотно подчинялись. И вдруг налетевшая с бешеным жужжанием огромная жирная муха, та самая, которая называется *Sturmia scutellata*, — казалось, порождение душного сонмища и бестолковости — нахально пересекла запретную зону и села на белую грудь царицы. Не довольствуясь этим, она принялась по ней ползать и возить, словно по заурядной стене. А старуха продолжала одёргивать людей.

После Новожилов говорил, будто не на шутку испугался за судьбу шедевра. Будто ему представилось, какие могут возникнуть международные осложнения, если заграничные владельцы картины обнаружат на груди Клеопатры ранее не существовавшую родинку. Если же, на счастье, с владельцами обойдётся, то сколько исследователей наплодит она в будущем?! Тех, кто станет восторгаться утончённым колористическим мастерством художника, толковать, сколь умело, сколь ненавязчиво-изысканно оттенил он белизну лилейной женской кожи.

И Новожилов бросился на муху. После чего с позором был выдворен шипящей смотрительницей. Она посчитала его человеком «под мухой», а Новожилов был трезв, как стёклышко, которое отсутствовало на картине Лисса. Новожилов успокоился тем, что в душе окрестил старушенцию настоящей египетской коброй, перед которой нарисованная змейка, мирно дремавшая в корзинке служанки, выглядела безобидно-приятной. Такая не могла бы лишиться жизни царицу, сколько ни желай Клеопатра покончить с собой.

Вот над чем веселился Новожилов, пока девочка рeshала, спускаться ли по лестнице дальше.

ОДА К ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

И опять срубленные вербы возле одиночных деревьев. И снова мысли, мысли одолевают Новожилова:

— Вот и птицы... Одни делают гнёзда в дуплах, другие — в открытой степи... А есть такие, что в самых неожиданных уголках. Вчера наш егерь стал выводить трактор после ремонта, а на двигателе, под капотом, трясогузка устроила гнездо. Трактор надо пускать, а в нём — гнездо.

Обычная история. Трясогузка часто держится возле человека. И всё равно Новожилову занятно поведать, как перенесли гнездо в затемнённый ящик, установили его на уровень двигателя. Хотя Новожилов знает: бывают и поудивительнее находки. Гнёзда в уличных репродукторах, на железобетонных осветительных столбах, в открытых светофорах — читал и слышал рассказы натуралистов, но одно — чьи-то свидетельства и другое — обнаружить самому и в который раз изумиться приспособляемости животных. Смерти они боятся, а не научно-технического прогресса!

Однажды Новожилов стал свидетелем небывалого случая, с которым и в сравнение не шли самые невероятные рассказы зоологов.

Было это в начале октября, по делам он летел из Москвы в Минеральные Воды поздним вечерним рейсом. Глядел через стекло в темноту и думал, что тоже уподобился птицам, для кого осень — период великих миграций. Только Новожилов перемещался в пространстве без малейших усилий, положившись на волю и мастерство пилотов, а незащищенные птицы ежеминутно подвергали себя опасностям.

Чтобы и после приземления облегчить жизнь малочисленным пассажирам, бортпроводница предупредила: багаж можно получить сразу же, на краю летного поля, куда вырулит пилот.

Южная мягкая теплынь обволокла Новожилова, пока он спускался по трапу, пока с другими ждал, когда штурман откроет крышку на алюминиевом брюхе самолета. Из аэродромной гостиницы, почти примыкающей к лётному полю, слышалась музыка, и звуки её, казалось, медленно насыщают темноту. Над крышей курилось неоновое свечение рекламы.

То, что произошло дальше, заставило Новожилова с сожалением подумать об упакованном фотоаппарате и машинально посмотреть в сторону единственного сильного источника света — прожектора, бьющего лучом от гостиницы.

Едва штурман поднял крышку, из багажного люка, будто по команде, даже не вылетела, а залпом выстрелила стая городских ласточек и, шумно трепеща крыльями, подалась к земле, словно при-

ветствуя её криками, потом плавно взмыла вверх, мелькнула в луче прожектора и пропала. Казалось, птицы были наготове и с нетерпением ждали освобождения.

От неожиданности штурман, пассажиры, стоящие рядом, отпрянули. Глядя в ночь, скрывшую крылатых безбилетников, штурман сказал:

— Грамотные! Техникой пользуются, — и осторожно заглянул в люк, прежде чем приняться за дело: нет ли каких других «зайцев»?

Изумлённые владельцы чемоданов долго ещё обсуждали случай, наделяя ласточек сверхъестественным разумом. Вспомнили и неопознанные летающие объекты, и снежного человека, и даже лохнесское чудище. Усмотрели сознание и в деревьях. О том, что не здравый смысл загнал птиц в самолет южного направления, а случай — вероятнее всего, стая укрылась в люке для ночевки, — пассажиры и слушать не хотели. Чуть не растерзали Новожилова, утверждая, что из-за таких умников, как он, в «загоне» экстрасенсы.

Как бы ни было, а давний случай с ласточками стал ещё одним подтверждением мысли Новожилова: смерти бояться животные, а не научно-технического прогресса.

Как под арку, въехали в лес и покатали между деревьями, смыкающими кроны над узкой дорогой. На ней уже видны вечерние тени. Однако до темноты далеко. Ещё горят яркие крылатки кленов. Но возле стволов — чуть призрачная дымка. И лёгкая сероватая марь стоит над кучами собранного хвороста. От неё-то так задумчиво в лесу. И, словно в лад этой задумчивости, ведёт свою песню чёрный дрозд. Заливисто щёлкает, как серебро рассыпает. О чём он поёт в этот час, когда звери тянутся из укрытий?

А запах остывающей земли поднимается и поднимается и, одолевая его, дышат травы, деревья, вода.

Первый лось попадает на поляне. Неподалёку пасётся лошадь лесника. Заметив людей, лось немного медлит, но безопасности ради направляется в заросли.

Вспугнутая, перелетает высоко над головой овсянка.

Тишина. И опять струится её звонкая щебечущая трель. Так же ручей журчит по камням. Впрочем, у этой маленькой птички мелодий много, почти триста. Ну, кто может представить себе, что её пение имеет отношение к музыке... Бетховена? Так впечатлило немецкого композитора, а скорее, какие-то ноты запали в душу и пересоздали себя в первые звуки симфонии. Речь о Пятой. С темой Судьбы в начале — про неё композитор сказал: «Судьба стучится в дверь». Музыковеды не устают повторять: это — послание Бетховена миру, триумф человеческого духа, позывные в период Второй мировой войны, достояние вечности, гимн Евросоюза, объект

всемирного наследия Юнеско. Всё так. Но громкая атрибутика блекнет перед одним-единственным словом — Новожилов написал бы его крупными буквами — человечность. Нет, не на памятнике написал бы, а на кулинарной книге французов, для кого птичка с лошадиной «фамилией», которая в оные времена болталась под ногами у лошадей, подбирая их корм, стала лакомым угощением. Из неё в ресторанах с Мишлен-звездой делают бешено дорогой деликатес: «мсье-сю-кон-сю-сю». Делают, но как? Сначала выкалывают ей глаза, чтобы она перепутала день и ночь и до отвала насыщала себя как перед осенним отлётом, потом живую топят в арманьяке, наконец кидают замаринованное тельце на сковородку. Приготовленные двадцать граммов запанированного в сухарях страдания гурманы поедают, накрывшись салфеткой. Чтобы не смотреть людям в глаза? Вряд ли. Скорее ловят ещё какой-нибудь кайф. И никакая судьба им в дверь не стучится. И это во Франции — родине композитора Оливье Мессиана, который своими творениями обязан птицам, ведь это птицы, «маленькие слуги духовной радости», считал он, создали все музыкальные формы и подвигли на сочинение конкретной и атональной музыки, ведь это они были первыми существами, способными на коллективное пение. Конечно, экологи бьют тревогу. Им издевательства точно не нравятся. Возможно, потому и сподобленный музыкой, а также лагерной судьбой Мессиана, мастер триллеров Хичкок взял на себя роль прокурора и устроил фильм-месть «Птицы» о нападении птиц на людей. Вот вам! Вот!! Зрители смотрят и трясутся от медленного нарастания ужаса, у них мурашки бегут по коже. Да еще бельгийский художник Рене Магритт, изображая своих персонажей, тоже не думает о них ничего хорошего и на всякий случай покрывает им головы кусками белого полотна.

Время от времени по обе стороны дороги видны опрометью удирающие русаки — сверкают их пятки и уши. Но больше всего гордится директор сидящими зайцами. Эти вскакивают в последний миг, когда машина рядом.

Лишь фазаны не торопятся на вечерний дозор директора. Но вот недалеко от тёрнов попадается первый петух. Мелькнул, как тень, и нет. Чуть погода — другой, третий... Так быстро, что разные цвета оперенья сливаются в один — червонно-золотой. И, считая птиц, Новожилов с Петрухиным выезжают на выгон.

Глушит мотор Петрухин. Наконец-то! Добрались! Отыскать бы теперь обещанное гнездо. Глядит, глядит, но, сколько ни старается, — напрасно. Кочки перед ним одинаковые, все поросли травой, да и среди деревцев не сразу отличишь замеченное. Но вот оно! С обломанной верхушкой.

Медленно идёт Новожилов. Недалеко от гнезда останавливается. Дальше ступать незачем. Можно согнать фазанку, хотя птица отважная, самого лютого врага подпускает на близкое расстояние. Но всё равно ей сейчас и без Новожилова туговато. Мало того что скот пасётся под боком, ещё и враг — луговой лунь устроил гнездо по соседству. И Новожилов высматривает поблизости сухие колючие ветки. Сейчас оградит ими фазанье гнездо — защитит от коров: наткнутся раз-другой и отступят, а чтобы отвлечь луня, положит крепкую большую ветку. Пусть опускается теперь на неё, пусть отдыхает подальше от фазанки. Новожилов и сам не прочь посидеть, понаблюдать за лунём. Кто видел, как низко и бесшумно летит лунь во время охоты, тот не может не вспомнить сказку о ковре-самолёте. А если наблюдатель — моряк, то без фантазий о «Летучем голландце» не обойдётся. А с ним придут и гумилевские строки:

«Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усев борт его и снасти»

И мысли дойдут до ракетного корабля-самолёта, построенного в секретном конструкторском бюро Нижнего Новгорода, — до так называемого экраноплана по имени «Лунь», летящего в двух метрах от поверхности моря со скоростью 500 километров в час. Не уязвимо для радара, как самолёт, не достижимо для ракет, как корабль. Прошедшего испытания на Каспии и угодившего под раздачу в перестроечную кутерьму. Проект закрыли, а уникальную машину (320т) списали в металлолом. Но умные люди сохранили рабочий образец как музейную редкость. И оттащили под Дербент на берег Каспийского моря. Там и стоит эта махина легендарного конструктора Ростислава Алексеева, замороженного когда-то полётом лугового луня. Говорят, встреча с «Летучим голландцем» не сулит ничего хорошего. Но «Лунь» ведь не «Голландец», не призрак, не фата-моргана, он просто наша реальность, выпотрошенная сребролюбивыми монстрами.

Эта реальность постоянно спотыкалась о нашу косность. Уникальные проекты, синтезирующие сложнейшие разноплановые конструкции: корабль-самолёт, раздражают чиновников. Изобретатель доводил их полуподпольно на заводе «Красное Сормово». И погиб после очередного испытания. Грубо говоря, надорвался. Не услышал предупреждения. Тайну названия он унёс с собой. Рассказывая о нём, чей портрет висит теперь в залах славы нескольких стран, журналисты предполагают, что он, выходец из среды старо-

обрядцев, был почитателем конфуцианства, ссылаются на трактат «Лунь Юй». Большого бреда придумать трудно. Зачем Ростиславу Алексееву, сыну агронома-растениевода, видевшего в своей Черниговской губернии сотни полётов лугового луня, китайское имя? Его, легендарного конструктора-самородка, которого в юности (1938 г.) благословил сам Валерий Чкалов, обвинили в некомпетентности. Ведь и Чкалова сажали на гауптвахту за, пролёты под мостами, называя это лихачеством. И никто не внял его фразе: «Я ничего не делаю такого, что потом нельзя было бы использовать». При полёте вблизи экранирующей поверхности (земля, вода) лётчик проверял подъёмную силу крыла. У таких людей, как Чкалов и Алексеев, ничего случайного не бывает. Даже смерть их становится точкой отсчёта для дальнейших исследований.

Обратно возвращаются засветло. Восковой туман висит над полем ржи, мимо которого они проезжают.

Всё истончённее, всё невесомее дали. На ясном небе чисто и тонко смотрится месяц. Точно подтаявшие, почти прозрачны его края. И светозарными кажутся длинные стволы одиноких пирамидальных тополей.

Ольга Бондаренко-Беспрозванных

* * *

Там, над заимками,
туманов дым.
Дымит зазимками
преддверье зим.

По бездорожиям
звенит лоза.
Там даль острожная
глядит в глаза.

Там достовернее
времен зола...
Моя Империя!
Реку: была!

Была предтечу
бессмертных рун,
с душой извечною
ковыльных струн.

Огни за гумнами
всё пых да пых...
Там звёзды — умные.
Там нет — чужих.

* * *

За эхом набегом дорогою звука,
долиною счастья, предгорьем разлуки
от жёстких людей, клеветнических слухов
лети, моё сердце, в империю духа.
— Спаси моё сердце пока оно ясно,
пока милосердно, пока не погасло...
Где ветер весенний врывается в сени,
Осеннее сердце поверит в спасенье.
Ведь есть во вселенной такой уголок,
Где души встречаются, веря в зарок.

* * *

«Замело тебя снегом, Россия...»
Ф. Чернов

Пусть порою вздохну я бессильно:
много дней не стихает пурга.
Замело тебя снегом, Россия,
но такую ты мне дорога.

Чту сугробов намёты степные,
только всполохи белых берёз
зажигают поля ветровые,
пламена в трескучий мороз.

Всё-то сердце развидеть всеильно,
что была ты такой, как и есть:
над тобою слезой небо сине,
оттого что курганов не счесть.

Замело тебя снегом, Россия!
Спят сугробы до облачных крыш...
Чую взгляд индевеющий, зимний:
Бог морозное око открыл.

ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ Анны Кирилловны Беспрозванных

И теперь я у жизни стою на краю,
в том краю ни дороги, ни храма.
Выдувает сквозняк ночью душу мою,
и по свету летит она, мама.

За полями седеют, туманясь, леса.
За лесами — река побелела.
Та река, что когда-то сквозь сердце текла,
но она без любви обмелела.

В холода на ветру не поют соловьи.
Потускнела трава луговая.
Облака... облака затевают игру,
но к чему, если дни убывают?..

Без любви я навеки! Навеки помру!
Где порука любви пресвятая?
В том краю тишина — ни к утру, ни к добру...
Тихо молнии ночь прошивают.

* * *

И каждый миг твой судьбоносен,
и каждый шаг непоправим.
Всё кажется: пройдёт и осень —
мы вновь воспрянем, воспарим!

Ведь мы судьбою все любимы,
а нелюбим вон тот другой:
он здесь не зря проходит мимо
наедине с самим собой.

А ты живи в своих обманах
и благодарна будь судьбе:
ещё не скоро кто-то глянет
с насмешкой жалости к тебе

НА РОЖДЕСТВО

Я думаю о Богородице.
Дано ей право всех прощать.
Её ведь нянчили пророчицы
и вынянчили Благодать.

Но если вдруг душа оступится...
Когда оступится душа,
кто за неё тогда заступится,
листочком с молитвою шурша?..

* * *

Белый снег, словно пух с иван-чая,
не ложась, над дорогой летит,
но бессонной душой понимаю
я его еле слышный мотив.

Всё уже замело снегом ночи
и не виден простор ветровой.
Но к душе тот простор приторочен
то ли песнею, то ли судьбой.

Снег летит, заноса бездорожье,
огоньками вдали ворожа,
и метелями темень тревожа
и, как дума ночная, кружа...

Высь бела, словно смерти нам нету!..
Даль светла — хоть спасенья нам нет!..
Всё летит, всё кружится по свету
пух ли, снег... или пепел побед?..

* * *

*«Верни меня обратно, мой Покой»
Татьяна Попова Тоз*

Верни меня обратно, мой Покой!
Пленительная песня над Окою -
сама в себе она уже покой,
сама в себе она течёт рекою.

В сиянье лунном тонут берега,
замолкли птицы — видно, петь устали.
А месяц, наклонив к воде рога,
собрался пить, но облаком растаял.

Скажи мне, жизнь, ты чем мне дорога?
Не тем ли обещанием Покоя,
когда по небу Млечная река,
искря, течет земной рекой Окою.

* * *

Г.Р.

Куда улетают бессмертные души,
Когда отлетают они?
Безмерного неба неведомы кущи
И их безответны огни.

Я верю, родное меня не забудет
И, только начнётся рассвет,
земное — и пеньем, и смехом разбудит,
И зимы дохнут свой привет.

К душе вдруг рванутся знакомые кущи,
и ветер отрадный, и свет...
Увижу за стужею сад свой цветущий,
и сон своей жизни, и след.

Увижу по рекам заснеженным лозы,
морозы крещенской порой,
где спят безмятежно под снегом берёзы
и снег осыпают порой...

* * *

Распахнул январь метелям двери,
гаснет раскалённая заря.
Дикие некормленные звери
рвутся к нам из клетки января.

Остановишь разве? Ну, попробуй!
Вдруг рванув, сбивают сразу с ног.
Белыми медведями сугробы
разлеглись вальяжно вдоль дорог.

За щекою месяц вольно спрятав,
где-то затерялись небеса.
Сквозь метель темнеют мехом пятна —
рыжие склонённые леса.

Ночь надвинется — метель не стихнет!
Пряча нос, как ты за воротник,
даже и не тихий город Тихвин
на большой дороге слишком лих.

...И какую мерой слово мерить?
Иль не зря заточено стило:
моих слов некормленные звери
ломаются в оконное стекло!

РУСАЛКА ПОД ЗЕМЛЕЙ ЛЕЖИТ

Это случилось в шестидесятые годы прошлого века. Фольклорная экспедиция путешествовала по Приднестровью, где тогда никто и подумать не мог о грядущей междоусобной войне... Все пахло миром и благоденствием. Неторопливые поселяне любили посидеть на завалинке. И рассказывать друг другу всякие истории в духе господина Гоголя. Будто и не было неусыпного надзора безбожной власти над мыслями и душами людей.

Экспедиция вышла к реке Прут, что славилась то неожиданным мелководьем, то резко сменяющим его глубоким омутом. Рыбаки, что большую часть своей жизни любовались собственным отражением в водах реки, иногда вспоминали и о других лицах, что показывались из воды. Но прежде, чем вспоминать, они внимательно смотрели в глаза чужака, будто проникая через них в его душу: поверит ли?

Поверили. Особенно поверил мрачный и молчаливый старик Мыкола. Жил он в полуразвалившейся мазанке и был совершенно одинок. Дом его буквально прилепился к самому краю обрыва на речном изгибе.

Он просто услышал, что далекие гости завели речь о русалках, а мужики поддержали этот разговор. Все постепенно перешли на шепот, словно опасаясь чьих-то нежелательных ушей. Не только секретаря сельского парткома, но и кого-то еще...

Молчун Мыкола сначала слушал. А потом нарушил молчание, что само по себе уже было чудом.

Он поведал ребятам из экспедиции, что много лет назад тоже был рыбаком. Но не был молчальником и нелюдимом, хотя и жил один, потому что рано схоронил мать.

Обыкновенный жизнерадостный хлопец. И как-то раз решил хлопец отправиться порыбачить. Пошел Мыкола в потаенное, глухое место, что знали немногие, и где было много рыбы. Был самый разгар лета. Раннее утро.

Мыкола брел по отмели к заранее облюбованному валуну, чтобы важно воссесть на нем и приняться ловить рыбу. Валун вздернулся над берегом как раз над тайным и очень глубоким омутом.

Неожиданно молодого рыбака взяла оторопь, перешедшая в самый настоящий ужас. Он увидел, что около валуна лежит... русалка!

Он описал ее так: роста невысокого, от силы метра полтора, хрупкая, верхняя половина тела — с не просто белой, а очень белой кожей, волосы почти до пояса, зеленовато-серые, похожие на тонкие водоросли. Особенно поразило его лицо. Правильное лицо, с непомерно большими темными глазами... лишенными зрачков! Мыкола посмотрел в эти удивительные глаза и почувствовал, как оттуда рвется мощный и беззвучный крик о помощи. «Она вроде как сомлела», — сказал путешественникам рыбак.

Хлопец преодолел свой страх, сбросил с себя робу и положил на нее русалку. Понес ее домой. Всю дорогу от нее, по словам рыбака, от ее тела шел сильный и странный аромат, который вызывал у Мыколы приступы дурноты, как, скажем, от запаха бесчисленно го количества роз, собранных в одном помещении.

До своей мазанки русалку он все-таки донес. Кровать в его жилище была одна, вот на нее он и уложил «диво дивное»!

«Видать, помирала она», — сказал Мыкола московским любопытным.

Он просидел с ней рядом почти два дня. Наконец, заметил, что глаза без зрачков подернулись какой-то дымкой... И тут же аромат, исходивший от русалки, начал исчезать, а рыбак почувствовал, что с его головой что-то произошло. «Видеть разное начал... — скупно поделился он со слушателями, — а еще время какое-то не такое для меня с тех пор стало...»

И мужики, сидевшие вокруг, подтвердили, что с того дня сделался Мыкола «смурной». Будто никого не замечал. Жил, потому что привычка у людей есть — жить! А время его обтекало, хотя и не щадило внешности, тоже старостью красило. Да что ему за дело было до виду своего? Он только одну думу и думал. Все о ней. О русалке.

Старый молчальник, нарушавший свой обет, почувствовал, что гости из Москвы ему не верят. Тогда он встал и пригласил их вместе с мужиками идти за собой.

Углубившись в буковый лес метров на пятьдесят, он уверенно вышел к маленькому холмику. На нем вместо православного креста стояла небольшая, грубо вырезанная из дерева фигура русалки...

А мужики, те, что вроде Мыколы старыми были, подтвердили: да здесь русалочья могила. Но копать нельзя... Упаси Бог, а то вся родня русалочья на тебя ополчится. И на тех, кто копать разрешил...

Ни Мыкола, ни участники экспедиции, ни мужики и понятия не имели о том, что неправдоподобный рассказ — один из многих.

Из тех, что сохранили нам сведения о русалках. У всех у них одни и те же свойства: они сильнейшие телепаты, а значит, вправду способны завораживать человека. Вернее, передать ему поток каких-то мыслей о своем мире... После чего человек, если только он не Адепт, постоянно живет в двух мирах: этом и том, где мир русалок. Что за мир? Наверное, тот самый, куда ушли из мира людей герои Толкиена после того, как все кольца погибли. В том числе и самое главное кольцо... Да не все ушли. Кое-кто остался. По лесам, по омутам речным затаился... Зачем? Да, может, чтобы нам, неразумным, понятие о других разумных существах дать? А то и помочь нам, недоверчивым да неблагоприятным.

А то, что русалки есть, ни один эзотерик не сомневается. И обитают они и в океанах, и в морях, и в реках. А иногда любят вылезать из воды, и тогда мы вспоминаем пушкинские строки: «Русалка на ветвях сидит». Не зря же в языческой Руси были русальные недели. Тогда, наверное, люди относились к русалкам с большим почтением. Хотя бы потому, что знали о них больше. Например, то, что их не надо пытаться кормить рыбой, потому что они вегетарианцы вод... А глупые матросы европейских кораблей, аккуратно посещавшие дома чистенькие церкви, кормили русалок рыбой, если водные дивы попадали к ним в руки. И держали их в ржавых бочках, пока те не отдавали Нептуну свои невинные души.

Потому и русалки относились к людям плохо. Видели в них врагов. Пытались заманить в море и нырнуть с ними на дно. Или в какой-нибудь темный омут где-нибудь на диковатой реке Прут. Но бывали исключения, как в сказке Андерсена. И тогда рождалась еще одна история. Или скорее, легенда. Легенда о несчастной, но пылкой любви.

Хотела ли русалка отомстить Мыколе за то, что сделали с ней и ее родней люди? Или вовсе это была не месть. А наоборот, награда. Потому что получил хлопец от русалки дар видеть страны чудные, для других людей запретные. Вот и ушел он всем сердцем своим в страны эти прекрасные, а здесь, на земле, только тень свою оставил. Подобие свое.

Но откуда же они родом, русалки зеленовласые? Может стоит тут вспомнить русскую женщину, Елену свет Петровну. Немку по происхождению. Блаватскую — фон Ган. Она в книге своей, в «Доктрине Тайной», что не каждому понять дано, писала о Земле нашей, как о существе живом. И существо это триста миллионов лет назад много разных тварей породило, самых диковинных, потому что еще только творить училось. Это потом на помощь ей, Земле Неопытной, Учителя Великие пришли из миров дальних. А сначала она одна дело Творенья Великого делала... Потому

и были у нее среди прочих, и дочери странные, туловище челове-
чье, а хвост рыбий.

А чтобы больше веры было в то, что сказанное о русалках —
правда сущая, а не выдумка, приводит Елена Всезнающая древнюю
книгу одну из библиотеки китайского императора. И называется
книга эта Шань-Хай-Цвин, или «Книга о Горах и Морях». И на-
писана книга была в 2255 году до Рождества Христова. В эпоху
императора, которого звали Юй. И упоминаются там встречи и с
людьми, у которых было два лица, спереди и сзади, причем лица
были разные, и с людьми, имеющими козьи тела, и, конечно, с ру-
салками. А встречи эти были задолго до того, как была написана
сама книга... Когда еще жило другое человечество бок о бок с че-
ловечеством нашим. В мире жило.

Ничего этого рыбак Мыкола не знал и не читал. Но он видел.
И разве его рассказ менее ценен, чем те записи, что были сделаны
придворными мудрецами самого китайского императора?

ВЕТРЕНО

Ветер, ветер,
Зачем отогнул воротник,
И за шиворот лезешь
Фривольно?
Ты к груди моей,
Словно любовник, приник,
И дышать мне
Становится больно.

Было солнце,
И ласков ты был неспроста,
Волосами играл беспокойно.
А теперь обрываешь
Причёску с куста,
Треплешь платя берёз
Недостойно.

Ты и волны на море
Гоняешь взащей,
Корабельные мачты ломаешь!
И меня, с необузданной
Силой своей,
Ты суровым пинком
Приласкаешь!

Только я все равно выхожу
За порог,
Только я на тебя не в обиде!
Здравствуй, ветер, охальник,
Сшибающий с ног,
Как же можно любить,
Ненавидя!

Как же можно стоять,
Не скрывая лица,
Подставляться так неосторожно,
Принимая удары твои без конца,
Бритвой режущий ветер
Осторожный!

Я люблю эту силу и этот размах,
Рам шатанье и хлопанье двери,
И паденье деревьев,
И радость, и страх,
И волнение любви,
И потери!

Я люблю,
когда движется сердце
Впотьмах,
Когда солнце
Глаза режет бритвой,
Я люблю крыльев бабочки
Ласковый взмах,
И слова задушевной
Молитвы!

Я люблю, милый мой,
Даже слабость твою,
Я всю нежность
Не в силах растратить.
Даже если
У бездны стою на краю,
Мне любви и безумья
Не хватит!

Мне не хватит длины
Неизбывного дня,
Мне не хватит твоих
Откровений.
Погляди напоследок,
Как волк, на меня,
Чтоб опять подкосились
Колени.

ШПИЛЬ И ИГЛА

Тонкий шпиль Петропавловской крепости
Над Невою парит снеговой.
Нестроения все и нелепости,
Словно ластиком, стёрты зимой.

Всё прощается, всё превращается,
В снеговую скрывается пыль,
И на Лахте под ветром качается
Небоскреба стеклянного шпиль.

Он на время метелью замаянется
И исчезнет из града Петра.
Это только до времени кажется,
Что и прям он, и твёрд, как игла.

Переросток, метельную конницу,
Встретив гордо, подобно струне,
Петропавловке всё же поклонится,
И Неве, и Петру на коне.

ГОРОД ТЁМНЫЙ

Приехать снова в город тёмный,
И под колоннами стоять,
И ветер чувствовать огромный,
И звука бесконечно ждать.

Застынуть под ногой Атланта,
Иль под копытами коня,
Замшелых мыслей фолианты,
В себе на память сохраня.

По площадям бродить без цели,
Без понимания, без троп,
Где толп сверкают карусели,
Горит Александрийский столп.

Пылает лист, летящий мимо,
Желта умершая трава,
И всё опять непоправимо —
Ни жизнь, ни осень, ни слова.

* * *

Можно ль жить, скажите, человеку
Среди тесных каменных домов,
Чтобы окна были не на реку,
А в соседский зырили альков,

Чтоб не лодка шла по водной глади,
Не сигала рыба на реке,
Строй машин стоял, как на параде,
И рябинка чахла в уголке.

Воздух гарью жжёною пропитан,
И меня, не убежала чтоб,
Придавил сверкающим копытом
Новенький угластый небоскрёб.

Чтобы я на небо не смотрела,
А на стёкла — стёкла без конца,
Чтобы умалилась до предела
На себе не чувствуя лица.

Не жила в лесу, иль на поляне —
Шла по плитки сморщенной коре,
Чтобы взгляд мой утонул в экране
Навсегда, как муха янтаре.

ПАССАЖИР

День наливается лиловый
И нехотя берет на борт.
И ждёт меня в одежке новой
Сверкающий аэропорт.

Душа взлетает без усилия —
А тело стонет у земли,
Но металлические крылья
Его на небо унесли.

Так плоть удрала в самоволку,
Туда, где быть нельзя живой,
Подвешена, как шар на ёлке,
Над морем, над большой горой.

Вокруг не пустота чужая,
А образы и образа,
И музыка, как отзвук рая,
В душе пробудит голоса.

Сквозь тело прорастают строчки,
Я забываю их — транжир,
Своей непрочной оболочки
Случайный, робкий пассажир.

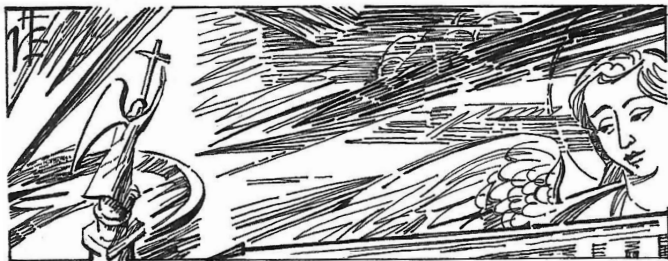
* * *

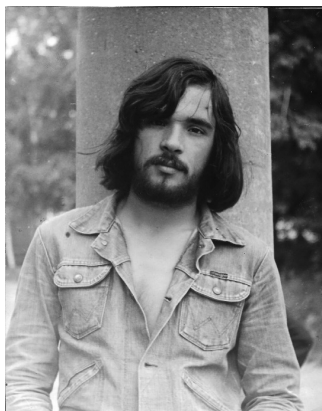
Когда над берегом случайным
Плывет черемухи дурман,
Тебя, как радость и как тайну,
Я принимаю за обман.

Как будто нет тебя на свете,
Ни синих глаз твоих, ни рук,
Ты только шёпот, только ветер,
Предвестник счастья и разлук.

И леса дом благоуханный
Ветвями тянется ко мне,
И воздух Родины пространный
Настоян на любви вине.

И мне навек небезразличны
Ни дом, ни сад, ни даль полей,
Ни ты мой друг, ни щебет птичий,
Ни сладкий воздуха елей.

В НАПРАВЛЕНИИ РАЯ

Он долго блуждал в теряющихся лабиринтах предутреннего сна, словно в низких тускло освещенных комнатах, сменяющих одна другую — пока очередная не оказалась его собственной, не сделалась явью. Он еще не вполне осознал себя — казалось, в том не было особой нужды, а мысли уже текли легко и сладко, словно погружённые в некую жирную и нежную смазку неведения, ещё не соприкоснувшись со стеклянной — или металлической — холодной и трезвой

ясностью. «Сон, — думал Де Спелла, — путешествие. Странствие души. Точно прообраз посмертных мытарств». Его давно уже занимал вопрос о пакибытии, о запредельном самоосознании души вне тела, вне этих бесконечно усложняющихся и взаимодействующих составляющих — физиологии, психики; да и возможно ли это в принципе думалось ему, существование личности, индивидуальной, но не обособленной, свободной без обладания. Ответ приходил сам по себе, дарованный сном. Ведь и во сне Я присутствует лишь номинально, как некое точечное сканирующее начало, лишённое воли, сливающееся в этой странной, непривычной до какого-то неяркого ужаса, метафизического неужога свободе, с изменчивой текучей ситуацией, становясь ею. Ведь именно этим отсутствием свободной воли, абсолютной незащищённостью и обусловлена та, не имеющая аналогий в просчитаной реальности яви, сила переживаний, как вознесённо-радостных, райских, так и безысходно-гибельных, кошмарных, демонических, что свойственна сновидениям. Но и эти трансцендентные состояния имеют значение только в контексте всей целокупной жизни; смысл и само существование придаёт им лишь возможность пробуждения. «Воскресение», — думает Де Спелла, радуясь этому непрошеному непридуманному ответу, ничьему подарку, восхищаясь им несколько наивно, как дитя, как проснувшийся.

Но он уже изменился — окружающее точно узнавало его, и он сам находил себя в нём. Он уже почувствовал длительность времени

и протяженность своего тела, услышал разреженный залах холодного осеннего утра, увидел рассеянный бессолнечный свет, сукровично сочащийся из-под створок жалюзи, ощутил рядом с собой безмолвное прохладное присутствие Дины, её длинную голую ногу, прижатую к его собственной.

Де Спелла сел в кровати, спустив ноги вниз. Двигался он легко и точно, осторожно, чтобы не потревожить спящую Дину. Холодоватый уличный воздух — одна створка окна всегда оставалась приоткрытой — наполнял маленькую светлую комнату, казалось, делал её ещё светлей, светлой наощупь, несмотря на опущенные жалюзи. Голая упругая кожа его не крупного гибкого тела благодарно приняла эту внятную осеннюю ласку окружающего пространства; холод словно обозначил его незрячую форму. Де Спелла протянул белеющую в сумраке руку, дёрнул шнур, и жалюзи с прерывистым сухим треском распахнулись. Солнца не было. Жемчужно-белый, чуть мерцающий свет проникал всё широкое осеннее пространство, до самого доньшка, мнилось, кропительвал собой даже неподвижные непрозрачные предметы — деревья и стены. «Хороший свет, — подумал Де Спелла, — можно снимать без фильтра». Подумал о работе и тут же ощутил валкую гастритную пустоту голода под ложечкой.

Де Спелла неслышно встал — он не признавал домашней обуви — накинул на плечи купальный халат и прошел босиком в «кухоньку». Собственно газовая плита стояла тут же, в комнате, отгороженная, лишь самодельной крашеной перегородкой — этот фанерный загон с покатым потолком и назывался в их секретном, насквозь табуированном, языке «кухней». Дверь отсюда вела прямо на лестницу с толстыми ступенями. Де Спелла достал из игрушечного маломерного холодильника пару яиц, разбил их над сковородой, поставил на жадно ожившую плиту. Он не любил открытого огня, как не любил тепла, чрезмерной пестроты, слов; Де Спелла любил холод и свет.

Де Спелла вернулся в комнату своей лёгкой и бесшумной индейской поступью, присел на корточки возле кровати. Последнее время он работал для архитектурно-исторического альманаха и привык рано вставать, ловить солнце. Он снимал здания и это ему нравилось — неживое не было заражено предательством. Лица домов надёжнее и в то же время много фантастичнее, неизмеримо глубже, чем плоские в своей бедной подвижности и выразительности лица людей. С архитектурой удобнее работать утром, когда низкое, градусов 15 над горизонтом солнце косыми и прозрачными лучами обозначает лепку фасадов, вычерчивает рельефы яркой тенью. Сегодня следовало пофотографировать дом на углу бульвара, причудливо развёрнутый к площади мгновенным застывшим движением,

с маленькой нелепой пристроечкой начала века, подчёркивающей эту неожиданность — эдакая собачья конурка в стиле «модерн». Освещение подходило больше для панорамных или пейзажных съёмок, но банальность порицается религией, считал Де Спелла — ему было интересно окунуться в этот ровный и текучий одновременно свет, оценивая и предчувствуя, увидеть из него дом.

Он выдвинул из-под кровати кофр, достал со стеллажа Пентакон, объективы, фильтры, на всякий случай, принялся аккуратно укладывать всё это в раскрытое нутро кофра. Безусловный рефлекс работы, отнюдь не ограничивающий, но напротив дарующий свободу, уже исполнил его, словно летучая электрическая радость, делая лёгким, точным, неуязвимым. Ведь это вертикальное бесстрастное желание, сильнее любви, придающее ему самому и всему разъятому видимому миру подлинность существующего, было тем единственным, что ценил он — силой. Яичница жидко постреливала на сковородке. Он всё ещё сидел на корточках перед раскрытым своим секретным сундучком, как вдруг почувствовал бесплотный холодок, тронувший напряжённую шею и ухо. Де Спелла окаменел по-охотничьи, потом осторожно, нерезким движением повернул голову. Дина лежала в прежней позе, тяжеловатой и беспамятной, но лицо её, неизменившееся, было исполнено враждебного присутствия. Из-под тяжёлых век, из-под тенистых ресниц она смотрела на него пристальным, чуть тусклым, взглядом. «Уходишь, — произнесла Дина низким от минувшего сна голосом. Де Спелла поднялся, снял с огня сковородку, поставил её на почернелую металлическую подставку (напоминавшую ему привычно изуродованного параличом осьминога). Достал с подоконника пакет молока, налил полстакана. Дина шевельнулась в постели. Де Спелла вспомнил прочитанное где-то о дзенском монахе, что мог засыпать, переходить в сон из любого положения, — сидя, стоя, в движении, словно для него и не существовало грани между явью и сном — Дина просыпалась мгновенно. В её движении не было расслабленности, затёкшей вялости; она вся уже была здесь.

— Уходишь молча, молча возвращаешься, — продолжала она; слова точно каменели возникнув. — Не говоришь ничего — меня нет.

Де Спелла снял со спинки стула свитер, одним движением натянул его, словно проскользнул в узкий лаз, ощутив жёсткое покалывание шерсти — Де Спелла не любил ничего лишнего в одежде, особенно нечистой тесноты нижнего белья. Потянулся за своими потёртыми рабочими джинсами. «Молчишь, — сказала Дина и села, излишне резко — вздрогнули кончики её острых грудей; в голосе послышались непримиримые склочно-рыдающие нотки, несмотря на то, что она говорила по-прежнему ровно. — Я даже не вещь. Так,

неопределённое, необязательное условие твоего существования. Я устала. Устала не быть. Устала быть урывками, только, когда ты изволишь обратить на меня своё рассеянное внимание».

Де Спелла, не глядя на неё, зашнуровал лёгкие — только удобной обуви он и придавал значение — кроссовки, пододвинул к столу грубый табурет и сосредоточенно склонился над яичницей. Дина посмотрела на него тем глубоким, ничего не выражающим, взглядом кошки, в котором есть всё — и детский, не содержащий в себе ответа, вопрос, и прицельное равнодушие убийцы; и потянулась за халатом. Де Спелла кинул на неё короткий взгляд. Его восхищал этот золотистый выгиб спины и напряженная втянутость плоского живота, сильная, не ведающая о себе естественность, вся таинственная простота её тела, точно вычерченного одной уверенной линией. Дина набросила халат и откинулась к белой стене, только незапахнута смуглела зовуще полоска от шеи до низа живота. Её лицо на светлом фоне стены показалось беспомощно-красивым, как у больного ребенка. — «Какое унижение! — сказала Дина со слишком уж уместной горечью. — Нет, не ты унизил меня: чтобы унижить нужно, по крайней мере, заметить. Я сама, сама стала не рабой, нет — и у раба есть, пусть попранное, достоинство — функцией. Страдающей функцией. Ты сделал меня такой. Ты хоть слышишь меня?» Де Спелла отпил холодного, уже чуть кислящего молока. Сказал, всё также не глядя на Дину: «А помнишь, в самый первый месяц нашего знакомства, мы почти неделю прожили в квартире Ланы. Там, кажется, вовсе не было никакой мебели, только матрац на полу; пустая квартира — и холодное солнце, и ветер за окнами, и стремительные облака. Мы ведь и не говорили тогда ничего, только любили, любили друг друга до истощения, до беспомысленства, до болезни. До целомудрия. Колени слабели и кружилась голова, в ушах звенело, а лица становились прозрачными. Только на второй или третий день ты, накинув плащ чуть ли не на голое тело, спустилась вниз, в магазин — за молоком и хлебом. А вернулась с неуловимо изменившимся лицом — с лицом проснувшегося Рип ван Винкля. С посветлевшими от какого-то невыразимого знания, тайны, глазами. И сказала — помнишь? — неожиданно мягко сказала: «Знаешь, на улице на меня никто даже не смотрит». Сказала: «Слушай, а может быть нас уже нет на этом свете?»

Он перевёл взгляд на её лицо. Глаза потемнели от глубоких слёз. Изгиб шеи, обозначавшиеся скулы — запрокинутое лицо исказилось, но и вернулось, он снова, знал его. — «Подонки, подонки... — прошептала-выкрикнула Дина, влажно блестя белыми зубами. — Мучитель, подонки... За что?»

Солнца по-прежнему не было, но в текучей пелене над крышами проступил ясный желтоватый мазок. Этот почти безвидный блик ложился на белую стену, на лицо Дины — и казалось, оно само наполнилось изнутри неуловимым светом. Неправильное, искажённое, точно в нём сейчас присутствовали одновременно, проступали все её такие разные лица, но свет оправдывал всё. Де Спелла внятно пожалел, что в руках у него не было сейчас камеры. Он легко поднялся, вскинул на плечо кофр и, пройдя через кухню, вышел за дверь.

В тёмном тесном подъезде было всего лишь две квартиры — этажом выше бывал наездами какой-то театральный деятель, первый этаж был вообще необитаем. Пахло только сыростью и камнем. Даже кошки не обитали здесь.

Кубический асфальтовый двор был точно вместилище холодноватого света и разреженного воздуха. Обветшалый флигель в глубине мертвел серыми шершавыми досками заколоченных окон. Темнеющий посреди двора обрубок тополя, изуродованный низкорослыми гугнивыми олигофренами из бригады треста озеленения — даже летом в непристойных пучках ветвей возникало лишь три-четыре прозрачных листочка, точно ярко-зелёные огоньки — напоминал чёрный иероглиф. Во дворе не было ничего лишнего — ни газонов, ни детей, если только доцент из четвертого парадного не оставлял напротив него свой неуместно блестящий лоснящийся автомобиль. Де Спелла любил эту замкнутую в себе тишину. Холод, мгновенно забравшийся под свитер, отвлёк от ненужной внутренней толкотни, напоминая о радостной умной самостоятельности тела. Он шёл по очень сухому асфальту вдоль старых, защищающих стен, думая о природе зрения, как вдруг свистящий светящийся шёпот, возникший, словно над самым ухом, остановил его: «Эй, Спелла, Де Спелла... Эй!» Де Спелла поднял глаза. Окно второго этажа было раскрыто и в тёмной прорези жёлтых занавесок смутно белело — чёрная бесформенная борода только подчёркивала нездоровую мучнистую бледность — одутловатое лицо, зовущее и прячущееся. «Эй, Де Спелла, эй!» — повторил саднящим пронзительным шёпотом Глумов, хотя было ясно, что Де Спелла увидел и слушает его. В прорези занавесок, пыльных и тяжёлых, казалось оттого, что их никогда не открывали, мелькнула пухлая белая ладонь — жестом фокусника. Из окна вылетела туго свёрнутая бумажка и тяжело шлепнулась на асфальт.

Де Спелла поднял деньги — металлический рубль, завернутый в бумажный — и мягко произнёс, обратив лицо вверх: «Но я не скоро». Глумов, уже почти невидимый, издал лишь неопределённый грудной звук.

Де Спелла, кажется, даже жалел соседа, с которым прежде связывало его некое условное подобие дружбы, соответствующее вполне характерам обоих. До последнего времени тот был Глумовым, относительно преуспевающим и довольно известным в гуманитарных кругах историком искусств. Был он человеком реликтивно-книжным, работал преимущественно дома, с неизменной периодичностью публиковал статьи в специальных и популярных изданиях, выпустил в свет несколько монографий, не блестящих, но безупречных, оценённых профессионалами по достоинству за проделанный кропотливый труд. Он, пожалуй, не был интеллектуалом в теперешнем понимании этого слова, предполагающем гибкость и определённую свободу ума (свободу он видел в другом), но, несомненно, истинным интеллигентом, ибо жил только культурой и лишь она была для него непреходящей ценностью, посясторонним подручным раем. И наука, и религия пугали его — первая своей пожирающей сверхчеловеческой динамикой, вторая — надчеловеческой испепеляющей бессмысленностью. Отсюда следовало, решил однажды Де Спелла, что глумовская рафинированная интеллигентность, тяга к непреходящему и вечному (но вечному во времени) были вовсе не бескорыстным служением и жертвенным возделыванием придуманного всечеловеческого сада, но лишь стремлением к душевному комфорту; несколько языческим поиском оптимума, точки устойчивого равновесия между небом и преисподней, что свойственно, кстати, не только кабинетным затворникам и хранителям реликвий, но также первобытным шаманам, морфинистам и ростовщикам. Культура была для Глумова убежищем — но у кого повернётся язык упрекнуть его в этом — равно как и налаженный отрегулированный быт, благоустроенный дом, семья. С семьёй, однако, Глумову повезло меньше. У него была жена, с которой он прожил уже без малого четверть века, и сын десяти лет. В начале лета Глумов твёрдо решил оставить семью. Кажется, у него была женщина, значительно моложе, но, если это послужило толчком к такому сокрушительному для него решению, причина, пожалуй, была глубже и шире. Жена Глумова была весьма энергичной особой, активной, целеустремлённой, как танк — хотя цели её, обычно, были невняты для неё самой. Но, главное, она была абсолютно глуха и слепа — только говорила непрестанно, шевеля яркими губами, будто без конца ела что-то — ко всему, что лежало вне круга, высвеченного тускловатым огнем её желания. Глумову даже снилось порой, будто у неё нет лица — ни глаз, ни ушей, ничего, гладкая поверхность с ухоженной кожей, поблескивающей от душистого косметического крема и пышные, предмет её гордости, волосы, сильные руки, жаркое тело. Нельзя сказать, что она отравляла ему жизнь; но при-

вносила в неё удручающий элемент бессмыслицы, иррационального, привычного кошмара. Этот, временами терпимый, а порой по-своему даже и трогательный кошмар продолжался уже больше двадцати лет — и привыкнуть к нему Глумов так и не смог. Почему именно тогда, в июне, он принял, наконец, бесповоротное решение сказать трудно. Может быть, и впрямь побудила его к тому предполагаемая любовная связь, но, может быть, обычная, точнее уже перешедшая границы обычного, усталость; количество рано или поздно переходит в качество, в иное качество — так становятся бродягами, совершают немотивированные преступления, кончают самоубийством, отдаются всецело огородничеству на пригородном участке. Как бы то ни было, принятое радикальное решение, как и всякий свободный выбор, лишило Глумова свободы окончательно, даже иллюзии её, даже уклончивого самоутешения. Человек очень мягкий, сочувливый и в высшей степени инертный, он терялся, не зная, как осуществить намеченное, объяснить; он мрачнел, делался рассеянным, к тому же опустошительные мигрени начали мучить его вечерами. Иногда, точно сомнительное озарение, его посещала мысль — бросить всё, исчезнуть, никому ничего не говоря, спастись бегством, подобно пятикласснику, схлопотавшему двойку; но такой подвиг был выше его сил, да и усугублял только тошнотворную безнравственность ситуации. Глумов погружался в безвыходные потёмки проблемы, иссушающей мозг; порой ему казалось, что он проваливается в себя, как в прорубь — Глумов в ужасе вскидывался и пил транквилизаторы (хотя прежде старался избегать каких бы то ни было лекарственных средств). Не находя выхода, он начинал безмолвно ненавидеть жену. Кто его знает какие фантастические варианты освобождения перебирал он в горячечном, но вялом от элениума, мозгу душными бессонными ночами, ощущая рядом пышущее, влажное от мелкого пота тело незнакомой женщины — пока томительная ситуация не разрешилась самым простым и ужасным образом.

Как-то в начале июля жена отправилась с сыном на дачу к своим родителям — Глумов был сильно близорук и не решался сам водить машину, даже записана она была на имя жены. На выезде из города, почти сразу за кольцевой дорогой, жигули, лихо обогнав невесть откуда здесь взявшийся BMW, столкнулись лоб в лоб с груженным КАМАЗом. Глумовская жена была самоуверенна до какой-то почти демонической беспечности, до потери инстинкта самосохранения — очевидно она вела машину, недопустимо превысив скорость: в роковом столкновении погибли все, даже водитель сверхтяжёлого самосвала. Катастрофа была ужасной, ни в каком самом парализующем сопротивлении кошмару человеческое сознание просто не в

состоянии воспроизвести уже нечеловеческую скорость, и нечеловеческую силу губительного удара, искореженный металл и следы, только отвратительные следы родных тел. Мальчик погиб сразу, но жена ещё несколько — сколько их было? — бесконечных дней мучительно агонизировала, не приходя в сознание, в московской больнице. Глумов ни разу не навестил её там (впрочем, её там, собственно, уже не было). И прежде склонный к полноте Глумов за эти неисчисленные дни потолстел ещё больше. Однако к тому времени он тоже уже не был, пожалуй, Глумовым. С той поры, с момента ужасного освобождения, вот уже два с лишним месяца он не переступал порога своей квартиры и не раздвигал штор. Мысль, вонзившаяся в то остановившееся мгновение в податливую мякоть его мозга, была уже недоказуема (да и не требовала доказательств): он желал её смерти — и они умерли; он убил их своим желанием. В высшей степени сомнительно, скорее вовсе невозможно, чтобы такой человек, как, Глумов даже в самой тягостной ночи безысходности и отчаяния сознательно пожелал такого, да хотя, бы просто подумал об этом; но теперь это уже не имело значения. Глумов просыпался утром, не зная, времени, и долго, неопределимо долго лежал в смятой нечистой постели — он спал теперь в гостиной, на узкой неудобной кушетке — глядя в пустой серый потолок. Иногда лежал так весь день напролёт, иногда вставал и бесцельно бродил в пижаме по душной затхлоЙ квартире — окна выходили на юг; блестящий пыльный линолеум пола точно прорастал пушистой плесенью отражённого света. Он пил много сырой воды. Окружающие предметы не сделались враждебными, но лишены были смысла и сути, словно он забыл их предназначение. Глумов не сошёл с ума, не умер вместе с ними (это казалось ему временами, в минуты просветления, недостижимым счастьем), он просто кончился. Та женщина, которую он вроде бы любил, не возникла больше (если она вообще существовала когда-то в действительности), да и появление её только принесло бы в его существование ненужную теперь муку. Но она осталась там, в погибшем времени. Всё погибло, остался только он (точно счастливчик переживший Конец Света) — и ему не о чем было даже думать.

Пыль неслышно оседала на предметах. Между тем, он много и жадно ел; пищу ему приносила Дина или иногда Де Спелла, но не звонили в дверь, а оставляли у порога. Однажды Дина видела — и рассказала потом Де Спелле — как дверь медленно приотворилась едва-едва, и в образовавшуюся узкую щель просунулась осторожно большая белая рука, нащупала слепо сетку с продуктами и, цепко ухватив её, втащила в дом. Иногда, обычно в бессолнечные дни Глумов выглядывал из-за штор в окно и, если видел кого-нибудь из

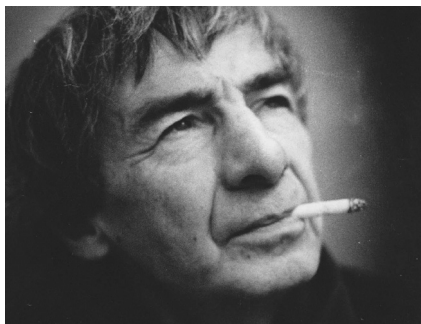
них двоих во дворе, кидал вниз деньги на еду. В былые времена необщительный в общем-то Глумов почти дружил с Де Спеллой — тот заходил к нему иногда вечерами, и они играли, не разговаривая, обмениваясь лишь необходимыми репликами, в канаст (Глумов уже тогда не мог припомнить, где он приобрёл привычку к этой непопулярной в здешних широтах, но успокаивающей игре), и чувствовали взаимную молчаливую симпатию. Зиждилось это чувство, пожалуй, на том, что существовали они в столь чуждых, не имеющих точек соприкосновения мирах, что и не могли испытывать друг к другу никаких негативных эмоций в принципе. Инакое может вызвать раздражение или ненависть только в том случае, если обнаруживаешь в нём (или изыскиваешь) собственные черты; абсолютно чуждое не вызовет даже любопытства — если же играть с ним в карты (не на деньги, разумеется), то единственным возможным отношением и будет симпатия — то есть необязательный и не очень глубокий интерес, лишённый обычной в других случаях человеческой агрессивности. И сейчас Глумов смутно узнавал Де Спеллу и даже помнил по имени. Помнил пока видел, тут же забывая, отойдя от окна. Нельзя сказать, чтобы он мучился или испытывая вину; он сам был виной; он был мукой. Казалось, зрение перестало играть для него какую-нибудь роль: так же, как и при душном свете тускло проникающего тяжёлые шторы солнца, он бродил по квартире и в сгущающихся сумерках, и в полной мерцающей обманно зелёными и оранжевыми мохнатыми звёздами, темноте. Но жирное и вялое малоподвижное тело утомлялось к ночи, и он обычно присаживался на стул или подлокотник кресла — в кресло садиться он боялся, отчего-то ему казалось, что он увязнет в нём, не сможет выбраться из податливой глубины — сидел так, уставясь в крошечную клубящуюся темноту. Иногда, сидя в темноте, он начинал думать о Боге — больше он вообще ни о чём никогда не думал — да и то как-то вяло, без особого интереса, хотя и по собственной воле. Но Бога не было. Он не находил Его нигде — повсюду, за разъятыми, бесконечно отдельными предметами, он обнаруживал только себя, безликого, либо просто плотную, точно резиновую темноту. Тогда он ложился в свою узкую, как могила в степи, постель, и лежал так, не опуская сухих воспалённых век, долго, не ожидая ничего, пока какие-то двое, ворочая лопатами, не начинали сыпать чёрный песок ему в глаза.

Де Спелла произнёс, вновь обратив лицо вверх: «Но я нескоро. Должно быть только часа через два». Глумова в окне уже не было. Де Спелла пошёл прочь, сразу забыв о нём, думая о своём, о ничьём зрении оптики и превращениях видимого. Он вышел в переулок, такой же сухой и очень чистый, точно приуточенный для чего-то.

Переулок упирался в небольшую, неброско-красивую церковь, ясную, с высокой или скорее стройной, молчаливой звонницей. Стены её были выкрашены терракотовым цветом, но, впрочем, пожалуй, более светлым, чем терракота, хотя ни красным, ни оранжевым, ни охряным этот цвет тоже назвать было нельзя, что-то среднее, что-то между, неуловимое. Де Спелла вообще не любил цвета, считая его обманом сознания, и предпочитал чёрно-белую фотографию, как более высокий уровень реальности форм. Он свернул на асфальтированную дорожку, огибающую храм. В ту секунду, когда под ноги ему попала тусклая, пивная пробочка, он ни о чём не думал. Он поддел её носком, машинально или случайно, и она бойко отскочила в сторону, издав неожиданно чистый и громкий звон. Должно быть, она задела по касательной округлый галечный бок, выступающий из застывшего навсегда асфальта — и отлетела в сторону, но этот чистый отрывистый звон наполнил на какое-то невычислимое мгновение всё его пустое существо. Де Спелла не понял и даже не почувствовал, но словно узнал, что этот короткий, ничего не значащий, случайный звук необъемлем, способен вместить в себя всё, вмещает всё. Это вовсе не было знаком, ни окликом Ангела, ни тайным чудом — это только пивная пробочка звякнула о камень. «Рай — мгновенен», — подумал Де Спелла — и это было истиной, непреложной, случайной, ничего не значащей, мелькнувшей (или пригрезившейся) в промежутке между секундами и исчезающей, не родившись. Де Спелле остро захотелось курить, хотя курил он совсем мало, три-пять сигарет в течение дня. Над голыми кронами высоких деревьев проступали в белом небе пристальные полосы холодной голубизны. Если бы Де Спелла не находился сейчас на улице, где его могли видеть, хотя прохожих поблизости и не было, он не удержался бы, рассмеялся вслух: над ничем не стоящей истиной, над откровениями сна, по пробуждении оказывающимися банальностью или бессмыслицей, над свиньями, над жемчугом, да просто так, в конце концов; но по смирению своему или, наоборот, гордыне он не любил привлекать к себе внимания и старался соблюдать принятые приличия.

Ещё Де Спелла не любил оглядываться назад и никогда ни о чём не жалел.

«ОСТАВЛЮ БРЕННОЕ В МОГИЛЕ Я...»

* * *

Веду по жизни, как по лезвию,
Слепую девочку — Поэзию!

* * *

Оставлю бренное в могиле я —
И воспарю, как росный дым...
И вот тогда моя фамилия —
Моя фальшивая фамилия —
Восстанет Именем моим! —
Воскреснет Именем моим!..

* * *

Развалился, расползся по швам, —
Сто шагов до кладбищенских бдений...
Лишь легенды останутся вам,
И от плоти очищенный гений...
Жду свиданья с подземным козлом —
С тем козлом, что питается злом, —
Духовед, духопас, духолом —
Он судьбу мою взял на излом...
В тёплых весях осеннего дня
Он, клубясь, поджидает меня...

* * *

Под колыбельный рокот гроз,
Под хоры ангельских томлений,
Ночными молниями грёз
Играет гений!

Угоден сердцу и уму
Он режет небыль звукорядом...
И Демон ластится к нему...
И Ангел — рядом...

* * *

Поведал мне не Бог, не Бах,
Познай, но умолчи:
Три купола на трёх столпах —
Три золотых свечи.
Про этот неразрывный круг
Вселенского венца
Поведал мне безумный друг
За стопочкой винца...
И вдруг тревожно стало нам...
«Звони!..» — «Ну, будь здоров!»...
Мы разошлись по сторонам
Гонцы иных миров...

* * *

Вдоль по сердцу провояет буран
Заунывнее волка...
Исцели мое племя от ран,
Неизбывная Волга!

Я промерз, как живая верста,
Перед снежной избою...
Дай горбушку потомку Христа,
Дай рогожку изгою!..

* * *

И ледяными высями дыша,
Блуждает над землей Его душа...

* * *

Гения могила не исправит!

* * *

И страшно быть евреем...
И страшно им — не быть...

* * *

Бить или не бить?

* * *

Есенин подустал, —
Сыскал покой, —
Безвинным полем стал,
Святой Окой...

Постиг земную быть
Небесных тел...
И человеком быть —
Не захотел...

* * *

Сивому поэту —
С пойлом или без —
Скучно жить по эту
Сторону небес...

Что — бабё и слава!
Нам бы жить по ту
Сторону, где лава
В плазменном поту!

* * *

Не вовремя родился,
Так вовремя — умри!

* * *

От Смерти спрятаться сумей!

* * *

Человек — одно.
А Поэт — другое.
А людское дно —
Есть душа изгоя.

И судьба одна:
Воспарить во сраме! —
Замахать со дна
Детскими крылами.

* * *

Увековечьте деда, прадеда
хотя бы в строчке стиховой.
Нам память для того и дадена,
чтоб лучше думать головой.
Мы сами рождены не случаем,
а по мечтам своих родных
Увековечим подвиг — лучшее,
что нам завещано от них.

К НАШЕМУ ДНЮ РОССИИ

Полюбила белое вино,
не отринув белое движенье...
Кровь-то проливалась всё равно...
Жаль Россию. Страшны все сраженья!
А «измена, трусость и обман» —
снова окружают, окружают...
Оттого ли миллионы мам
ни сынов, ни дочек не рожают?..

* * *

Андрею Агаркову, сотруднику ВОСВОДа

Не по художнику — по дождику
соскучилась — пришёл к пяти.
Голосовать ли внедорожнику,
по хлябям чтобы не идти?
Да наплевать, могу по грязи!
Пусть только дождь смывает сплин.
Иду с трудом — не жду оказий.
Спасатель в жизни есть один...

* * *

Дядя мой в Чугуевском учился —
знала это я, гордилась им.
На австрийском фронте отличился —
«Анною» на шашке отличим.
И ещё в архиве полистаем...
Выпущен училищем другой —
дядя Виктор, вслед за Николаем,
прапорщик пехоты — прямо в бой.

В ПОЛНОЧЬ

Какая-то нежная птичка
тихонько поёт в тишине.
Петь в полночь? Такая привычка —
её — удивительна мне.
Я тоже бы с нею запела!
Петь, не поклоняясь рублю, —
такое достойное дело...
Но я-то — погромче — люблю.

* * *

Знать историю семьи —
это счастье! Счастье,
предки милые мои, —
с вами повстречаться
на листах церковных книг,
что хранят архивы...
Помолюсь — хотя б на миг
для меня вы живы.

* * *

Я полюбила бело-сине-красный,
на танке он — и я полна надежд...
Любила прежде тот победный — красный,
с ним брат-танкист ворвался в Будапешт.
Хотелось бы помочь борьбе народа...
Живу от «до войны» и до... войны.
Мне остаётся вразумлять урода,
кто не учил историю страны.

3 мая 2023

* * *

Лёгкая была походка —
я тогда была молодка...
Да, была, а нынче нет...
Но не сразу стало хуже:
перепрыгивала лужи
до шестидесяти лет...

Есть в суставах — два протеза —
из титана, не железа!
Пусть шаги и нележки:
как титан, снесу всё кротко...
Лёгкая теперь походка
только у моей строки.

* * *

Нерусские слова все забываю,
мне кажется, и помнить не хочу.
Не знаю, кто прогонит эту стаю,
а мне, одной, борьба не по плечу.
Заботьтесь о корнях, языковеды,
коль виноват технический прогресс.
Так хочется дожить мне до победы —
чтоб враг в Россию больше не полез.

* * *

Всё даётся непросто... Непросто!
Вновь ползёт чужеземная рать.
Не исчезнет фашизма короста,
если с кровью её не содрать.
Нашей русской заплачено кровью
много раз и во веки веков...
Враг в архивах жонглировал ролью
злых опричников, большевиков...
Русский знает, каков он! — Таков!

8 мая 2023

ПАРАД ПОБЕДЫ

Увидала ход парада
в городах Родной Страны,
сердце сжалось — так я рада:
вот идут её сыны!—

Я смотрю: какие лица!
Не страшна им вражья тень —
защитят её границы.
День Победы — каждый день!..
Вот «катюши», пушки, танки —
как в военные года!
Мы с «Прощанием славянки»
не простимся никогда.

9 мая 2023

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Смотрю, крещусь и славлю Бога...
Да здравствует моя страна!
С себя я спрашиваю строго:
всегда ли ей была верна?
Да, так воспитана семьёю,
примером всех моих родных —
кто воевал, тот был — не скрою —
примером скромным для живых.
Они России пригодились,
трудясь на совесть — не за страх,
но если чем-то и гордились,
то славой Родины в веках!

9 мая 2023

* * *

Выручают не только стихи,
но и проза, логичные мысли...
Трудно! Трудно... Наветы лихи,
надо странною, как тучи, нависли...
А напишешь, по строчкам пройдёшь
и воспрянешь, согласно природе —
разойдётся, рассеется ложь
о России и русском народе.

* * *

Какая мама у меня! —
Все говорили — золотая...
Печаль прощанья, траур дня
того, ничто не залатает.

Она единственный мой друг...
Как быть? Свидания не чаю...
Но иногда дыханье вдруг
её так близко ощущаю...

НЕ СПРЯТАТЬ

*Всё внимание на шляпку —
чтобы определить качество шампиньона.
Роспотребнадзор*

Всё внимание — на шляпку! —
Роспотребнадзор сказал...
Всё внимание на шляпку —
лишь вошла я в людный зал...
Я того и добивалась,
чтоб не видели лица...
Но не спрятать слабость, старость,
всё со мною до конца.

ВРАКИ

Предупреждение о **раке-**
тном наступлении на нас?
Или ином каком-то знаке —
о том, что нас Господь не спас?..

Неправда это! Враки трусов!
Фальшивых скопище угроз...
Господь всегда спасет русских,
не сразу, правда... После гроз.

* * *

Конечно, стихов многовато,
с годами — свободней язык.
Но каждое слово — не вата,
а — точно отточенный штык,
порой — над собою усмешка,
порою — простой говорок...
Мысль зрелая — вовсе не спешка,
достоинство, но не порок...

10 июня 2023

Владимир Гончаров

*Усть-Луга,
Ленинградская область*

Владимир Александрович Гончаров родился 16 января 1949 г. в Петропавловске-Камчатском в семье военного лётчика. В 1972 г. закончил Ленинградский политехнический институт и аспирантуру при Одесском высшем инженерном морском училище. Имеет учёную степень кандидата технических наук. Работал за Рубежом, владеет немецким и английским языками. С 1980 г. трудится на морском транспорте — в Ново-

российском высшем инженерном морском училище, в Новороссийском морском торговом порту, с 2008 г. и по настоящее время — в порту Усть-Луга.

Со студенческих времён пишет стихи и прозу. Автор книг «Стих и Я», «Эта река называется осень», «Саргассово море», «Под пологом волшебных снов» на русском и сербском языке. Печатается в периодике.

БОЦМАН

Послевоенная Одесса. Город восстанавливался, круглосуточно трудился порт, ремонтировались причалы, оживали краны. Протяжные гудки судов извещали о прибытии так необходимых городу грузов. Пассажирского сообщения ещё не было. Но прошел слух, что в порту восстановили два больших прогулочных катера с верхней палубой и каютами.

В один из воскресных дней на морском вокзале начали собираться празднично одетые люди. Первая морская прогулка до Аркадии и обратно должна была начаться примерно в десять часов. «Продажа билетов и посадка будет объявлена по готовности судна», — объявил по громкой связи диспетчер порта. Народу собралось много.

— Все поместитесь, катер трофейный, на сто посадочных мест, — успокаивал толпу диспетчер. Тем временем капитан отдавал последние распоряжения боцману. В войну они служили вместе на тральщике и понимали друг друга с полуслова. Боцман был постарше своего капитана, и выглядел очень солидно и уверенно. Он был из тех людей, для которых нет безвыходных ситуаций. Капитан, для решения срочной задачи обычно командовал: «Боцмана на палубу». А если тот находился уже рядом, то просто объявлял: «Боцман». И не было случая, чтобы боцман не справился.

Пассажиры начали подниматься на борт, равномерно растекаясь вдоль обоих бортов судна. Погода выдалась солнечной и желающих спуститься в нижние каюты нашлось не много.

Одной из тех, кто захотел прокатиться в каюте, была Анна. Устроившись у окна иллюминатора, она увидела сквозь стекло стоявших на причале знакомых девчат. Открутив запорное устройство и открыв иллюминатор, она окликнула своих подруг и с обеих сторон полетели навстречу друг-другу восклицания: «Как жаль, что вам не досталось билетов», — слышалось из иллюминатора. «Анька, молодец, хорошо смотришься в этом окошке», летело с берега.

Посадка подходила к концу, капитан посматривал за осадкой судна, которое под весом принятых на борт пассажиров прилично под село. Это заметила и Анна, подбородок её был уже почти у самой кромки воды. Испугавшись, она резко откинула голову назад, но неожиданно для себя упёрлась затылком в рамку иллюминатора. Покрутив головой, она снова дёрнулась назад. Голова не проходила. Посадка тем временем продолжалась. Увидев, что кромка воды вплотную приблизилась к её лицу, она закричала. Услышав со стороны левого борта истошный женский крик, пассажиры бросились на эту сторону, создав крен судна. Голова застрявшей ушла под воду. «Пассажирам срочно перейти на правый борт, боцмана в каюту нижней палубы», — прозвучала команда капитана. Влетевший в каюту боцман обхватил талию застрявшей пассажирки, начал осторожно тянуть её на себя. Но голова застрявшей не поддавалась. Раздался крик отчаяния потерпевшей. Стоявшие на верхней палубе инстинктивно кинулось к левому борту. Лицо пассажирки опять ушло под воду. Становилось ясно, что, если через открытый иллюминатор хлынет в каюту вода, судно может пойти ко дну. «Боцман!» — опять прокричал капитан, давая тому сигнал действовать по обстоятельствам.

Сняв с пожарного щита топор, боцман сбежал по трапу на причал, остановившись у самой головы потерпевшей.

— Как зовут тебя, милая? — спросил он.

— Анна, — прошептала голова.

— Прости меня, Аннушка, — сказал ей боцман, скидывая над головой топор.

— Ооох, — взвыла с ужасом толпа на причале.

Голова страдальцы мигом оказалась в каюте.

— Ууух, — выдохнула толпа.

Капитан с каменным лицом наблюдал за происходящим.

Как потом выяснилось, Анна отделалась испугом, и голова её на «обратном пути» не пострадала.

Этот случай я всегда вспоминаю в критических ситуациях и действую по обстоятельствам.

ПАДАЕТ СНЕГ

Погода в предновогодний вечер радовала: лёгкий морозец, безветрие и, словно по волшебству, начался снегопад. Лёгкий с большими кружевными снежинками, снег застилал дворовые тропинки, покрывал крыши домов и автомобилей, создавая праздничное настроение.

Хозяйка квартиры заканчивала приготовления к новогоднему столу. Впервые за много лет она встречает главный праздник в одиночестве. Взрослый сын её уже третий год служит в полиции и часто дежурит по праздникам. Однако прежде, новогодних дежурств ему не выпадало. А вот сегодня «повезло»! Он обещал матери позвонить со службы к бою курантов, если, конечно, позволят обстоятельства. Какие в полиции бывают обстоятельства да ещё в праздники, мать хорошо знала. Стол был накрыт, как обычно, на двоих. Сын должен с утра смениться, и они вместе поднимут бокалы за наступивший Новый год.

Она подошла к окну, приоткрыла створку и протянула наружу руку, пытаясь поймать падающие снежинки. Со двора доносилась знакомая с молодости песня Сальваторе Адамо, вторившая сюжету за окном, “Tombe la neige”. «Падает снег, этим вечером ты не придёшь», — доносилось из окна. Захотелось выйти во двор, где со вчерашнего дня стояла украшенная жильцами дома ёлка. Вспомнив, что прошлогодний мусор в доме не оставляют, она спустилась по лестнице с пакетом в руке. Музыка уже не было слышно, но волшебные слова Адамо всё ещё как будто звучали. Обойдя в одиночестве ёлку и отыскав глазами игрушки, которые повесил её сын, двинулась в сторону зелёного контейнера. Настроение было хорошее и от услышанной песни, и от сияющей дворовой ёлки, и даже от цвета мусорного контейнера. Казалось, он хорошо вписался в новогоднюю палитру — сам зелёный, а на нём белая шапка.

Словно играючи, хозяйка квартиры раскрутила на указательном пальце пакет с мусором, стремясь попасть на самый верх. В полёте от него отделилась связка ключей от квартиры, которую она, как обычно, держала на одном из пальцев.

Песня про падающий снег в момент улетучилась, но снег продолжал идти, покрывая собой контейнер. Её пакет она хорошо видела, а куда упали ключи, не знала. Контейнер высокий и достать до него без посторонней помощи ей явно не под силу. Во дворе ни души. До Нового года не более часа.

Сколько раз ей попадались на глаза любители покопаться в мусоре. Это охотники за алюминиевыми банками. Но сейчас их не наблюдалось. Задрав голову, она обходила вокруг в надежде увидеть связку ключей в ярко-красной кожаной ключнице. Наткнувшись на старую деревянную табуретку, которую использовали «охотники», она тут же забралась на неё и через мгновение достигла цели. Стало ясно, что ключи провалились на дно и бак придётся опустошать.

Снегопад продолжался. С неба падали снежинки, а в обратную сторону летели белые пузатые пакеты. Она бросала подальше, чтобы они не образовывали кучу на случай, если придётся их заново просматривать. Никто со стороны не наблюдал за этим цирковым номером. Выбрасывая содержимое этой неопрятной ёмкости, она погружалась туда всё глубже и глубже, и, наконец, голова её оказалась ниже борта. Наверное, теперь со стороны этот процесс смотрелся эффектно и загадочно: ночной снегопад, одинокий зелёный контейнер, из которого разлетаются во все стороны белые мешки. До дна оставалось совсем мало, и столько же малы были надежды найти ключи. Мысль подсказывала, что по окончании этого новогоднего мероприятия ей придётся ещё как-то отсюда выбираться. Наконец под ногой её что-то звякнуло. Ключи нашлись!

Она не знала, сколько прошло времени. Ей казалось, что до боя курантов оставалось минут пятнадцать. Край борта можно было достать рукой, но сил подтянуться уже не оставалось. Табуретка осталась по ту сторону. Мимо проехала машина, потом другая. Народ спешил к новогоднему столу. Наконец, послышались чьи-то шаги. У контейнера шаги ускорились и ей на голову упал пакет. От растерянности она даже не успела закричать и позвать на помощь. С такой же скоростью шаги удалились. Прошло несколько минут в полной тишине. Оставалась надежда только на то, что народ после двенадцати выберется на улицу. Перестав двигаться, она стала быстро замерзать. А снег всё сыпал и сыпал. “Tombe la neige” — снова зазвучало в голове.

Опять послышались чьи-то шаги. «Эй, помогите!», — позвала она. Шаги остановились. Проходим оказался молодой мужчина.

Не сказав ни слова, он свесил голову вниз, и увидев испачканное женское лицо, весело пробасил: «Что, бомжиха, празднуешь уже?». Услышав в ответ слова про поиски ключа и про наличие рядом с контейнером табуретки, он без раздумья кинулся выручать пленницу.

Через пять минут хозяйка квартиры принимала душ, оставив открытую дверь душевой на случай звонка сына. Под бой курантов она вышла в халате к столу в надежде успеть поднять бокал шампанского. Пробка бутылки не поддавалась. Стоя с пустым бокалом в руке, она с надеждой посмотрела на телефон. Он молчал, но откуда-то послышалась знакомая трель. Звонили в дверь. «Соседи», — подумала она. Решительно открыв дверь, она увидела на пороге человека в форме. «Мама, у меня выдалась минутка забежать домой. Мы тут с патрульной машиной по вызову. Было сообщение о «разборках» бомжей на нашей мусорке. Там всё разбросано. Ребята составляют протокол осмотра. Я должен вернуться к ним. У меня есть минут десять.

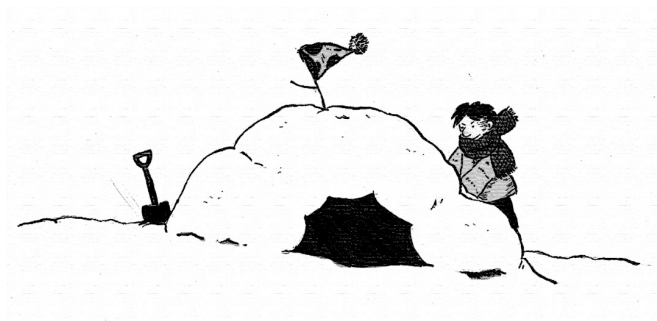

Рисунок Фёдора Славоросова

ОБЛАКА

* * *

Стихи
К Тебе
Весенней
Новью
Мерцающей
Звездю
В Вышине
Стихи
К Тебе
Рассветом
К Изголовью
И Песней
Незабытой
О Тебе

* * *

Январский
Ветер
Складывает
Крылья
Струится
Свет
Под звёздную
Рекой
Снег
Падает
На чистую
Страницу
Сверкает
Ночь
Написанной
Строкой

* * *

Облака
Земля
Согрета
Твоим
Дыханием

* * *

Я напишу
Тебе
Весенние
Стихи
Не может
Быть
Они
Ко мне
Вернутся
Стихи
Твоей
Любовью
Обернутся
Рождённые
Порывом
Красоты

* * *

Клеймо
Поэта
И Раба
Звездой
Начертана
Судьба
Поэта

К 90-летию со дня рождения
народного художника Российской Федерации
президента Российской академии художеств
Зураба Константиновича Церетели

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ-АЛЬБОМА
«ДУША ПОДСОЛНУХОМ ГЛЯДЕЛА...»

* * *

Цветок оживает на красном,
Играет, как радужный блик,
И снова в протесте негласном
Столетия сжимаются в миг.

Сад веет печалью... Кто камнем
Удержит стареющий дом?..
Но всё, провожая, помянем —
Вновь семечко грезит ростком.

* * *

Не извелась, не охладела —
Встречая солнечные дни,
Душа подсолнухом глядела
На морок знобкой западни.

Она не прятала восторга
В густые поросли греха,
Ей снились дальние просторы
И вечно знойкие юга.

И как бы ни был дерзновенен
Кипящей краски солнцестой,
Такой души живая зелень
Звала задорной красотой.

И облаков седые своды
Рвались на белые куски
От гула дышащей свободы,
От зуда зреющей тоски

* * *

Связь с прекрасным – отдушина для творчества. А что вокруг?..
Будут ли таланты востребованы обществом? Как найти своё пред-
назначение? –

пробиться сквозь внешние слои,
скрывающие духовную жизнь человека?
Можно ли избавиться от неправды и разочарования,
опасности и предательства?

Агрессия несправедливости, попытки разрушения миропорядка
окружают нас каждый день и час. Цветы помогают не отчаяться,
уйти из круга проблем — переключиться на другое зрение.

Борются звуки, возрастает энергия сопротивления: прожитое
облекается в краски, а художественное произведение рождается в
своей единственной и лаконичной форме.

Интуиция художника, создавая образы, ищет новые средства
изображения,

в которых зашифрована вся история человечества.

Воздух, наполненный солнцем, движется между нами,
приглашая на праздник цветения.

Незримая тропинка убегает вдаль.

Там открытая душа живёт и рисует по своим законам.

Хочется, как в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери,
смотреть на ночное небо,
чтобы смеющиеся звёзды
могли нас узнать и защитить.
Может, подсолнухи —
тоже небесные цветы
наших ожиданий.

* * *

Потянет утренней прохладой,
Предстанет дом, что прежде был —
Ты вспомнишь: как с нею отрадой
Во сне по улицам бродил.

Как вновь чего-то не хватало,
И в неосознанной мечте
Предощущением начала
Лучились краски на холсте.

Громадой солнце выплывало,
И незакатною порой
Любимый профиль, как бывало
Казался сказочной горой.

Своей печалью утолщённый,
Ты забывал, что длился сон —
А голос в песне отдалённой
Звал свечи ставить на канон...

И чудно с этого помина
Дарилось пиршество удач:
Ведь жизнь — великая картина,
Когда сквозь радость слышен плач.

* * *

Пока, живя в блаженстве,
Ты видеть не отвык —
В едином совершенстве
Лови заветный миг:

Высматривай лученье
За таинством примет —
Выискивай свеченье
В цветах, что краше нет.

Пусть стрелка в циферблате
Верстает оборот,
Но в этой щедрой плате
Что стукнет — не пройдёт.

Ответы непокою
Отыщутся в пути:
С улыбкой и тоскою
На первый луч — цветы!

Речей и взглядов нежность
Почувствовать рискуй:
За новой краски свежесть,
За каждый день — рисуй!

* * *

Ещё ночи пугают зарницами,
Ещё зори ознобом свежи,
Но внахлёт краснопёрыми птицами
Возникают прозренья души.

То ли гибель вестят, то ли празднество,
То ль, предвидя иные грехи,
Упрекнув за обман и беспамятство,
Разлетаясь, кричат петухи.

Эти крики — огляд защищающий
И глухому сознанию щелчок:
Что родит новый день наступающий?
Что исчезнет в указанный срок?

Что пригублено всласть, да не досыта —
Что таит нерушимый запрет?
Иль мазками пунцового отсвета
Петухи упеждают рассвет?

Что за громким посланьем последует,
Отвечая на утренний свет?
И на женскую слабость посетует,
И падёт с промелькнувших комет?..

Те костры, на полнеба цветущие,
Петухами творимый поток —
Эти наши желанья растущие,
Эти алые яблоки щёк...

* * *

Коль есть желанье объяснится,
Не говоря об этом всем —
То разыщите живописца,
Чтоб овладеть уменьем тем.

Как он, цветы дарите даме,
Чтоб ей счастливее жилось:
Смелей поведайте мазками
О том, что снилось и сбылось.

Что в ней откликнулось глазами
И под румянцем припекло?
Что — за похищенными снами, —
Ликуя, красило чело?

Зачем — в цветах великолепна —
Среди цветов сама цветок
Звучит она, как зов молебна,
Ярчит глаза, как зарь-восток?..

* * *

Опять, художник, быстро пишешь —
Опять, как в юности, горишь:
То несказанное провидишь,
То о незримом говоришь.

Такому времени прозрений
Отпущен девственный простор —
Там люди в облике растений
Ведут душевный разговор.

Там, упрекая, нас не сушит
Тоска, ожившая в груди —
Есть, что высматривать и слушать,
И про себя шептать: Прости

За — постоянное — придумай,
За — потаённое — явись,
За то, что песнь слышна среди шума
И ближе стала неба высь,

За звонкий гул в горячем теле,
За ощущение новизны...
Ведь каждый чуткий — подмастерье
У народившейся Весны.

* * *

Из ночи продышится утро
На листья, что в росах свежи...
И дух богатырской природы
Осилит дорог виражи.

Ты спросишь: «В каких небылицах
Мы бродим, любя наугад? —
Прочитывать мысли на лицах
Способен провидческий взгляд:

Его узаконенный обжиг
Любого обличья видней —
В нём дар неосознанный ожил
Из тихого плача теней.

Какими ответить словами
На ропот горячих кровей?
Что прячет за вечными снами
Та загородь чёрных бровей?..»

И красный — торжественно скорбный,
И жёлтый — неистовый гром.
Хлад синего — камень надгробный:
Подсолнухи кружат венком.

* * *

Конечно, нам мало друг друга:
Как хочешь об этом суди.
Не в силах людская порука
Итожить земные пути.

Ошпарит духовным познанием
Сквозное дыхание гор,
И снова прошепчет посланье
Молитвой исполненный взор.

Но будет ли путь обретенья
В цепи неизбежных утрат?
И что за истомой цветенья
Узнает нечаянный взгляд?

Кому — обездоленным — верить?
Чем потчевать радость свою?
Чем век обезличенный мерить
«Адамам», что жили в раю?

С того ли — сокрытого — света,
Не с тех ли — иных — берегов
Так яростно ищут ответа
Тревожные солнца зрачков?..

* * *

То поймает судьба, то отпустит,
Выжидая до лучшей поры,
И немного оранжевой грусти
Заплетёт в расписные ковры.

Будет юноша, словно подсолнух,
Рядом с пышным букетом стоять,
И не станет дурмящий воздух
Его хрупкую стать притенять.

И отметится в лёгком узоре
Теплота уходящего дня,
И займётся в блуждающем взоре
Негасимая радость огня.

И отпрянет чумная эпоха,
И оттиснется греющий дым,
И, взрываясь от жаркого вздоха,
Вдруг букет грянет хором людским.

Снова юность мечтой тонкошей,
Насыщающей влагой стебля
Остановит, на миг хорошея,
Переменчивый взгляд Бытия.

ЦВЕТЫ ПОБЕДЫ

Когда стечёт из линий
Настоянный отвар,
Омоет тёмно-синий
Хмельную киноварь.

Все маленькие розы,
С оттенком тёплых губ,
На выпавшие слёзы
Поселят чью-то грусть.

Задумчиво сожмётся
Червлёно-золотой
И нежно улыбнётся
Печально-голубой.

За горькими слезами
Не прячься, не таясь,
Открытыми глазами
Посмотришь вглубь себя:

Узнаешь — чем согреты
Все горести в судьбе...
Тогда — цветы победы
Ты вырастишь в себе.

* * *

Как чиста эта рать — как безмерна!
Посмотри: здесь в обличье цветов
удаляются души от скверны,
принимая венцы лепестков.

В этих вспышках с головкой утонешь —
в их глазах зыркнет глубь темноты.
Только сон их просительный стронешь,
Так воскреснут родные черты:

Просияют на грани рассудка,
Разгорятся в нетленный огонь,
И цветы озарят на минутку
Созерцающим Оком икон...

Оттого ли — поверя — не судишь,
И с любовью один на один
Всех подсолнухов солнечный удерж
Зажигаешь в пространстве картин.

И творишь, в превращенье играя,
Чёрный глаз в нимбе огненных дуг —
Будто бездну из душ низвергая,
Жнёшь вселенной зияющий круг.

НА ПЛЕНЭРЕ

* * *

Ещё золотые шары
Исполнены светом медовым,
И флоксы устав от жары
Довериться ветру готовы.

По капельке жизнь утекла,
И можно вдохнуть напоследок
Прощальную нежность тепла
Отцветших растений и веток.

Ах, яблоня Белый налив,
Рукой заслоняюсь от света,
Врывается грустный мотив
В беспечную песенку лета.

ИЮЛЬ

Подсознание, как кистью, рисует
Многоцветную пойму реки.
В тишину окунаюсь лесную —
И печали мои далеки!
Всё живое сморила истома:
Тише шорох и шелест, и хруст.
Манит тайной овраг незнакомый,
Тянет ветви орешника куст.
И невольно мне чудится свыше
На любые вопросы ответ...
Сквозь густые зелёные ниши
Золотой пробивается свет.

2023

ПОРТРЕТ ДЕРЕВА

Ближний берег отразит река —
Он меня узрел издалека.
Выбрал путь тропюю луговой,
Облака плывут над головой.
Он меня приметил неспроста —
Всё начнётся с чистого холста.
Каждый лист мой пропускает свет —
Не пейзаж он пишет, а портрет.
В гуще веток проступает лик,
На плечо моё садится блик.
Вижу только неба синеву —
Чувствую бессмертье наяву.

* * *

Мои стихотворенья —
Опавшая листва.
Пришла пора забвенья,
Но я ещё жива.

Остались в прошлом старты.
Без прежней колеи.
Стихи мои, бастарды,
Валяются в пыли.

Дождём к земле прибиты,
Без яркости былой,
Нечаянно забыты
Хозяйскою метлой.

Под нашими ногами,
Уже не разглядеть,
Притушенное пламя,
Тускнеющую медь.

Но верю в озаренье.
Хоть звать меня никак,
Мои стихотворенья
Рассеют ночи мрак.

«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Данте

О «Новой Жизни» (1292) Данте Алигьери пишу, продолжая читать эту книгу.

*...Всю сладостность и всё смирение дум
Познает тот, кто слышит её слово.
Блажен, кому с ней встреча суждена.*

Данте назвал «Новую Жизнь» *VITA NUOVA* Книгой памяти. Филалковые звёзды памяти... *Новое рождение в Любви.*

Но вот что пишет Константин Паустовский в «Повести о жизни»: «Ксендзы говорили вполголоса. Я понимал польский язык и, слушая их, всё больше склонялся к мысли, что католичество с его культом Мадонны — лишь одно из проявлений тонкой и вечной чувственности.

Я убедился в этом гораздо позже, когда в разноцветном сумраке соборов Неаполя и Рима увидел бледных Мадонн с опущенными ресницами и загадочными зовущими улыбками Джоконды на карминных, маленьких, будто вздрагивающих губах»...

Данте любил и обессмертил Беатриче (Благословенную). Вместе с тем это обращение Поэта к Идеалу.

*Чей дух пленён, чьё сердце полно светом,
Всем тем, пред кем сонет предстанет мой,
Кто мне раскроет смысл его глухой,
Во имя Госпожи Любви, — привет им!*

*Уж треть часов, когда дано планетам
Сиять сильнее, путь свершили свой,
Когда Любовь предстала предо мной
Такой, что страшно вспомнить мне об этом:*

*В веселье шла Любовь, и на ладони
Моё держала сердце, а в руках
Несла Мадонну, спящую смиренно,*

*И, пробудив, дала вкусить Мадонне
От сердца, — и вкушала та смятенно.
Потом Любовь исчезла, вся в слезах.*

Культ Мадонны складывался в средневековой Италии под воздействием античной поэзии. Песни трубадуров вытесняла религиозная поэзия, светская лирика. Создавался поэтический стиль, который Данте назвал новым *сладостным стилем*.

Сонеты и канцоны Данте даёт в обрамлении прозы.

Любовь возвышенная, протекающая в сновидениях...

«Новая Жизнь» — Книга вне времени (сюжета). Беатриче (Благодатная) проходит в безмолвии. Восходящий гений Поэта Благодатная приветствует поклоном.

Примавера (Весна), жена Гвидо Кавальканти, друга Данте, проходит первая. Донна Поклона (Благороднейшая) уходит блистающей молнией. Ей сопутствует число «Девять». Венок сонетов вплетает Данте в Вечное Небо.

*Баллада, ты должна найти Любовь
И вместе с ней предстать перед Мадонной,
Чтоб слух её, к мольбе моей склонённый,
Владычица наполнила бы вновь...*

Великий Данте, увенчанный терновым венком!

*Море
Твой
Взгляд
Темноокий
На звёздном
Рассвете*

СЫНУ

*Андрею Андреевичу Агаркову,
участнику «Крымской весны»*

Сын собирался на войну...
Привёз ему отцовский спальник,
Ботинки «берц». И всю Страну —
В заветах деда. Поминально
Горит, горит ему свеча...
Настигла смерть ещё до боя.
Ещё он здесь... Его плеча
Нажим я чувствую... Другое
Прикосновение пришло.
Господь решил. Господь и примет.
И смотрит сын не тяжело —
Помянет кто? Кто вспомнит ИМЯ?..

04.02.2023

ИЗ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

У меня нет вам Правды другой,
Рассеченной осколком,
нагой,
Выдыхающей порохом.
И
Облака, подминая свои,
Наши парни идут по земле,
По болящей, родимой...
И вне
И времен, и пространства боёв...
Возвращает Россия своё.

03.07.2022

* * *

Испачкано облако вроде бы
Шелковицей или смородиной,
Плывёт над водою неспешно
В закате со вкусом черешни.

Рефрены морского прибоя —
Мы снова на юге с тобою
Июльское слышим токатто —
Звучат слюдяные цикады.
Горчащая терпкость вина.
А неподалёку — Война...

26.07.2022

УТРО У МОРЯ, КРЫМ

Ивану (ВДВ)

Солнце в небесную щёлку
Тянет лучи до земли.
Волны не галькою щёлкают —
Чётко звучат костыли.
Смотрят на море ребята —
Вы не видали тех глаз!
Вот я, седой — виноватым
Чувствую здесь и сейчас.
Это ведь мы не сумели
Русь от войны уберечь.
Словно мы наши шинели
Детям набросили с плеч...

У ленкоранских акаций
Ждал я земного суда...
— Правда, что можно купаться?
— Можно — 16° вода,
Сносная температура
Моря, почти в ноябре.
— Эй, подходи, «десантура»,
Мы ведь не зябли в Днепре!
И, в комуфляже, по голень
Перебуровил волну
Ваня, входивший в Гостомель
И до намедни — в войну.
А совокупность ранений —
Вот небольшой «передых».
— Быт санаторский не вреден
Даже для полуживых.

Солнце взрывалось и лилось
От горизонта и ввысь.
Жизнь освещалась и длилась.
Длись. До Победы продлись!

28.10 2022

г. Крым, военный санаторий.

* * *

Членам ВОСВОД – участникам СВО

Идёт снежок.
И радуешься жизни,
Которую в окопах, на снегу
Ребята защищают,
кто к Отчизне
На выстрел ближе...
«Чем я помогу?» –
Спросить себя сегодня должен каждый
И сделать – по велению души.
Мы Родину почти теряли дважды!
Не дай нам, Бог, и в третий согрешить...

02.03.2023

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Альбрехт Дюрер

Звёздные гравюры *маэстро* были выставлены в Московском Историческом музее. Выставка сопровождалась видеофильмом, жестом руки художника в момент творчества.

Альбрехт Дюрер — мастер светотени. Чёрно-белый рисунок гравюры, её цветотеневой тон словно говорит: «Я распахиваю перед тобой двери. Входи. Но знай: ты пойдёшь не дальше, чем я того хочу!»

Многомерность гравюры, её завуалированность роднит художника с мастерами Возрождения. По картинам Леонардо да Винчи струится лёгкая дымка — *сфумато*. Ранние произведения Рафаэля Санти, творца прекрасных Мадонн, композиционно выстроены, прозрачны.

Библейская тематика (*Библейские истории*) является преобладающей в творчестве Дюрера.

*О, если сердце и любовь верны,
Желанья чисты, пламенно томленье,
И пылко благородное влеченье
И все дороги переплетены...*

Поездка художника в Италию, знакомство с Венецией формируют мировоззрение Альбрехта Дюрера, обогащают его творчество. Путешествие — приобщение к Богу, Творцу.

Вернувшись в родной Нюрнберг, Дюрер открывает мастерскую, осваивает гравюру, акварель, пишет портреты. Гравировку (на дереве, меди) художник выполнял углём и тушью.

В основу Библейских и Евангельских историй положены Жития святых, сказания евангелистов. Гравюры «Блудный сын в стране далече (Раскаяние блудного сына)» (1496), «Святой Евстафий, покровитель охотников» (около 1500), «Тайная вечеря. Большие страсти» (1510), «Моление о чаше. Большие страсти» (1498), «Посещение Марией святой Елизаветы. Житие Богородицы» (1504) объёмны и многомерны.

В цикле *Житие Богородицы* – «Иоаким и Анна у Золотых ворот (у входа в храм)», «Обручение Марии», «Бегство в Египет» (1504) словно раздвинуто пространство.

Удивителен цикл *Прекрасных Мадонн* – предвестниц Мадонн Рафаэля Санти – «Мадонна с Младенцем и обезьяной» (около 1498-1499), «Мария на дерновой скамье» (1503), «Мадонна с Младенцем и кузнечиком» (около 1495).

Альбрехт Дюрер написал серию *Апокалипсис в лицах* – пятнадцать листов «Апокалипсиса», на обороте которых – тексты. Наиболее интересные из них «Сражение архангела Михаила с драконом», «Четыре всадника», «Ангел с ключом от преисподней» (1498).

Замечательна «Святая Троица» (1511). Ксилография.

«Несение креста. Большие страсти» (около 1498-1499). Ксилография – путь Христа на Голгофу, готовность пострадать за веру. Да святится!

Эразм Роттердамский, современник Дюрера, изображён на гравюре с пером в руке, с раскрытой книгой: «Эразм Роттердамский, крупнейший учёный Северного Возрождения» (1526).

Гравюры настроения «Неравная пара. Любовное предложение» (1495), «Прогулка» (около 1496-1497), «Танцующие крестьяне. Крестьянский цикл» (1514) продолжаю строчками Поэта:

*Двенадцать звёзд, двенадцать светлых жён,
Весёлых и пристойных в разговоре,
И с ними солнце – в лодке на просторе
Я увидал – и был заворожён...*

2021

ВОЗДУХ

Воздух — живой ветер
Дышит, где хочет,
Любит черёмуху и сирень,
Обнимает берёзы.
Воздух. Ветер. Ветер.
Испить свежесть весны
До дна,
Уловить её вкус душой,
Сердцем,
Её движение по кронам
Яблонь,
По коже рук моих...
Воздух — живой ветер!
Танцуй, кружись повсюду,
Скользи по водам,
Не переставай!

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Солнце. Ранняя это осень. Жёлтые листья летят.
С яблоками в ладонях — радостный старый сад.
Свечи солнечные янтаря горят день за днём,
Собираем зёрнышки слов и поём, поём.

Хоругви яблочного Спаса вьются на тёплом ветру,
И мы, как волны в океанах пшеницы и на берегу.
Вокруг нимбы, литавры, просинь. Ранняя осень.
Кто-то жжёт костры, а кто-то плоды приносит.

ИНВЕРСИЯ. ИСКУССТВО ФУГИ

Жизнь инверсией по судорогам мыслей
Строгие готические своды
Музыки согласные пунктиры
Контрапунктами с гортаней инструментов

Наплывают волнами каноны
Налетают звёздные хоралы
Творчество звенит соединяет
Звуки как воды живой течение

И его венецианский бисер
Рассыпается под ноги музыкантов
Розовые с жёлтым лепестки
Залетают в стрельчатые окна.

ЗИМА

Зачарованные очи
Заколдованная сказка
И зима и снег летучий, —
Зашифрованное слово
Впечатленье bestолково. —
Зачарованные очи
Заколдованная сказка.
И мороз трещит, и солнце
Преломляется в кристаллах —
Царство снежной королевы,
Мы с тобой: ты — Кай, я — Герда.
Заколдованная сказка.
Изморозь, ионосфера.

АРВО ПЯРТ

А звуки музыки бывают ощутимы, —
Они колышутся как сети в море.
Им ничего не надо, кроме бликов,
Соединенья солнца воздуха и моря —

Они прекрасны, потому и дышат
Всей многослойностью и нот звучащих,
И тинтинабулей* печальной красотой,
Конструкцией наитий и предчувствий.
Над ней и тишина звучит, как море,
И воздух шелестит одеждой длинной.
Тончайшие переплетенья звуков
Под этим небом эфемерным —
Сами, как точная случайность.

ДИВНЫЙ МОХ

Дивный мох, как персидский ковёр,
По нему идёшь и проваливаешься
Он даже пружинит под ногами
И какой он красивый на вид —
Я бы поставила его рядом с мимозой,
С папоротником и с мышинным горошком.
Он рос в лесу на даче.
И какой он был густой!
Он был гуще, чем ворс персидского ковра.
Потому, что на каждом ростке мха
Находилось множество коротких веточек,
И он от этого становился мохнатым и пушистым.
Мох блестел на солнце и переливался
Зелёно-фиолетовыми оттенками.
Вот, думаю я — такая малость этот мох,
А как Он постарался сотворить его
Просто так, чтобы радовал глаз.

* Тинтинабули — колокольчики, музыкальную технику изобрёл Арво Пярт.

БАБОЧКА

Памяти А.М.

Я разбирала вещи близкого человека, квартира отходила городу. Книги, книги, с трогательными автографами и без, русская и мировая классика, пьесы Мольера на французском, открытки репродукций из Германии, Пушкин и Гоголь – в подарочном довоенном издании, между ними бархатные старинные альбомы с фотографиями предков. По рассказам, я знала историю каждого. На большом фотопортрете Миша – его двоюродный племянник из Ленинграда, так рано ушедший из жизни и так похожий на моего покойного друга. На полках в антресолях старинные ёлочные игрушки, их скопилось так много, что каждый год только часть их достаивалась украшать ёлку. Сам он ухитрился родиться на Старый новый год, и мы всегда отмечали его вдвоём... До последнего он не дожил чуть меньше месяца... На письменном столе под стеклом фотография его юной матери, у моря. В картонных коробках из-под печенья аккуратно связанные в стопки письма и открытки, некоторые датированы началом прошлого века... Переписка его бабушки и тёток, довоенные письма матери и бесконечные телеграммы на цветных бланках.

Всю жизнь он вёл дневники, фиксировал время прозой и стихами: что-то отпечатано на пишущей машинке, что-то просто записано от руки в блокнотах и на отдельных листочках... На этажерке долгоиграющие пластинки: первый концерт Чайковского в исполнении Ван-Клиберна, отдельной стопкой – король советской эстрады – улыбающейся Аркадий Райкин, в синей, чудом сохранившейся, бумажной упаковке фирмы «Мелодия», безымянные катушки магнитофонных записей.

В румынском серванте, как на витрине, чудесный чайный сервиз с розами на 12 персон, когда-то его мать мечтала о пышной свадьбе для единственного сына.

Куда это всё вывезти, кому подарить? Ветвь пресеклась, родственников не осталось. Знакомые вряд ли согласятся взять что-либо на память. Меня торопили с вывозом вещей и разбором реликвий. И вдруг на полу среди бумажного хлама мне попала на глаза белая бабочка – маленький атласный бантик на резинке.

Я подняла её, поплёкшую и бездыханную... и беспорядочный поток образов, звуков и ощущений недавнего прошлого наводнил пространство...

Последняя декада мая, когда бульвары и скверы Москвы буквально утопали в сирени и мы, опаздывая, разыскивали здание, где был назначен очередной поэтический конкурс, белая бабочка на удачу, так и сияла под воротником его рубашки. Сиреневые кущи сменяются то золотым листопадом, то снежной позёмкой, мы выходим из метро «Красные ворота». Через дорогу в старинном отреставрированном особняке, известном, как Дом национальностей, большой концерт, мы там выступаем, благодаря заслугам нашего руководителя «Лито» – репатриированного грека.

Это бывало и в Малом зале ЦДЛ, и в гостиной княгини Зинаиды Волконской, и на разных других площадках и сценах Москвы, где изредка устраивали поэтические презентации и нас приглашали почитать собственные стихи. Незабываемый миг лёгкого волнения и радости, повседневности больше нет, и ты паришь высоко-высоко...

В лучшие годы внешность его напоминала молодого Аркадия Райкина. Тёмные волнистые волосы, красивое лицо, звучный голос. Он выходил на сцену и преображался, глаза сияли: «Клубника красная на белом блюде с зелёными листочками лежит...» Кто-то даже сочинил музыку на это стихотворение. Увы, ноты утеряны и композитор-любитель давно уже в лучшем из миров. Всегда на выступление, он вместо галстука надевал эту белую бабочку. Мечта о признании? Многие дамы после выступления подходили к нему и просили подарить или продать сборник стихов с автографом.

Даже собираясь в санаторий, он спрашивал меня: «А бантик взять?» «Бери, конечно, устройшь творческий вечер». Белый атласный бантик, бабочка души, такой одинокой и по-детски ранимой...

Виктория Жданова

г. Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский поэт, музыкант, руководитель творческого сообщества «Другая среда», постоянная ведущая и художественный руководитель литературной программы «Перед зеркалом» на Радио ШОК, организатор фестиваля «Волынщик» и музыкально-поэтического объединения «Волынщик». Автор трех книг стихов. Публиковалась в журналах «Аврора», «Истоки», «Сфинкс», «Окно», «Изящная словесность», «Рог Борея», «Голоса Петербурга», а также в сборниках стихов «Приневье» — четверть века», «Они отстояли Россию», «В контексте Города».

* * *

Морочит боль невидимой культуры —
Полсердца отнято и скормлено собаке.
Последний шанс уйти
Упущен в драке,
А на часах ещё как будто без пяти

Минут пора, и без пяти путей,
И бес пустой любви опять стучится в двери.
Подлее и лютей
В своей потере
Не стать бы. Омут тише без затей.

Не сломлен дух, но сломана печать —
Вразлёт следы, и память стает птица дичала.
Был дан обет зачать
Судьбу сначала —
Вполсердца выживающая чадь.

* * *

Хриплым криком и шёпотом талым
О смурное и смурое небо
Разбиваться в молитве устало,
Откровения требуя слепо.

Промолчало промозглое небо,
Пробежало продрогло по венам,
Где по крови металась нелепо
Неготовность к большим переменам.

* * *

Томилась ночь набухшею луной,
Целуя город в занавешенные окна.
Поговорить о главном и о многом
Стояло перепутье у порога,
Маня соблазнами и участью иной.

Снести яйцо и высидеть птенца,
Мозоля небо ожиданием гостинца,
И тут узнать, что вовсе ты не птица...
Смятениями ягодой налиться,
Назреть началом, став предтечею конца.

Проклятьем в спину лязгнувший засов.
Самим собою до себя свой путь намеря,
Пораздарить, как сброшенные перья,
Разорванные сумерки доверья
Созвездьям пущенных по следу гончих псов.

* * *

Надев надежды праздничный наряд,
На зов меж виселиц идя и каруселей,
Всем пить до дна похмелья без веселий,
Всем пить до дна под тусклый свет лампад.

Чужая дудка — мороковый лад —
Она исчадьё и орудье крысолова.
Там, где она — условно право слова,
Там, где она — не действие, но обряд.

Чужие дудки выстроились в ряд –
Пляши без устали, любую выбирая –
Все, как одна – сулят блаженство рая,
Все, как одна – мостят дорогу в ад.

* * *

Закатилось солнце за сегодня,
Поползло гулять по разным завтра,
Может быть, увидимся с ним снова,
Коль никто из нас не заплутает.

Мир кружит, наматывая время
На себя, как нить на веретёнце,
Затаится в кокон шелкопрядом,
Вылупится и закружит снова.

А пока не надоело Норнам,
И пока есть место на ладони,
По тропинкам тонким линий жизни
Я бреду за тёплым жёлтым шаром...

* * *

Талое лето стекает по пальцам и вниз,
Прямо в песок, обманув, то ль дождём, то ли плачем.
То, что могло бы и хотелось, не так, так иначе,
Вылившись в руки, исполнив последний каприз,

Бьёт по лицу и назойливо лезет в глаза,
Падая в норы зрачков, отражающих слепо
Натиск цепей отражений – бессмысленный слепок –
Цепко нутро оплетает шальная лоза.

Прямо в песок, что по сути – просыпанный прах,
Стёртое в пыль что-то, прежде терявшее время,
Запертый в крепость часов назиданьем – «всё бренно».
Память забвенью развеет, как хмарь на ветрах.

Вынесен крест, и сознательно будет снесён –
В тающих льдах отпущенья истоки у Леты.
Спрятав в вопросах и суть, и следы, и ответы,
Талое лето сбегает, забыв обо всём.

Этот октябрь свихнулся на жёлтой листве.
Он, помешавшись, смешал всё, став злей и беспутней,
Крепко замешен на смуте, замешанный в плутни,
Жёлчью вписал свои строки в акафисты вен.

Пало, накрыло, украло основу основ,
Былью, как болью, пронзённое, плачет неверье.
Птицы деревьев линяют, и жёлтые перья
Вихрем свиваются в гнёзда для изгнанных снов.

Этот октябрь безумен, как свора собак.
Не удавиться случайно, в пыли, на ремне бы...
Голые ветви щекочут продроглое небо.
Пусть листопад зажигалкой, раз дело — табак.

Жёлтым безумием крашено новое вновь.
Нервно искусаны губы, потери итожа.
Свет фонарей проползает под тонкую кожу,
Лишь уколи, и закапает жёлтая кровь.

Этот октябрь свихнулся. Как вышло, так есть —
Россыпью в лужах осколки былого и окон,
Нить Ариадны сплелась в паутину и кокон,
Красной рябиновой горечи кровная месть.

Пачкала суетность всеу растлив и истлев,
Переплавлялась монетами правда на ложь, но
Нет, ничего не случилось того, что не должно,
Просто октябрь свихнулся на жёлтой листве.

ВДОХНОВЕННЫЕ ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА ТАТЬЯНЫ БАКЛАШКИНОЙ

Поэтесса Татьяна Баклашкина (1984–2011) – творческий человек, богатый от природы: музыкант, поэт, художник. Помимо журналистики и искусства, у неё были мысли – заняться церковной музыкой (совсем не случайно – зов предков. В роду были священники), но не хватило энергии и времени, отведённых ей в этом мире.

Таня росла необыкновенным ребёнком: рано начала говорить, одновременно училась в трёх школах – общеобразовательной, музыкальной, художественной на «хорошо» и «отлично». Любила лепить из пластилина, много читала: «Три толстяка» Олеши и «Дети капитана Гранта» Жюль Верна прочитала уже после окончания первого класса.

Примечательно: когда она играла на фортепиано, всегда на нотах лежала открытая книга, разворотом кверху. И когда затихали звуки музыки, было ясно: она читала. Там же на крышке фортепиано – карандаш и бумага для записи. За едой – опять с книгой. Борьба с этим было бесполезно. Помимо книги, в руке оказывался карандаш, без него Таня не садилась за книгу. Рисовала портреты героев книг, певцов, артистов в образе героев фильмов или рисовала героев, как она их себе представляла, и звучала музыка.

В художественную школу Таня ходила с удовольствием. Ей удавались портреты, хотя до них по программе художественной школы было далеко.

Проучившись в художественной школе два с половиной года на «хорошо» и «отлично», её пришлось оставить. Занятия музыкой требовали большего времени.

Однажды мной была куплена книга «Рудольф Нуриев». Таня, увидев книгу, взяла её посмотреть. Через несколько минут она принесла мне готовый портрет с твёрдой обложки книги – один в один – Рудольф Нуриев.

Перебирая рисунки Тани, я нашла её портрет (ей – шесть лет), выполненный уличным ленинградским художником Виктором Питерским, на набережной города Ялты. Чудесному солнечному месту на земле, позднее, она посвятит свой стих «Город мечты». И «...голос, утро расплескавший...» будет петь «на незнакомом языке» на той же набережной.

Вот так же, как я сейчас плавно перешла от музыки к рисункам, от рисунков к стихам, и снова к музыке, так и Таня успевала всем заниматься, при чём одновременно.

Валерий Лебединский в статье к книге «Прикосновение любви» Татьяны Баклашкиной пишет:

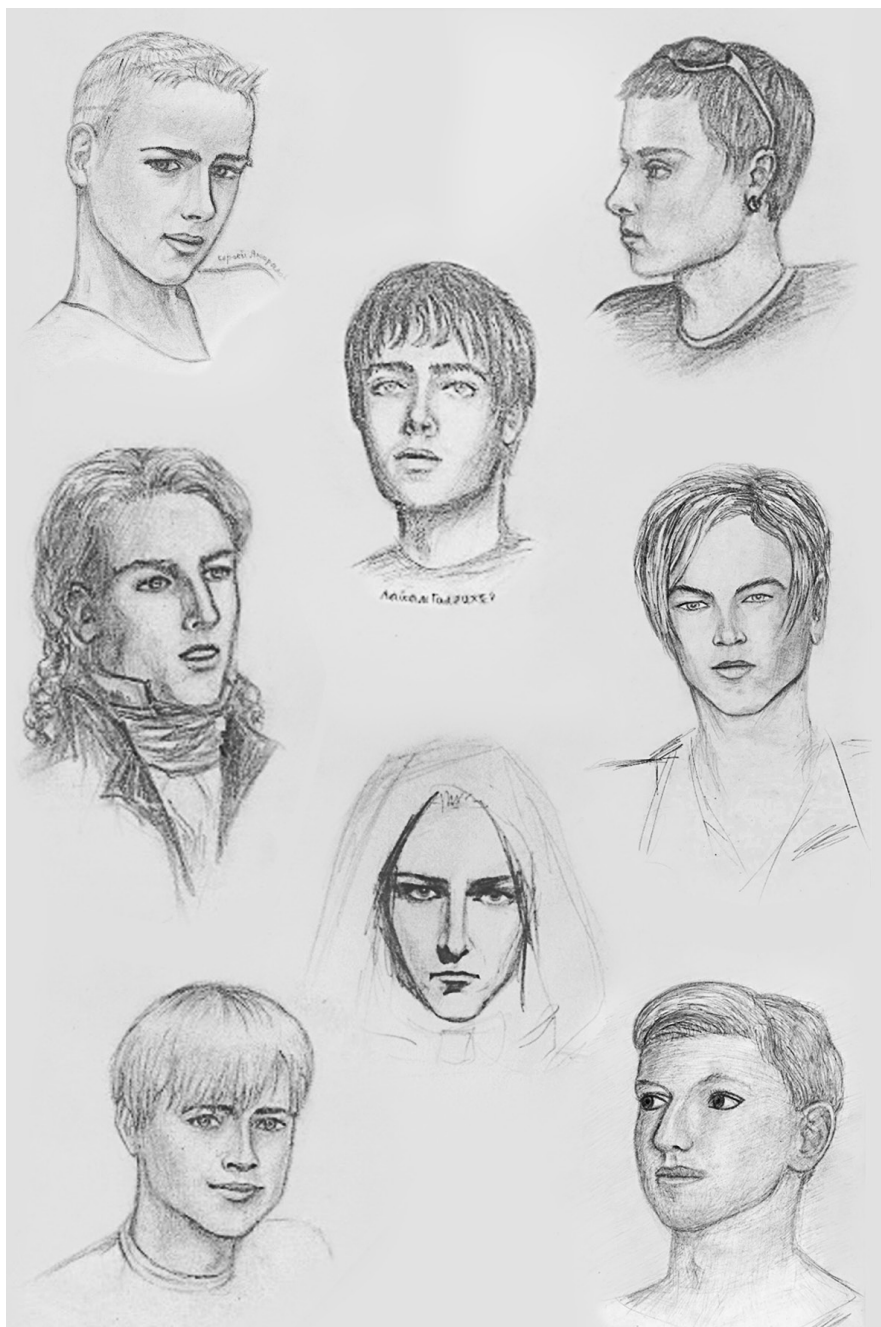
«Её импровизация в рисунке и, особенно, портреты, с не по возрасту схваченными чертами характера персонажей поражают...»

«Как удивительно легко и для себя естественно переходила она в своём творчестве от одной области художественной деятельности к другой...»

«...Они полноправны в её творчестве — три вдохновенные грани...».

*Лидия Баклашкина
Калуга*

Рисунки Татьяны Баклашкиной

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Катяна Хачумова

МОЗАИКА

Лес в красках осени, пруд и дорога,
Что затерялась меж сосен густых.
Птиц белокрылых осталось немного,
Ветер осенний прогонит и их.
Он то шальной, то ласкает игриво
Листья, упавшие с веток берёз.
Словно собрать, как из пазлов картины,
Хочет пока не ударил мороз.
Смоет мозаику дождь беспощадный
И на земле не оставит следа,
Но красоту тех картин уникальных
В памяти я сохраню навсегда.
Как сохраню те события жизни,
Что согревают морозной зимой,
Что тучи разводят радугой в ливни
И освежают в полуденный зной.

ДВЕ СУДЬБЫ

У него одна дорога, у неё своя судьба.
Заметёт тропу к порогу, где не топлена изба.
Не совьёт гнездо синичка у разбитого окна.
Жизни светлые странички перепачканы сполна.
В поцелуе не сольются две далекие реки.
Он свою дорогу строит, не держа ее руки.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Лишь день начнёт устало угасать
В лучах последних меркнущего света,
Взмахнув крылом, уносится летать
Ночная птица, песнь её не спета.
Укрой её серебряная мгла
Мгновением, художником воспетым.
Полёт свободный дарит тишина
В пространстве меж закатом и рассветом.

Мария Попова

Поэт, журналист, эссеист. Закончила факультет культурологии Государственной академии славянской культуры и дистанционный курс «Социальная журналистика» АСИ, ЦДО МГУ. Окончила магистратуру ИГН МГПУ по направлению «Литературный процесс и цифровое образовательное пространство». Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Москва», «Плавучий мост», «Урал», на литературном интернет-портале «Сетевая словесность», «Мегалит»

и др. Член Московского союза литераторов. Лонг-листер Международного литературного Волошинского конкурса в номинации «Поэзия» (2018). Неоднократная участница литературных фестивалей. Автор поэтической книги-бilingвы «На грани» (М: Плюмбум.пресс, 2019, пер. на эстонский язык — Катрин Вяли), занявшей I место на Фестивале Литературного Эксперимента в номинации «Поэтическая книга» (2020). Вторая книга, «Скоро ты прорастёшь», издана в качестве спецприза главного редактора издательства «СТиХИ» премии «Кубок в Кубке» в 2021 году. Преподавала различные гуманитарные дисциплины в Московском международном университете и Колледже «Синергия».

* * *

Как бы я нарисовала себя?
 Живот как гранат
 Ноги — моркови
 Груды как репки
 Пальцы — перья зелёного лука
 Глаза — тёмные виноградины
 Я — какой-то странный несостоявшийся натюрморт
 Среди автобусов и таких разных
 Домов из конструктора
 В мире под небом из синей гуаши
 На охристо-белой земле

* * *

чувствуешь, что к тебе начинают относиться,
как к отработанному материалу.
тем не менее,
тело незначительнее пушистой оболочки
счастливого одуванчика,
ещё не проросшего,
но уже размечтавшегося о жизни
где-то под снегом,
задумавшего её
дерзко, простодушно и жадно.
скоро ты прорастешь,
одуванчик мой,
жизнь и слово

* * *

Что бы ни делала ты осуждают лица кругом за столом в кафе и
когда расплачиваешься у ветеринара слышишь как у соседей сверху
в квартире стучат часы над башкой ничего не надо оставь уже ни-
чего не надо кроме ободряющего кивка кроме того чтоб ощущать
как огненные шары подлетая жарят твои ладони словно тогда поч-
ти вчера в детстве бредовом в четыре года

* * *

Садясь на стул, принимаешь форму стула
Представляя тетрадный лист — становишься в клеточку
Вспоминая профиль пожилого незнакомца
Навсегда беременеешь его портретом
Время замостили плиткой разума
Даже смыслы уже не нужны
Сплошное неразумие
Младенчество
И игра
Время разматывается вспять слоями
Опадая с тела
Распускается внутренний цветок
Руки и ноги танцуют
Иду ночной дорогой домой

* * *

Так равнодушно относиться к своему телу
Всегда, даже этой
Летней ночью с сине-зелёным небом...
Не уразумевши даже причины
Людской любви или ненависти
К тебе.
Что уж говорить об обязательном наборе наук или философских истинах,
Когда ты не можешь даже понять
Тайну формы листа сирени
Или его лепестка?
Этого, конкретного?
Солнце равно светит богатым и бедным,
Красивым и не очень.
Так принято считать?
Ложь! У богатых всё же больше свободного времени
И возможности быть красивыми.
Лепестки сиреней скоро осыплются.
Будет летнее солнцестояние.

* * *

и вроде должно уже быть много сил внутри,
а просто ложишься на дно морское, как черноморит.
видишь, как тени фигур плавают над тобой,
молишься на переливы света в толще воды.
запахи водорослей обдумываешь,
знаешь мечты и надежды
того, кто босою ногой по тебе идёт.
ты просто камень в глубинах воды морской.
ты впитываешь небосвод.

* * *

проснулся и рассказал
приснилось
что мы почему-то
делаем формочки в виде рыб

и начал на кухне готовить рыбу
а я так в ночной магазин
за морковкой и луком
потому что днём не купила

обдумывала будущий текст
но как объяснить
ведь ты человек конкретный
я обошла пару улиц
и в одном из дворов
купила морковку и лук

с овощами в сумке
я на ходу размышляла
что солнцево наше рельефом
вдруг стало напоминать все набережные
мира

наверное скоро
здесь разольется море
и встанут горы
и будет сплошной коктейль
но цветущий липой
и только солнце и море
и только ветер
и несть
печали

* * *

этот год без работы был самым счастливым
я замедлилась до предела
раз во сто по сравнению с прошлой жизнью
и обрела
нет не счастье
и не покой
а что-то среднее
была Грузия горы монастыри
горы всего четыре буквы
а сколько близости к небу
в самом прямом смысле
иногда мне кажется
что в Грузии невозможно обмануть и предать
в том числе потому что стены наших подъездов расписаны матом
а в Грузии кресты вырезаны на деревьях
дальше была
Эстония стихи друзья кафешки и презентация книги
Питер холод и дождь
и невозможность
вернуться в прошлое
Таруса и стихи в огромном великолепном зале
и опять друзья
Александров
наверное я смогла наконец успокоиться
наверное смогла

ПРОСТО ЛЮБЛЮ

Я просто люблю, потому что люблю!
Взамен ничего не прошу, не молю,
А если взаимной любви и хочу,
То мысленно я зажигаю свечу,
И думаю о недоступной мечте,
О грёзе прекрасной, о той высоте,
Куда долететь никогда не смогу!
Вот разве отправлю из сердца строку
О том, что люблю! И, быть может, она
Туда долетит! И признанья полна,
Хотя бы легонько коснётся тебя!
Я просто люблю! Не желают любя,
Чего-то ещё, кроме этой любви!
Но если понадоблюсь, то позови!

04.03.2023

ТЫ СПУСКАЛАСЬ

В туфельках серо-стального цвета,
В мини-юбке, в коротеньком пиджаке
Ты спускалась ко мне из лета,
Что осталось давно вдалеке!
И было тебе чуть за двадцать,
Но сохранила до мелочей
Память то, как начал влюбляться
В тебя я, была ты ещё ничьей!
Многие очень тебя любили,
Моложе меня и меня богаче!
Конечно, тогда был я тоже в силе,
Но понимал, будет всё иначе,
Не так, как хотело воображенье!
Но счастлив был видеть тебя,
Не затевая с кем-то сраженья,
А просто смотреть на тебя, любя!

Ты из лета ко мне спускалась,
Забытого временем, но не мной!
Я в нём и сейчас! И прекрасная алость,
Входом была в мир иной!
Алость рассвета великого лета,
Когда впервые тебя увидал!
В туфельках серо-стального цвета
Спускалась ты, будто шла на бал!

16.03.2023.
Вечер

РАЗОЧАРОВАНИЯ – ЭТО ДРУЗЬЯ

Много в жизни разочарований,
И в моей, и у других людей!
Разочарования речами,
Что звучат во имя злых идей!
Разочарований в нашем быте,
В крепкой дружбе, даже и в любви!
Но спокойно вы на них взгляните,
Ведь они, как церкви на крови!
Каждая из них чему-то учит!
Разочарования — друзья!
Разочарование не мучит,
Просто учит, это нам нельзя!

01.03.2023

НЕПРОХОДЯЩИЕ СЛЕДЫ

«Как легко ты по снегу бежишь босиком...»
1994 год

Сколько снега с тех пор растаяло,
И растаяло сколько годов?!
Только что мне все эти правила!
Я и сейчас подтвердить готов,
Что всё так же на том же месте
Вижу узких ножек следы!
Вижу, как мы с тобою вместе
Смотрим на ледяные пруды!
Тихо смотрим, и вдруг внезапно
Ты снимаешь свои сапоги,
И со смехом, резко и складно
Так бежишь, что не видно не зги

От летящего в стороны снега!
Поднимаешь метель одна!
Тридцать лет прошло с того бега,
Ну, а ты всё так же стройна!
Молода, и всё так же красива!
И всё так же азартна сейчас!
Помню я этот день, это диво!
И по лесу идущих нас!
И на том же месте, о, Боже!
Выступают каждой зимой
Следы твоих узких ножек!
И день, что с тех пор со мной!

28.02.2023

СЕРАЯ КРАСКА

Не получается чудная сказка
О том, как у нас всё чудесно!
Сейчас правит серая краска,
Вот это вот будет честно!
А яркие краски остались
В душах одних влюблённых!
Тех, что с мечтой не расстались
О рощицах полусонных,
Где ходят священные девы,
И всех встречают цветами!
Священные дарят напевы!
И эти напевы с нами!
Их не перекроет эхо
От бесконечных взрывов!
Здесь много святого смеха
И благородных порывов!
Свои мы в рощицах этих!
Нет в них серого цвета!
Здесь мы, как на планете
Вечного-вечного лета!

24.02.2023

СОЗНАНИЕ И ТЕЛО

Очень трудно представить, что я не тело,
А сознание, что не рождалось и не умирало!
Ни ума, и ни знаний для этого мало!
Важно жизнь ощутить без предела!
Просто взять, ощутить! Но до этого «просто»
Путь ведёт фантастически сложный!
Путь порою неверный, и даже ложный!
Иногда пропадающий средь погоста!
И является тело, и опять воплощенье!
Но однажды врывается свет ниоткуда!
И тогда происходит великое чудо,
Чудо истинного пробужденья!

23.02.2023

В ЭЛЕКТРИЧКЕ МЕТРО

Ты едешь домой в электричке метро,
В простой электрике московской!
Но время сейчас для тебя умерло
С его очевидностью броской!
И ты отключила и мысли, и ум,
Сознание вселенское в душу пуская!
А рядом с тобой разговоры и шум!
Но кто отгадает, что ты не такая?
Для всех ты красивая женщина! Да!
И с этим согласны все взгляды мужские!
А ты их не видишь. Ты будто звезда
Из дальней галактики! Вёрсты какие
Сейчас отделяют её ото всех!
Попробуйте так же, и будете с нею!
И нет никаких ни преград, ни помех,
Чтоб выйти на ту же вне мира аллею!

05.02.2023.
Ранний вечер

ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ

Я много думал, в мире есть ли
Та чистая любовь? Любовь, не страсть?
И если «да», то слово «если»
Само собой, должно отпасть!
Но что это тогда такое?
Блуждание в словах пустых?
Рассказ про аромат левкоя
Без знания запахов самих?
Восторг волной, когда ни разу
Ты сам волну не обнимал?
И задевает фраза фразу,
А штормовой не виден вал!
А, может быть, любовь не хочет
Сравнений, гимнов, даже од?
Она, как сорванный листочек
Летит куда-то в небосвод!
Она чиста в своём полёте!
И кто успеет ей сказать:
«Прекрасная, меня возьмёте?..»,
Тот может спутником ей стать!

26.12.2022

ПРЕДЧУВСТВИЕ МИРА

Из всех предчувствий, что есть на земле,
Всего доступней предчувствие мира!
Всего вернее! Сражаются люди, а на столе
Им видится скатерть, где чуточку сыро
От пролитого за мир и дружбу вина!
Это виденье и есть шаг к прозренью!
Эта картинка в окопе видна,
Она конкурентка любому виденью!
Предчувствие мира! Сияет оно!
Не нужен здесь никакой Нострадамус!
Простая картинка! Еда и вино!
И близкие люди. Уйдёт вся дальность!
И близость придёт! Та, что так нам нужна!
Где много объятий, а слов так мало!
Предчувствую мир! Уходи, война!
Хочу, чтобы жить нам удобно стало!

24.12.2022. Католический сочельник

КРИВЛЯЕТСЯ ПОГОДА

Обычное кривляние погоды,
Мы ей пока не можем приказать!
Земля! Земля! Какие наши годы!
Но мы, увы, ползём за пядью пядь!
А не бежим, хоть раса молодая,
Поэтому так трудно мы растём!
И не могу исчезнуть без следа я,
И я иду на звук священный ОМ!
Иду через паденья и ошибки,
Со всеми вместе поднимаюсь вверх!
И кажется, что мир донельзя зыбкий,
Что прародитель вечный он помех!
А тут ещё погодное кривлянье!
Но странно, человечество идёт!
Ещё немного, н оно вот-вот
Ненужные свои отбросит знания!
И обретёт сверхзнания тотчас,
И просто мир, как данность принимая,
Услышит наконец-то Божий глас,
Тогда его дорога ждёт прямая!
И приведёт она его в Эдем!
Мы там с тобой сольёмся наконец-то,
И там, под солнцем будет наше место,
И там места дошедшим будут всем!
Всем, у кого века душа держалась,
Всем, кто сумел на верный выйти путь!
Да, пусть пока погода искривлялась,
Но разве ей любовь перечеркнуть?

10.12.2022.
Поздний вечер

К ВОПРОСАМ ИСТОРИИ

Нет исторических врагов,
Есть исторические предрассудки!
Когда выходит гнев из берегов
И в СМИ печатаются утки!
Вопрос: кто прав, кто виноват
Века кочует по эпохам!
И множатся ряды солдат,
Убитых как бы ненароком!

Но есть и данный Богом путь,
Путь понимания друг друга!
Через себя перешагнуть
Конечно, тяжело и туго!
Но нет надёжнее пути!
Вернее он любого плаца!
Тогда себя и мир спасти
Ещё, быть может, и удастся!

04.02.2023.
Поздний вечер

РАДОСТЬ ВЫШЕ

А радость выше самых горьких мыслей,
Её жилище там, где Бог живёт!
И горьких мыслей за собой не числи,
Они уйдут. А ты отправь в полёт
Своё сознание, что открыто свету,
Оно твоё и есть на самом деле «Я»!
Всё рано или поздно канет в Лету,
Но радость вечно для тебя своя,
Твоя сестра, жена, твоя подруга!
Поэтому всегда за ней иди!
И если будет мрачно, горько, туго,
О ней ты вспомни на своём пути!
Она к тебе придёт тотчас же свыше,
И сразу в небо твой направит путь,
Не даст твоё сознание обмануть!
Спокойнее. Увереннее. Тише.

01.01.2023

ТВОЙ СИЛУЭТ

Твой силуэт в февральском ореоле
Отчётливо увидел в небе я!
Ты вся была весенняя до боли,
Казалось, что весна — сестра твоя!
Ты мне свои лучи дарила тоже,
Как и всему, что видела сейчас!
И благодарно прошептал я: «Боже!
Спасибо, что любовь живёт среди нас!»

03.02.2023

МИР И ТОЛЬКО МИР

В банках счета это просто бумажки,
Неважно сколько: хоть миллионы!
Мир, где войне никакой нет побряки,
Мир, где есть смех и отсутствуют стоны,
Вот это и впрямь из богатств богатство!
Мир — это дуг с луговыми цветами!
Это свобода, равенство, братство,
Это Сам Бог, что на празднике с нами!
Ну, и, конечно, всего главнее
То, что мир любовь нам приносит,
Когда идёшь по заветной аллее
В любое время: в весну и в осень!
Идёшь, любимую обнимая,
И полной грудью средь мира дышишь!
И между вами дорога прямая:
От сердца к сердцу! И ясно слышишь,
Будь то летняя тишь, или вьюга
Пенье сердец друг друга!

07.12.2022.
Поздний вечер

Сергей Гарсия*г. Норильск*

Сергей Гарсия литературный и онлайн-псевдоним Сучкова Андрея Николаевича. Он журналист. Родился в городе Ташкенте в 1981 году, учился в Красноярске и в Москве. Живёт в городе Норильске Красноярского края. На его счету более 10000 материалов в печатной прессе и электронных СМИ Норильска и Таймырского АО, а также в корпоративной прессе «Норильского Никеля». Востребованный писатель интернета, автор исторических очерков и художествен-

ных работ. Есть отдельные публикации в столичных журналах и сборниках. Вот уже более 15 лет инвалид второй группы по опорно-двигательному аппарату.

СТИЛЬНАЯ РЫЖАЯ ОСЕНЬ**ПРЕКРАСНОЙ ПРИНЦЕССЕ
ПО ИМЕНИ КИРА**

Боже мой, боже мой, ради бога,
ради самого быстрого сна.
Отдохни от стихов хоть немного,
И зимой надышись докрасна.

Освещенная внутренним блеском,
а не ровным мерцанием свеч,
пусть смеётся над этим гротеском
Юной дамы прекрасная речь.

Ну, а ты, друг, ложись и не парься,
Ты, как видно, устал от труда.
Не туда ты однажды собрался,
Не туда, не туда, не туда.

Пусть судьба за тебя всё решает,
Вечность помнит прекрасный пример.
И пусть птичкой прекрасной порхает
Твоя юная муза, Мольер.

О ВРЕМЕНИ

Парики, камзолы, шпаги, пудра
И светлый лик под пышной треуголкой.
Всё в ту эпоху было слишком мудро.
И время будто бы тянулось долго.

Положено всем сочинять сонеты,
А быть убитыми лишь только на дуэли
Однако юные галантные поэты
Сны о любви смотреть, увы, не смели

Всё под запретом, даже - наказанием.
Кругом распутство, блеск, обман и маски.
И под любым изысканным названием
Сокрыта ложь, далёкая от сказки.

Ты можешь верить иль совсем не верить.
В барочную эпоху всё прощалось.
Но время мчались, быстрое, как ветер,
И так со временем совсем умчались.

На кладбищах прекрасные гробницы
Хранят останки юных кавалеров,
Барочных дам фарфоровые лица
Остались только в глубине портретов

И, наблюдая смену лет и мнений,
Одно лишь знаем правило поэта:
Спешите любить, не слушайте наставлений,
Но бойтесь возраста и пистолета.

* * *

Норильск заливает дождём,
И ветер, как мокрая тень.
День был почти - «ни о чём»
Ну, просто норильский день.

Ты спал до обеда, и, вот,
Портишь теперь сапоги
Форсируешь лужи вброд
Будто нельзя обойти.

Октябрь — такая муть,
Купи «Кока-Колу» и пей.
Ещё успеешь нырнуть
Ты вынырнуть хоть успеи.

Купи себе новый диван
Удобнее будет спать
Столько всякого там
Помнит твоя кровать.

Полный чего-то закат
И полный чего-то рассвет
Возьми теперь этот квадрат
И закрась его в черный цвет.

Опять опоздала зима
Виновен в этом циклон.
Лежишь полночи без сна
И ждёшь, что придёт сон.

Прекрасен твой мир чудес,
В нём мало свободных мест
И ты засыпаешь «с»
Но просыпаться — «без».

* * *

Целую ночь
Я впечатления
Умножаю свои
На нули.
Но не рождаются сны.
А только слова.
Как всегда.
И «как всегда» всё «Окей»
Вот только в окрестностях
Новой Земли

Есть влажный циклон,
Обдувающий ветром
Те острова.
На словах не сказать,
Как звучат алгоритмы дождей
И ушедшего лета
Неразгаданность,
Полная слёз...
Перевернута осень
В глубине замороженных дней,
Побуждая меня
отыскать на ответы
...Вопрос.
А предзимье — такое.
Оно — как из множества лиц.
Заглянул к нам циклон
Но мне кажется, что он —
Человек.
Но разве дождик касался
Прекрасных твоих ресниц,
Свои слёзы роняя в талый
Октябрьский снег?
К быстрому ходу секунд
И смене времён
Только жёлтый фонарь на авансцене
Вечно готов.
А мы с тобой остановимся
Мы, конечно, — не он.
И я снова включаю
Наш генератор снов.

ОСЕНЬ ПО ИМЕНИ КСЕНИЯ

Ксении Альпинской

Осенний стиль
неслучаен
И кому-то всегда посвящён,
Адресован всегда
он от сердца.
И близко к сердцу.
Она не похожа на девочку,
в которую был я влюблен.

У неё, наверное, было
другое какое-то детство.
А в жизни всё делится
на «было» и «было вчера»...
Что-то помнится лучше,
Потому что мы были
Моложе.
Прекрасная рыжая Осень,
Вы помните те вечера?
А, знаете, Вы на кого-то
До чёрта похожи...
Ведь это нормально,
Когда всё помнят, верят и ждут.
Вы открываете дверь
в небольшой и плохой
кинозальчик.
Со старым роялем
С портретами...
Клуб «Кинолюб».
На дворе девяностые,
И «Амаретто» я вижу бокальчик.
И знаю: Вы — Ксения
И Вы — педагог.
Методист.
И рядом помощник,
Ревниво пригретый
Пай-мальчик
Он любит Феллини
и пишет стихи,
Беллетрист...
Вы о нём говорили.
Короче, — не мальчик,
а зайчик...
А Вы здесь читаете лекции
и Вы так милы!
И ваш юный гений
мне даже немножко мешает.
Я снова глаза закрываю
и вижу: вот Вы!
А, когда открываю, —
наваждение
Вдруг исчезает.

С тех пор полетело огромное
множество лет
Тогда я заканчивал ВУЗ
...И вы были тоже студенткой?
Но, знаете, о чём я подумал?
Я даже клянусь,
что Вы никогда бы не стали
Моей ассистенткой.
Ну, а теперь мне не хуже известно,
что там за напасть...
Мы все изменились,
и уже на себя не похожи.
Но я не считаю,
что в прошлое
можно попасть,
Не боясь, что из прошлого
«попадут» кулаками по роже.
Ах, милая Осень
в коротком и тёплом пальто,
В нежных ладонях
Вы крепко сжимаете
Солнце.
И иногда просто в шутку
Бросаете в небо его
Ах, вот бы поймать!
И чтоб не обжечься
...И не уколоться.
Мимо грязных дорог,
Городской суеты
И тревог,
Мимо серых домов
В горизонта
Унылую просинь
Окруженная флёром
крепких французских духов
Смело шагает
Стильная рыжая
Осень.

«НАПОЛЕОН»

В это тёплое воскресное утро мама встала пораньше. Коммунальная кухня свободна. Соседи уехали на дачу. У няни — выходной. К обеду ожидается мамин родственник с женой. Это её единственный родственник, фактически старший брат. Разница в 10 лет.

Их связывает память семьи и общее сиротство после смерти матери-бабушки, борьба за выживание в знаменитом портовом городе, два его ареста по доносу соседей и счастливое спасение — бег в Москву, за тысячу километров.

Мне он приходится двоюродным дедушкой. Он удивительно красив и импозантен. Я слышала, как мама смеялась, что многие женщины пытались заручиться её поддержкой, чтобы свести с ним знакомство. Теперь бы сказали, что он обладал яркой харизмой. Удача шла к нему в руки, он в совершенстве с детства знал английский язык, был успешным адвокатом, обладая безупречными манерами, мог вести переговоры на любом уровне. Он него пахло дорогим табаком и хорошим привозным одеколоном. Кажется, он назывался «Старые паруса».

Юная мама, проводившая на фронт мужа и его, просила Бога, чтобы они вернулись живыми. Праздник Победы неизменно отмечался в нашей семье.

Дедушка не любил говорить о войне, но один эпизод с детских лет врезался мне в память: окопы переполнены окаменевшими трупами, мёртвых не выносят, несколько дней идут ожесточённые бои на подступах к Сталинграду. В их окоп прыгнул немец с наведённым пистолетом, молодой голубоглазый. Секунду они глядели друг на друга, дед выстрелил первым и тот упал замертво.

Торт «Наполеон» мама печёт по самым торжественным случаям, не чаще двух раз в году. Мне нравится наблюдать, как мама ловко достаёт из духовки пропечённые коржи, обрезает ножом края для придания формы, смазывает их густо заварным кремом и посыпает крошкой.

Для «Наполеона» в буфете хранится огромное фарфоровое блюдо старинной марки «голубые мечи»: с яркой бирюзовой каймой и цветами яблони.

После «Наполеона» мама готовит салат, руки её летают. Я невольно люблюсь мамой, сегодня у неё хорошее настроение и всё удастся. Мне тоже хочется принять участие в приготовление салата. Но мама не разрешает мне резать овощи. А только чистить, а это не так интересно. Мама готовит свой особый вариант «Оливье». Только вместо докторской колбасы банка крабов. Их навалом в магазинах, ими украшают витрины. Они недороги, но москвичи долго не могут привыкнуть к экзотическому вкусу. А так как мама и дедушка родом с Дальнего Востока для них это было с детства дежурным блюдом, так же, как и красная икра свежей засолки. Подростком дедушка освоил ремесло — солящика икры. Была страшная безработица. Его заработок помогал выжить семье. После смерти матери он отправился в рыболовный сезон на Камчатку и взял с собой, чтобы отвлечь от переживаний, осиротевшую племянницу. Это были незабываемые впечатления. Мама рассказывала, как собирала совком, прочёсывая мох, бруснику. Потом ягоду мочили в бочках для зимних заготовок. На берегу Тихого океана мама впервые увидела необыкновенных медуз малинового оттенка. Этот яркий экзотический образ, спустя года, невольно ожил в моём раннем стихотворении о море: «Я никогда не затоскую в краю малиновых медуз...»

Салат готов, и мама даёт мне попробовать чайную ложку. Достаточно ли соли? В дверь звонят, гости пришли. Мама снимает фартук и остаётся в лёгком летнем платье, папа помогает раскрыть стол. Стелется белая накрахмаленная скатерть, откупоривается бутылка вина. Окно открыто. Яблони в цвету... Гости будут сидеть до позднего вечера. Иногда я буду слышать их смех и видеть улыбки. Смысл их разговоров недоступен для моего детского понимания. Мне просто весело пролезать под столом, прятаться за скатертью, выбегать на кухню и чувствовать флюиды праздника, растворённые в воздухе. Я счастлива, что самые близкие люди собрались за столом и на время забыли о вечных тяготах жизни.

СНЕГОПАД В ГОРОДЕ

Снегопад накрыл наш город!
Хлопья снежные летят!
Люди, позабыв про холод,
За полётом их следят.
Ловят их: кто на ладони,
Кто-то прямо на язык.
Улыбаются счастливо
Даже те, кто уж отвык.
Город сразу изменился,
Вдруг таинственно затих,
Засверкал и заискрился,
Словно в чарах колдовских!

ВЕСНА ПРИШЛА

Наконец пришла весна!
Солнце светит ярко.
Проскрипела вдруг сосна:
«Скоро будет жарко!»
Прилетевшие грачи
Дружно строят гнёзда.
Весело журчат ручьи.
Вечереет поздно.
Легче дышится весной,
Сердце мощно бьётся.
Ощущаешь, что живой,
Вновь душа смеётся.

КАРТИНКА МАСЛОМ

Тихо. Вечер. Наша дача.
На столе горит свеча.
Сказочна, неоднозначна
На тарелке алыча.

В рамке из окна картина:
Тёмный лес, луна, река
И красавица рябина,
Как из песни, у дубка.

Александр Никитушкин*г. Тула*

Александр Никитушкин родился в 1966 году в Тульской области, там же окончил среднюю школу. Учился в Тульском культурно-просветительном училище на дирижёрско-хоровом отделении, служил в рядах СА. С 1996 по 2001 год учился в Литературном институте. Публиковался в журналах: «Юность», «Сельская молодёжь», «Наши современники», «Москва». Лауреат премии им. С. Есенина. Живёт и работает в Туле.

* * *

У той реки, которой имя сон,
Что меж холмами выгнулась дугою,
Откинёт осень пёстрый балахон
И уплывёт русалкою нагою.
И будет день: снега запылят
Песчаный плёс и рощу над горою.
Священный стих седых Упанишад
Над степью ветры муторно завоют.
Мне без тебя так холодно кругом...
Плывут века в неведомую вечность,
Но коль не в этом мире, так в другом,
Нас осенит нечаянная встреча!
И будет скрипок тонкий унисон,
И трепетный восторг прикосновенья,
И двух сердец пасхальный перезвон,
И поцелуй бездонный, как мгновенье.

СУМАСШЕДШАЯ ДЕВОЧКА ОСЕНЬ

Повязав золотистые косы
Домотканным льняным ветерком,
Сумасшедшая девочка Осень
По тропинке бежит босиком.

Я за нею бреду торопливо
Вспоминая минувшие дни.
У реки седовласая ива
Растеряла наряды свои.

Ах, как быстро проносятся годы
В наших сумрачных снах наяву!..
И уносят неспешные воды
Облетевшую с ивы листву.

Что мы значим для этого мира?
Что обрящем в грядущем — ином?
Что так грустно закатная лира
Зазвенела в саду за окном?

Листопады мои, листопады...
Станут прахом земным, а пока
Словно бабочки, кружат над садом,
Заметая миры и века.

Запах прелой соломы и сосен,
Жёлтый дым на продрогшей стерне.
Сумасшедшая девочка Осень,
Может вспомнишь когда обо мне?..

ПОКРОВ

По полю, по полю пороша
Стелется небесной золой.
Отпылала в сумерках роща,
Время промелькнуло стрелой.

Жизнь моя — усталая птица,
Чистая водица моя,
Из ладоней в травы струится
Матушку-землицу поя...

В проседи небес опустелых
Теплится певунья-звезда.
Увядает брненное тело,
А душа, как май, молода!

И пускай осенняя плесень
Оплела заброшенный сад,
Свет моих рябиновых песен
Не остудит время утрат.

Сяду на крыльце, у оконца,
Трону золотую струну.
Осушу стопарик до донца,
Всех, кого уж нет, помяну!

Под лиловый звон колоколен
Побреду меж сонных дворов.
Тихо расстилает над полем
Божья Матерь белый покров...

* * *

Не надо слёз, душа моя, не надо...
Когда-нибудь осеннюю порой
Ворвутся в город ливни листопада,
И ангелы закружат над горой.

Я выйду в сад, где лето щебетало.
Зажду листву, и к жаркому костру
Промозглым утром путником усталым
Прильнёт октябрь, озябший на ветру.

Мелькнут в дыму растроченные все
Былые дни, сторевшие дотла...
Мы все блуждаем: в сумрачном лесу ли
Или среди бетона и стекла.

И будет так пока под брнным небом
Лелеет плоть ничтожество своё...
Томится дух меж волею и хлебом
И нераздельны быт и бытиё.

Не воспарить пока не возродится
Иная жизнь в целительном огне.
Покуда воеет лунная волчица
На шар земной, плывущий в вышине.

* * *

Я некрикливый свой мир нарисую:
Схимницу зиму и осень босую.
Вешние травы и речку косую,
Не поминая поэзию всуе.

Я напишу соловьиные трели,
Плач над лугами волшебной свирели,
Скрипки цыганской и ангельской пенье,
Дивных миров переплетенье.

Я напишу, как под струны заката
Лес засыпает на горке покатой,
Как, поднимаясь меж веток берёзы,
Искры костра превращаются в звёзды.

НЕ О СИЮМИНУТНОМ, А О ВЕЧНОМ*О книге Е. Славороссовой «Летающий город»*

Стихи рождаются по-разному. Иногда мучительно и трудно. Помните, как Маяковский писал: «Изводишь единого слова ради / Тысячи тонн словесной руды».

А иногда накал поэтического вдохновения так велик, мощен, стремителен, что требует немедленного действия:

*«И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут».*

(А. С. Пушкин)

Не знаю, как работает над стихом Евгения Славороссова. По-разному, наверно. Но созданная ею поэтическая ткань всегда легка, воздушна... Евгения Алексеевна говорит о «стихотворной горячке», которая началась в пять лет и которая не отпускает её и сегодня: «Я пьянею от стихов слегка»...

По-моему, для Евгении Алексеевны Поэзия — образ жизни, образ мысли, смысл существования...

А что же такое поэзия? В чём её сущность?

В способности выявлять скрытую красоту и музыку мира.

Слова «красота» и «любовь» — синонимы слова «поэзия».

В цикле стихотворений об Обнинске, первом наукограде России, речь идёт о любви к городу, с которым автора связывают прочные нити. И Обнинск отвечает на эту любовь взаимностью: «меня тревожным летом Обнинск обнимал», «меня в тоске осенней Обнинск утешал», «...сердца и двери Обнинск открывал».

Стихи Евгении Алексеевны отличаются удивительным жизненным. В четверостишии:

*«Как весело в космос подняться из лифта,
Из пушки Жюль Верна, из выдумки Свифта,
Со скоростью мысли лететь за мечтой
И вакуум чистый не звать пустотой», —*

меня восхищает слово «весело».

А «порвать притяжения пути» «сладко». Нет, не сухари учёные. Они тоже поэты.

Поэзию Евгении Славороссовой отличает особое, нежное отношение к природе. Яркий образ обнинской осени складывается из нескольких слов: «рысиный, пламенный окрас». А вот строки о зиме:

*«Дождь ледяной. Хрустальные деревья.
Холодная и странная краса...».*

А ещё об облаках —

*«Облачные рыбы,
Обнинские птицы...
Мы с тобой могли бы
Перевоплотиться?»*

Хорошие стихи всегда философичны. Не о сиюминутном, а о вечном говорят они. О том, например, как жить:

*«И мы на дне легко могли бы
Плести коралловые сны —
Но с мужеством летучей рыбы
Стремимся в высь из глубины!»*

Не только мы смотрим из окон своих высоток на звёзды, но и космос следит за нами «мирадами глаз»... К чему-то нас это обязывает?

Окончила МГПИИЯ имени Мориса Тореза. Преподавала иностранные языки в РГГУ и МГУ имени Ломоносова. Член Лито Дома Учёных РАН в Москве. Участник и автор нескольких московских альманахов.

СТРОКА – ЗЕРНО

«Зерно в буханке помнит поле».

Анна Ахматова

Строка — зерно, что вброшено Творцом
В заранее удобренную землю,
Где в тёплой колыбели, сладко дремля,
Взойдёт однажды робким Колоском.

Над ним небес раскрыто полотно,
И дождь поит творенье неземное.
Волной перебирает ветер поле.
В колосьях спеет доброе зерно.

Пора собрать богатый урожай.
В печи горячий хлеб уже томится.
И вот на рушнике земной страницы
Лежит стиха румяный каравай!

РЯБИНА НА СНЕГУ

Палитра января
Скромна и молчалива —
Всего лишь уголь и белила,
И вот офорт готов!

Подсвечники стволов
На солнце серебрятся,
К небесной чаше ввысь стремятся.
Ветвей нагих излом...

Весёлым огоньком
Над снежной куртиной
Сверкают ягоды рябины.
И будто осень вновь...

Так поздняя любовь —
Последний праздник жизни
Нежданно соком сладким брызнет,
Чтоб сердце отогреть.

Склонилась низко ветвь,
Чуть тронута морозом,
И вижу: рдеет ярко роза
На стынущем снегу.

Сквозь зимнюю тоску
Огнём горит рябина,
Украсил алый цвет картину
И... ожил старый сад!

В КОЛОДЦЕ ПАМЯТИ

«...колодца памяти бездонной»

Пауль Целлан

Осенний дождь. Бессонница. Окно.
И жёлтый круг настольной лампы.
Ночь капала чернилами на дно
Листка, подсвеченного рампой.

Стихами щедро наполнилась тетрадь,
Колодец — дождевою влагой.
Часы бежали снова в полночь вспять,
Со временем сражаясь шпагой.

Я помню: лодка медленно плыла
По той реке незамутненной,
Прохладная вода чиста была
В колодце памяти бездонной.

Звенели эхом счастья берега,
И солнце вёсла нам сушило,
Небес ласкало синие шелка,
Заката золото дарило.

Осенний дождь ритм мерный задавал,
Струя серебряные нити,
В колодце памяти всё прибавлял
Былого новые открытия.

ЖАСМИН

«Мой снег цветёт в теплице лета».

Виктор Соснора

Юнец Июнь — транжира света.
Ночь перепутал с ясным днём —
Светло с заката до рассвета,
Жасмин белеет за окном.
Его душистый сладкий запах
Разлит истомою в саду.
Любуясь золотом заката
Тропинкой памяти иду.
Где в снежном облаке жасмина
Гостеприимное крыльцо,
И светится улыбкой милой
Давно знакомое лицо.
И голова от счастья кругом,
Летят снежинками цветки.
В ночи встречаются друг с другом
Глаза и губы — лепестки.
Ладони тёплые ступеней
Нас поднимали высоко —
Взлетали белые качели
Упругих веток под окном.
Цвёл буйно снег в теплице лета,
И мир, казалось, был так юн.
Дарил с заката до рассвета
Прохладу нежную Июнь.

Родилась в Москве. Член нескольких ЛИТО, номинант и дипломант конкурсов, имеются награды.

Посвящается Татьяне и Жене Горбуновым

КИММЕРИЙСКОЕ

Диптих

I. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 1927 г.

Из тучных складок серого атласа
Ещё не слышно отголосков грома,
Ещё не видно огненного пляса
Из мастерской Волошинского дома.
Пугливых чаек жалобные крики,
В морщинах скал снискавши состраданье,
Всё глубже тонут в просолённом лике
Привычной морю жертвенною данью.
И бабочка, танцующей колдуньей,
Свивает кокон веры во спасенье
Среди зыбей тревожных полнолуния,
В немых следах небесного знаменья.
В затишье упоительном и сладком
Блаженный миг покоя иллюзорен...
Земная плоть забьётся в лихорадке,
Выплёскивая сдавленное горе.
Но море слёз уймёт негодование,
И страсть, и огонь прорвавшейся стихии...
И зреет тишь. И дышит прорицаньем
Портретный лик природы Киммерии.

II.

Древнейших скал холмистые ограды
С долиной солнца на века повиты.
И чают грёзы гроздья винограда —
Излиться соком в чашу Афродиты.
«Не высловить», «не выцветить» признанья
О, Крым, твоим эпохам многоликим.
Сюжеты дней и судеб начертанья
Не канут в Лету — с памятью на стыке.

БОЖЕСТВЕННОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ!

Пир лирников — лазури свежесть
Иль кладезь знойных позолот —
Неистощимость Крымских нот.
На губ черешневую нежность
Волны пахучей ляжет блеск...
И песнопения неспешность
Ритмичный не нарушит плеск.

Божественное побережье!
Торжественная старина
Принять в объятия вольна,
И чудодейство неизбежно:
Близ двоеглавья Демерджи'
Ошеломляют взор, как прежде,
Легенд живые миражи.

...Взъярённый молот, жар кузнечный,
И девичий предсмертный вскрик...
Далёких лет сюжет возник
И растворился в бесконечном.
Игра теней на склоне гор —
Толпа фигур, их груз заплечный —
В Долине Призраков, с тех пор.

С кем твоё таинство сравнимо,
Маг лабиринтов, Чатыр-Даг?
О, счастье! Дар твой не иссяк
В пещерном сне неизъяснимом.
Безмолвствуй, не считай часов,
В величьи мощи, недвижимо,
Под колыбельный хор ветров.

Вновь непорочный виноградник
Стал пестовать благую цель —
Нектар Богов — священный хмель —
Земли родной престольный праздник!
В кудрях глициний, вне безумств,
Испей и ты, усталый ратник:
«За мир!» — отборную слезу.

НЕБЕСНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ

Неважна нам расстояний дальность,
В высоте мой прочитаешь стих:
Ангелов небесная тональность
Единённая в сердцах двоих.

Нарисуй мне музыку на камне,
Трепетом объятий нарисуй.
Повтори февральским бризом ранним
Аквалоо* терпкость и красу:

Нарисуй адажио рассвета,
Блюз простора, где брели с тобой,
Джаз вечерний с ноткой Амаретто,
Где о Вечности нам пел прибор.

А ещё: симфонию заката,
И податливый песочный хруст —
Тем, знакомства сладким отпечатком,
Той улыбкой, что мила на вкус...

Не дано нам расставанье с детством:
Взгляд на мир восторженный храним.
Главное для жизни знаем средство:
Чтобы в душах не увял жасмин!

Вспомню, как мы утопали в грёзах,
Безмятежно души оголив...
Пусть навевает аромат мимозы
Росписи чарующий мотив.

Тёплый и живой приму рисунок
С высоты, в ладони положу.
И мелодий чувственные струны
Я в своей душе не остужу.

* Санаторий «Аквалоо», Сочи.

СЕРДЦА В ОБНИМКУ

Высот лазурных обаянье,
Витиеватый бриз морской,
И звёзд радушное сиянье,
Струящих счастье, и покой...

Вы в том краю благоуханном,
Чьей негой вдохновлены.
Здесь тень в сплетеньях филигранных,
С прохладным эхом глубины,

А свет с восторгом поэтично,
Целует хвойный изумруд
и лик Алушты мозаичный...
Вы — в сказке, но мечты влекут:

От роз и пальмовых плюмажей,
От вариаций потайных
волны и нот прелестных пляжей
К местам в тональностях иных.

Ладонь в ладонь, сердца в обнимку,
С краюшкой хлеба в рюкзаке,
Вглубь побережия, сквозь дымку,
К высотам мирным вдалеке

Взойдёте вы тропой привычной,
Где встретит вас летучий хор
ветров, чей гимн метафоричен,
И дух сакраментальный гор.

И дар судьбы благословляя,
Прильнув к щеке своей щекой
Прошепчет он: «О, дорогая...»
И вторишь ты: «О, дорогой».

ИЗ РОБЕРТА ФРОСТА

Переводы с английского

ЮНОМУ НЕГОДНИКУ
(беотийское)

Как ружья и бамбук — палить, удить —
Без спросу подхватил топор у папы,
И, где шумела ель, там ей не быть.
А ты, просунув руку ей под лапы,
По снегу выступаешь не спеша,
Ее зелёной свежестью дыша.

Купил бы ёлку я тебе, не хуже
Готовую смолой огни кормить,
Штанов ремнём я не стянул бы туже,
Но стыдно в праздник мне тебя корить:
Ведь собственных задумок и старанья
Не могут заменить ничьи даянья.

Лесным угожьям недруг Рождество.
И в той войне, что вспомнить нам пристало,
Там не добро и зло, скорей всего,
Вступали в бой, а добрых два начала*.
И не такой был дурень бог войны,
Что ратовал за обе стороны.

* Во время Малой Пелопоннесской войны в Энеофите имело место сражение (457 до Р.Х.) между афинянами под командованием Миронида и фиванцами при участии других беотийских государств. Беотийцы были наголову разгромлены и вынуждены признать верховенство Афин, согласившись направлять людей в их войско.

В гирляндах и игрушках, в жизни новой,
Утратив всё, чего ей не вернёшь,
Лишась, увы, и корня, и основы,
И звёзд над готовой, но всё ж, но всё ж...
Звезда волхвов под потолком на спице
С её судьбой велит мне примириться.

ДОИСТОРИЧЕСКОМУ ПРЕДКУ

Смерть дважды побеждал ты, имярек:
Из глины куклу богом ты нарек,
И от тебя рождён был человек.

Отца и сына кости из реки
Мы извлекли, из грота — черепки,
Достроить образ было пустяки.

След человека на земле найти
Бывает так же радостно почти,
Как и живого встретить на пути.

Определил твой век культурный слой.
Твой нрав был, верно, лют, но стороной
Хотелось обойти характер твой.

Запечатлел ты бога своего
И вытащил на белый свет того,
Чьи кости явно выдают родство.

Я ж думаю теперь: как ни владей
Словами, — факт известности твоей
Прибавит мало к извести костей.

ОСТАВЛЕННЫЙ

То ветер был из тех ветров,
Чей рокот переходит в рёв.
Чего хотел он от моих шагов,
От взгляда, нисходящего с холмов
К пустынной пене берегов?

И день, и год клонились на закат,
Туда, где, сгрудясь, облака лежат,
И листья на крыльце, услышав зов,
Кольцом свернувшись, прошипели: «и-ссс!»,
В колени ткнулись мне и унеслись.
Но тот зловещий звук во мгле
Сказал, что понят я вполне,
Что я один в моём жильё,
И, если выйду за порог,
Один я буду на земле,
Что никого со мной, лишь Бог.

СВЕТИЛА БОЛЬШЕЕ И МЕНЬШЕЕ

Мне в голову не приходило
Сопоставлять их — два светила,
Ведь это бы и странно было.
С утра до вечера живёт
На небе Солнце — не взойдёт,
Сверяя жизнь с часами строго,
Ни на мгновенье раньше срока.
И всё ж не усомнимся мы:
Лишь Солнце — победитель тьмы.
Где быть оно должно, там будет,
Свой час и место не забудет.
Луна ж, блуждая в темноте,
Всегда в сомненье: «Кто я, где?»
Лишь астроном, мечтатель странный,
Чтит выше свет её туманный,
Чем Солнца свет. Порой всю ночь
Луны на небе не найдёшь,
Но вдруг в полуденное небо,
Как южная царица Шеба,
Прелестной прихотью влекома,
Текла в державу Соломона,
Придёт Луна — не чтоб равняться
Иль в свете дня покрасоваться,
Нет, в путь её послала весть,
Та, что у Солнца перстень есть,
Чей поворот зиму увести
Готов, весной повеяв всюду.
Влеченье Женственности к Чуду.

ПОЛУРЕВОЛЮЦИЯ

Я не противник полуреволюций.
Я вижу вред победных революций
В том, что они выносят наверх класс,
Берущий право презирать всех нас.
И я сторонник полуреволюций:
Ведь снадобья, когда перестоят,
Они уже не снадобья, а яд.

КОКОН

Тот дым распростирался, как туман,
Над осенью меж вязов и полян,
И полумесяц в пене голубой
Терял свой облик. Лишь одной трубой
Похвастаться он мог, тот странный дом,
Столь замкнутый, что и с утра огнём
Не баловал себя, а в поздний час
Стоял закрыт, в работы погружась.
Лишь женщины там жили, в том дому;
Хотел сравнить, не знаю почему,
Я с коконом его: надёжно свит
Между землёй он и луной висит,
В своем дыму незыблем; он вселял
Уверенность во мне, что вьюжный шквал
Пройдёт и с ним не сможет совладать...
Но тем, кто свил, не нужно объяснять.

В МОИ ПОЛВЕКА

Горячий, как расплавленный металл,
У стариков о формах я пытал -
До той поры, пока не поседел,
За партией в школах прошлого сидел.

Что было в формах, отдал я давно
На переплав иль бросил за окно.
Учусь опять — но учат сыновья.
За партией в школах будущего я.

ГЕНИЙ ИЛИ ИДЕАЛ?

Эссе

Является ли гений идеалом человека?

Увы, нет. Тогда почему же публика так страстно жаждет и даже требует, чтобы гений был идеалом, и так же страстно возмущается, что это не так?

А потому, что гений носит идеал в душе и показывает его людям. И им хочется, чтобы носитель идеала и сам был идеалом. Они чувствуют себя разочарованными, когда видят в гении человеческие слабости. Отсюда бывает и злоба на него (как в любви).

Но трагедия гения (а жизнь его — это всегда трагедия) в том, что он сам острее всех ощущает этот разрыв между душой, устремлённой ввысь, и брэнной человеческой оболочкой.

Вспомните Пушкинского «Пророка». Шестикрылый серафим меняет природу поэта — открывает ему новое зрение, новый слух, вырывает грешный язык, вынимает сердце и вкладывает в него огонь. (Не могу читать спокойно!)

И как такому существу жить в обыденности? Когда у него температуру зашкаливает, когда он постоянно в сжигающей творческой лихорадке. Или, когда у него кризис и депрессия.

То, что кажется пороками гениев — это чаще всего попытка, как-то переключить нечеловеческое напряжение (или наоборот включить его). Гении не «за гранью добра и зла», они — падшие ангелы и сами страдают от этого. В молодости часто стремятся познать все сферы жизни (и запретные). Они не упиваются своими пороками да, думаю, и не наслаждаются ими, скорее это средство отвлечения.

Иногда они могут уйти и в другое. В болезнь (чахотка, психические заболевания, паралич и др.), и их отвлекает болезнь. Могут погрузиться в инфантилизм и остаться вечными детьми, в эксцентрические чудачества или в аскетизм, или в крайнюю нищету, бродяжничество. Причём подсознательно каждый выбирает то, что ему больше подходит по психическому складу. И тогда, кстати, публике становится скучно, и она начинает искать или вообразать их тайные пороки.

Но все эти странности поведения и характера диктует им их гений. Ведь искусство для гения — это ВСЁ, это ни с чем не сравнимо! Как Лермонтов писал о душе, слышавшей пение ангелов: «и песни небес заменить не могли ей скучные песни земли».

Гений расплачивается за свой дар прежде всего своей жизнью — он себе не принадлежит (как и своим близким). Я думаю, что гению лучше было бы оставаться одиноким. Как Бетховен, Лермонтов или Леонардо. Но не всегда так получается.

Гений живёт за всех, концентрируя в себе все человеческие качества. И преклоняются перед ним или ниспровергают — он «жжёт сердца людей»!

Гении не оставляют нас равнодушными. «Лермонтов — мучитель наш», — написал Мандельштам. Да, они наши мучители, ведь, говоря о них, мы говорим о себе, может быть, о своих главных проблемах. Они — наше увеличительное зеркало. Мы спорим сами с собой, почему мы такие, а не иные, надо ли нам быть другими, правильным ли мы идём путём. И всё это из-за них, гениев, которые никогда не дадут нам успокоиться в самовлюблённости и самодовольстве.

Стихотворные переводы итальянских песен

Я МЕЖДУ ВАМИ

Как я оказался третьим лишним?
Я люблю, с тобой всегда я рядом.
Почему же ты неровно дышишь,
Когда он тебя ласкает взглядом?

Я мешаю вам, опять я между вами,
Но молчу, я понял уж давно,
Что конец любви не за горами...
Только сердце плачет всё равно!

Я меж вами. Ну, а вы смеётесь,
Говорите громко ни о чём,
То случайно будто бы столкнётесь,
Чтоб тебя коснулся он плечом.

Вижу, как тебя он соблазняет,
И как это нравится тебе.
Лишь моё присутствие мешает,
Не даёт вам волю дать себе.

Ты спросила, что со мной случилось?
«Чудный вечер! Просто я устал!»
И как будто сердце закатилось.
Вот и всё! Конец уже настал...

В ШАГЕ ОТ ТЕБЯ

Он:
Быть может не прекрасен я, как ты,
Но это и не важно. Я мужчина!
Логичен, осмотрителен, блистательны мечты,
Но молчалив. Ты этому причина!

Ты в шаге от меня.

Свободен я! Ты надо мною почему смеялась?
Ты думаешь, любовь в капкан моё поймала сердце?
А если всё не так? А вдруг ты ошибалась?
А вдруг любовь лишь приоткрыла дверцу?

Ты в шаге от меня.

Ты правда веришь в то, что есть любовь?
Игра гормонов, химия всё это!
Но что-то всё же есть, что будоражит кровь,
Но лучше говорить о том без света.

Ты в шаге от меня.

Твой запах затуманивает разум,
Уносит в небеса или на дно морское!
Ты улыбнулась, и согрелось сердце разом!
О, Боже, как мне хорошо с тобою!

Ты в шаге от меня.

Она:
Что делать мне? Я так в тебе нуждаюсь.
Ты прикасаешься ко мне. О, эти руки!
Бушуют чувства, плоть моя пылает.
Не уходи, я не хочу разлуки!

Один лишь шаг остался между нами.
А может это море пустоты?
Решать свою судьбу должны мы сами.
Я сделала свой шаг к тебе! А ты?

МОРЕ

Море и волны качают в объятьях,
И никуда не хочу уезжать я!
Небо бескрайнее, тёплый песок.
Гнев отступает, не сверлит висок.
Солнышка море и море огня,
Здесь я останусь, согрейте меня!
Воздуха море и море ветров,
Поговорите со мной! Я готов!

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Мой друг, умей себя любить!
Ведь так прекрасно быть собою.
Счастливой можно жизнь прожить,
Пусть и непризнанной толпою.

Пусть тот, кто пальцем указал,
Тайком завидует и злится.
Тебе поможет бальный зал —
В прекрасном платье веселиться!

«Ну, как дела?» — спроси себя.
Давно вопрос задать не смеешь.
Живёшь инстинктом, не любя,
И в будущее вряд ли веришь.

И «навсегда» не для тебя.
Любить, как все, ты не умеешь.
Но встанешь, силы накопя,
Ты от падений лишь мудреешь.

Но и запутанная жизнь,
Что часто ставит нам преграды,
Прекрасна! Только ты решишь,
Нас ждут у финиша награды.

Как меланхолия прекрасна!
И сладкой кажется нам ложь.
Но снимки старые напрасно
Уж много лет ты бережёшь.

Великолепен страх сказать,
Что большего от жизни хочешь.
Не страшно будет умирать —
Душа любовью мироточит.

О, Боже! Как легко нам лгать,
Когда дожди сердца тревожат.
С тоской о прошлом вспоминать.
И одиночество всё то же.

Но жизнь прекрасна все равно!
Не откажусь ни от минуты.
Коль спеть с оркестром не дано,
Спою одна, порвав все путы.

САМАЯ КРАСИВАЯ

Для меня ты прекрасна, мама,
Хоть в морщинках твоё лицо.
Это просто от жизни шрамы,
Время метит старых бойцов.

Никогда не касалось море
Поседевших твоих волос.
Сколько счастья и сколько горя
Видеть в жизни тебе пришлось.

Только я, словно вольный ветер,
Покидаю родные края
И лечу в облака из песен,
Жизнь меняю, ищу себя.

Как всегда, ты прекрасна, мама!
Краше звёзд, что глядят с небес.
Даришь мне ты любовь и пламя,
Открываешь мне мир чудес!

Как хочу, чтоб была ты рядом,
Может стал бы мой путь прямой.
Ты могла бы одним лишь взглядом
Удержать от дурных затей.

Только ты и в бреду, и в боли
Даришь сердце своё и мечты.
Нет на свете того, кто боле
Смог любить бы меня, чем ты!

Даст пусть длинную жизнь тебе Боже,
Моя мать, моя совесть и честь!
Пусть тебя ничего не тревожит!
Счастье знать, что на свете ты есть!

ЛЮБИ МЕНЯ, ЛЮБИ

Да, живу я тобой, ты пойми.
Каждый день так живу, каждый час.
Ты вопросом меня не томи,
Ты люби меня здесь и сейчас!

Я привыкнуть к тебе не могу,
И прощаться мне страшно подчас.
Даже если хочу — не сбегу!
Ты люби меня здесь и сейчас!

Жизни крепко так наши сплелись.
Мое сердце возьми и храни!
Безрассудно, но ты уж смирись!
И люби меня, просто люби!

Представляешь, что б было со мной,
Если б я не влюбилась в тебя?
Понимаю лишь я, ты какой,
Но живу же я, просто любя.

Говоришь, быть опасно с тобой,
Но люблю рисковать я подчас.
Знаю я, как непросто с тобой!
Но люблю тебя здесь и сейчас!

Борис Кутенков

Поэт, литературный критик, культуртрегер, обозреватель, редактор отдела науки и культуры «Учительской газеты», соредактор журнала «Формаслов». Родился и живет в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2011), учился в аспирантуре. Критические статьи публиковались в журналах «Новый

мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и мн. др., а стихи — в «Волге», «Урале», «Интерпоэзии» и мн. др. Колумнист портала «Год литературы». Один из организаторов литературных чтений «Они ушли. Они остались», посвященных рано ушедшим поэтам XX и начала XXI века. Организатор литературно-критического проекта «Полет разборов», посвященного современной поэзии и ежемесячно проходящего на московских площадках.

* * *

так тихо внутри что слова начинают сиять
ты новым придёшь — а огонь продолжает гореть
я весь продолжение спора я слово на «ядь»
своё продолжение тела как вечер и смерть

гранат разлетелся на райские атомы — бух! –
ты умер а свет бесконечен стоит у двери
ничто не вернётся собой полюбил и потух
сiju и с огнём говорю говоришь говори

так просто на райской земле отзвеневших понтов
прислушайся
голос впервые без верхнего «ля»
я первым войду в эту воду и к смерти готов

гармония
вечер до взрыва
сплошная земля

* * *

это чьё там навстречу утро звеня поя
рот беззубый раскрыло давай мириться
кто там райское время хватающий за края
нет сынок это яблоко яблоко я
голый запах родного зверинца

я давно уже вечное детство цып-цып ма-ма
стрекоза на радаре грусти мол наше наше
ты сто лет не пришёл — и меня обнимала тьма
вместе пившая горевавшая от ума
целовавшая в день пропажи

полным ртом обнимающей темноты
я теперь говорю из такого ада
что не снилось кювье
перегной позвонки хребты
это свет надо мной это облако облако ты
проплываешь и помнить не надо

а порой приснится что кухонный детский шум
а не топот орбит а не связки что петть не в силах
и с повисшим в окне дышу говорю держу
обнимая ресничный его парашют
лёгкий лёгкий невыносимый

* * *

за всемирное «а» и высотное «ц»,
за твоё беспросветное «б»
я лишился сиянья в овечьем лице
и сидящих на общей трубе

«ха-ха-ха, «а» и «б» — не единый орёл,
«ц» поближе, но виден предел», —
это адовый мальчик на свет понабрёл
и в крушение себя разглядел:

видит блеск хоровой в перспективе лица,
руки, ноги, всезнающий смех
не труби, ошалелое сердце-овца,
по рельсам идущее вверх

«ЛАСТОЧКА»

«Ласточкой» назвали скоростную электричку, соединяющую Москву с близлежащими городами.

По моему, удачное название, я тут же вспомнила Дюймовочку Андерсена, совершившую на спине птички перелёт в тёплые страны. На «Ласточке» можно добраться до Твери, Тулы, Калуги и много ещё, куда...

Особенно мы с другом обрадовались, когда три года назад для московских пенсионеров сделали бесплатный проезд. Ну, если нельзя себе позволить путешествовать по всему миру, как принято в Европе, хотя бы Россию посмотреть. Что ни город — свой кремль, соборы, легенды... Начали с Твери — всего полтора часа на скоростной электричке. Друг ждал меня у фонтана на лавочке, а я сбегала на городской пляж в Волге окунуться, жара стояла невыносимая. Но нашим планам не дано было состояться. После экстренной операции (у моего единственного близкого человека) обострилось хроническое заболевание. Врачи разводили руками и ничего не делали. Констатирую факт, его не стало. Незадолго до смерти он сказал мне: «Я своё отжил, ты должна смириться с моим уходом...»

Чтобы понять, почему я так «трепетно» пишу об электричке, следует поделиться самым сокровенным, как раньше говорили, подноготным, что не принято выносить на публику. У меня взрослые дети, трое. Одна, успешная, с детьми и мужем (который терпеть меня не может) и двое — инвалидов. Нет, они родились здоровыми, погодки... Педиатр, ещё советской закалки, потирая руки, называл их футбольной командой. Росли они в «лихие» 90-е. С мужем мы расстались. Помогать деньгами, он не мог, неожиданно оформив «инвалидность». Правда, иногда брал их к себе.

Я пыталась любимыми путями заработать. Несмотря на престижный диплом, устроиться на хорошее хлебное место не получалось. Трагически ушёл из жизни мой отец, сбила машина. Он-то и помогал мне всё время растить детей, заменяя внукам отца...

Чтобы хватило на пропитание, я вынуждена была устроиться на вторую работу — вечерним курьером в аптеку. Продукты покупала по возвращении в дежурном магазине втридорога. Старшая дочка часто жила у подруг и при первой возможности вышла замуж... Помогать братьям категорически не хотела...

Дома стали пропадать вещи. Я не сразу хватилась. Золотые часы мамы, хранившееся в шкатулке, кто-то ловко заменил моими, похожими, с позолотой... Года через два старший сын признался, что это его рук дело.

Сыновья, достигнув подросткового возраста, совершенно отбились от рук. Бороться с их прогулами у меня не получалось... После гибели деда их оставили на второй год и стали всячески выпирать из школы. Они пристрастились курить и выпивать. В те годы пиво продавалось на каждом шагу и попросить взрослого об услуге купить спиртное не представляло труда. Ничего не оставалось, как пристроить их в вечернюю школу, где они не были самыми худшими.

Годы спустя, когда мы поменяли адрес, я узнала подробности «развития сюжета», столь характерного для 90-х. На два этажа выше жил некий Виталик с мамой и бабушкой, чуть старше моих. Он-то и приучил их «расширять сознание» травкой и не только травкой. Это был его бизнес (деньги, как известно, не пахнут), благополучие его мамы и бабушки. Сам он почти ничего не употреблял, занимался спортом. Даже, когда его поймали с поличным, сумел откупиться... Говорят, они продали квартиру, было что продать...

Пришло время старшему служить в армии. Я надеялась, что там его «воспитают» и приучат к дисциплине... Не тут-то было, физически здорового сильного парня (к его преждевременной радости) завернул психиатр. Через год положили на экспертизу младшего. Оказалось, что он тоже службе не подлежит.

Не буду утомлять подробностями. После травмы были спайсы, вполне легально продававшиеся в уличных киосках, в упаковке похожей на чайные пакетики. Работать они не пошли, проживали деньги, полученные при размене квартиры. Спайсы довели до острого психоза, долгого лечения и печального диагноза, дающего право на группу.

Ради большой московской пенсии, я вынуждена была прописать их к себе в однокомнатную квартиру. Врачи предупредили, что людей с таким диагнозом не следует раздражать, так как тормоза у них часто не срабатывают... Положить профилактически в больницу без их желания практически невозможно.

Так, я превратилась в собственном доме в приживалку и служанку, одновременно.

Ночью они живут в виртуальном мире. Ругаются и спорят в чатах и на сомнительных сайтах ищут девушек модельной внешности... Утром до обеда спят. Они называют себя современными поэтами, так как сочиняют рэп. Это увлечение уличным речитативом началось ещё в школьном возрасте, когда я всеми правдами и неправдами отправляла их в лагерь по бесплатным путёвкам. Так, они

уже больше десяти лет, надеются заработать большие деньги и объяснить им, что это утопия, невозможно. Почти всю свою пенсию они тратят на дешёвые сигареты. Врач из ПНД пояснил мне, что это лучше, чем пить. Пиво они, конечно, тоже пьют, но в моё отсутствие... Вроде и не пьют, только пустые расплющенные банки я выметаю из-под шкафов при очередной уборке. Старший откровенно говорит, что без курева он не может думать... А вся их жизнь фантазия. Комната, вещи и одежда пропахли дешёвым табаком, никакая стирка не выветривает мерзкий запах. Иногда в офисе незнакомые люди делают мне замечание, зачем вы столько курите!? Да разве я курю!?

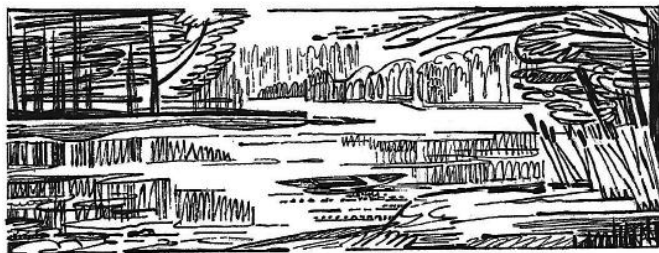
Закон, запретивший курить на лестничной клетке, защитил общество, но заставил страдать тех, кто вынужден делить с курильщиками площадь.

Один сидит в комнате за компьютером, второй на кухне. Смотреть телевизор нельзя, мы его не включаем, но я всё равно плачу за антенну. Говорить по телефону нельзя. В любой момент они могут вмешаться в разговор, кому я звоню и не их ли обсуждаю.

Убирать за собой и мыть тарелки, они не считают нужным. Все подоконники и столешницы в безобразных коричневых ожогах от забытых окурков. Я боюсь, что когда-нибудь они устроят пожар, так как им нравится курить лёжа...

А при чём здесь «Ласточка» спросит читатель. А при том, что это почти мой дом на колёсах.

Добираться до центра чуть больше получаса: можно откинуться на мягком кресле и читать. Можно позвонить по делу или откровенно поговорить со старыми знакомыми — никто не помешает... Зимой в «Ласточке» тепло и уютно, а из окна, как в сказке, застывшая Москва-река и по берегам её хрустальный лес с подсветкой, а летом сама душа радуется, когда берёзы со всех сторон плакучими зелёными ветками машут, словно в гости зовут...

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Галина Чеботкова

Москвичка, работала редактором в издательствах «Малыш», «Высшая школа», в посольстве РФ за рубежом. Публиковалась в «Литературной Газете», «Новом Венском журнале» (Австрия), с 2013 года в альманахах «Славянские встречи». Член ЛИТО «Складень», номинант конкурса МГО Союза писателей России «КРЫМ НАШ».

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Tempora mutantur et nos mutantur...

Эпоха изящных бокалов,
Стихов, золотых эпозет,
И дама перчатку роняла
Влюблённому взгляду вослед...

А музы и вольны, и страстны,
И так утончённы их жесты,
И времени неподвластны
Те мысли, что мудры и честны.

О век — очертания резки.
Воистину — век Золотой!
Там Пушкин и там Достоевский
И русской души непокой.

Лишь в мире сплошного обмана
Всё кажется нам не новым —
Так много бульварных романов,
В них нет настоящего Слова.

Но, к счастью, Земля ещё вертится,
И Бог даст, приходит черёд
Творцов и поэтов — мне верится,
Звезда их так ярко взойдёт!

Они и пробудят в нас лучшее,
Что Богом дано от рожденья.
Но, видимо, надо помучиться,
Чтоб новый явился гений?

В глаза мы заглянем вечности,
Наш мир защитить готовы.
Без правды и человечности
Не выжить нам, честное слово.

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ...

АЛЛЕГОРИЯ МОСКВЫ

Сады Москвы романтикою дышат
Иль вдохновенным светом старины...
Быть может, кто-то здесь сонет напишет,
Деревьев тень, скамейка у сосны.
Вдали от дел и суматохи вечной
Подумает о том, что бесконечно —
Порой стихи рождаются, как сны.

Люблю Царицына прозрачные пруды,
Весной в Коломенском цветущие сады,
В осенней влажной синеве небес
Измайловский наш остров, парк и лес,
Лефортово – Петра пенаты —
Там он любил бывать когда-то...
И наблюдая за полётом птицы,
Хочу в Сокольниках я заблудиться,
Но отыскать свои заветные слова:

Всё это ты — моя любимая Москва!

КРАНЦ, ДО СВИДПНЯ!

г. Зеленоградску-Кранцу

Звук моря — нота «соль» —
Прохладных волн приветы...
Грустя, словно её любимый покидает,
Нездешняя Ассоль
Спешит, легко одета,
На пирс, но не корабль, а лето провожает,

Пока горит закат...
Простор и чист, и светел,
На Куршскую косу взор устремлён.
И гонит облака
Шальной балтийский ветер
Туда, где и залив, и дюны склон...

Кто любит это,
Непременно вновь вернётся,
И россыпь улочек старинных — всё для нас.
Не ждём до лета —
Янтарём восходит солнце!
Конец сезона? Мы приедем, милый Кранц.

ПОТСДАМ. В САН-СУСИ

Как в Потсдам мы уедем с тобой,
Будет воздух такой голубой
И прозрачно-янтарной листва...
И под этой ажурной листвой
Над кружащейся головой
И фонтаны звенят, и слова.

В эту осень Потсдам станет вдруг
Нам, как будто спасательный круг.
И сады «Сан-Суси»*, не забудь перевод,
Средь деревьев, в сплетении рук,
Словно не было в мире разлук,
Обещают нам день без забот.

* sans-souci (фр.) — без забот, беззаботность.

Как забытый фарфоровый чайник,
На зелёной траве, чуть печально,
Чайный домик стоит –
Воплощенье Китая...
Утончённо рисунком играя,
Позолота на солнце блестит.

И растает тропа в акварели...
Мы, быть может, с тобой в самом деле
Забрели на край света?
Вернуться ль назад?
Но плывёт предо мною твой солнечный взгляд,
Оставляя меня без ответа.

В ВЕРОНЕ

На шумных светлых улицах Вероны
Всё дышит ощущением любви.
Затейливые окна и колонны,
Резных соборов и деревьев кроны –
Всё словно говорит: «Люби! Живи!»

Тут мрамор древний, нежно-розоватый
Согрет навеки итальянским солнцем,
Повсюду каменные львы крылаты,
И смотрят дружелюбно, как веронцы.

А во дворе, плющом-терновником увитом,
Там будто бы давно жила Джульетта,
Вслед за Ромео, под балконом знаменитым,
Признанья шепчут, так же и обеты.

Их много со всего большого мира,
Счастливых и Ромео, и Джульетт!
Вот так с благословения Шекспира
Здесь и моей души остался след.

ТРИЕСТ СВЕРХУ

По горе трамвайчик чинно
Ходит к вилле «Опичина»
Вот уже сто лет подряд.
Там, где пинии стоят – в ряд...

А над Адриатикой закат
В золотую даль уводит взгляд.
Акварельно море этих мест,
А внизу раскинулся Триест.

ФЛОРЕНЦИЯ

Звучит мелодия в соборе...
Флоренция, Firenze, fióre —
Цветок меж городов других
Италии. Ты, несомненно,
Своею красотой нетленной
Неволью пробуждаешь стих.

ДОРОГИ ИЛИ «ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ»

Сыну Илье

От Испании и до Лондона
Добирались мы ночью холодною...
Самолёт наш ночной и автобус ночной.
О, водитель ночной, пообщайся со мной!
Нас от Челси домчи к Кенсингтонским садам,
Если хочешь, тебе лишний фунтик отдам.
Там в отеле усталый отельщик нас ждёт,
Чай английский простыл, но никто не идёт.

Улыбнулся водитель, и вот мы уже
Пьём в отеле свой чай на шестом этаже.
Утром Лондон нас ждёт! На денёк заглянуть,
А под вечер лежит нам в Германию путь
И домой, снова в Вену — наш путь недалёк,
Только запад — восток, только запад — восток.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСЕНКА

Рождественские встречи,
Заснежено кругом.
Ты в этот дивный вечер
Приди скорее в дом.

С тобой заварим чаю
С душистым имбирём,

И мы не заскучаем
Вдвоём, вдвоём, вдвоём.

К тому же обещаю,
Что испеку я в срок
Со свечками по краю
Рождественский пирог.

И будут яркие краски,
Печали — далеки.
И вспыхнут, точно в сказке,
На ёлке огоньки.

Раскроем окна, знаю —
Морозная краса!
Желанья загадаем
Мы, глядя в небеса.

И в зимнем небе этом
Засветится тогда
Божественным приветом
Полночная звезда.

Кружат снежинки, тая
В волшебной тишине —
То ангел пролетает,
Надежду дарит мне.

Я ЖИВУ ОДНА

Перевод с английского. Ирландия, аббатство Kylemore

О, Господи, будь рядом со мной, ведь я одна.
Мне необходимо, чтобы Ты оставался со мною ночью и днём,
делил со мной мой кров и вёл меня по жизненному пути.
Убереги меня от опасностей. Наполни моё сердце радостью.
Пошли мне твоё спокойствие, твой дар делить его с теми,
у кого на сердце тяжесть или отчаяние.
И даже если тень Креста Твоего упадёт на мою тропу,
я вижу сквозь тьму лучезарный свет Твоего Воскресения.
Я одна, Господи, но я уверена, что твой взгляд
всегда обращён на меня, как на единственное дитя.
Пребывай во мне, Господи, чтобы я могла пребывать в тебе.
Аминь.

МЕДИТАЦИЯ НА МОЗИЧНОМ ПОЛУ

Гиперборейский ветер заглянул в нежное личико мраморной Афродиты, с презреньем отвернулся, помчался дальше, пока не прильнул, наконец, к груди каменной бабы.

«То-то и оно...» — подумала Мила, глядя вслед ветру и глядя маленькую головку античной богини, которую она нашла вчера. Как она гордилась своей находкой! Такое бывает нечасто. Куда чаще попадается коричневый череп какого-нибудь сармата или скифа. Она даже сфотографировалась с таким черепом в руках.

Мила не была профессиональным археологом. Выезжала в экспедиции только летом на два месяца, как раз во время студенческих каникул. Училась Мила в консерватории, а к археологии пристрастилась неожиданно. Ей понравился парень-фотограф, который часто ездил в крымские экспедиции, и она решила съездить вместе с ним. Он и сфотографировал её с черепом.

Может, не только увлечение мужчиной привело Милу в Тавриду. Она отличалась очень своеобразной внешностью. Девушка была невероятно смугла, так смугла, что густо загорала буквально минут за двадцать. Но при этом имела яркие совершенно голубые глаза и светловатые волосы. Мила любила спорт, а поэтому эффектно выглядела в купальнике, что и заметили все мужики в экспедиции ещё в самый первый раз. Рост сто шестьдесят шесть сантиметров — рост Афродиты, за что её Афродитой и прозвали. Но это была резкая, гиперборейская Афродита. Такого типажа наверняка не знал ни один античный скульптор. Мила считала, что её тянет в Тавриду какая-то древняя варварская кровь. Она проявляла интерес к античности, как древние обитатели сармато-скифского Крыма ко всему эллинскому. Строители грубых жилищ и создатели каменных баб с полупрезреньем, с полувосхищеньем любили разглядывать слишком белые, слишком чистенькие скульптуры эллинов. Милу вполне можно было представить себе в толпе таких вот сармато-скифских зевак.

Мила ценила в мужчинах интеллект, воспитанность и животную грубость в интимных отношениях. Этим требованиям и отвечал фотограф. Высоченный, широкоплечий, с тонким художественным вкусом, неумный и изобретательный в сексе. Миле нравилось представать перед ним нагой, так, чтобы её неевропейская смуг-

лость контрастировала с теми частями тела, которые скрывал от посторонних глаз купальник. Это особенно заводило фотографа, и он в полном смысле слова бросался на неё.

При всем своем темпераменте Мила была однолюбкой. Она не изменяла, хотя вольные условия экспедиции являлись более чем вольными. Мораль тут была гибкой, удобной, ненавязчивой. И смех, который раздавался ночами в палатках, по своей циничной громкости вряд ли уступал смеху, раздававшемуся в шатрах древних скифов или сарматов. К тому же в экспедиции имелось много спирта. И даже самые воздушные, самые интеллигентные девушки охотно пили его на походных празднествах. Простота условий диктовала простоту нравов.

Но с недавнего времени простота нравов стала Милу раздражать. Произошло это как-то неожиданно. Сидели у костра, пили за чей-то день рождения. И Милкина подружка, девчонка с мехмата, вдруг сказала: «А какая красивая мозаика ночью. Весь пол светится. Особенно хорошо на мозаичном полу трахаться. Романтика!» Мужики загоготали: «Как же ты на нём трахаешься? Жёстко ведь?» А мехматовка отпарировала: «Какие вы дотошные! Само собой, я подстилку беру...»

Мила тогда тихо отошла от остальных, хотела закурить, потом бросила сигарету и долго бродила одна. Хорошо, что её никто не хватился, даже фотограф. Ночью она впервые отказала своему любовнику. Такое случалось и раньше, но, как правило, по каким-то конкретным причинам физиологического характера. А сейчас она сказала «нет!» безо всяких объяснений и отвернулась к стенке.

Потом она почувствовала, что охладевает к фотографу. И не только к фотографу, но и ко всем мужчинам и женщинам экспедиции. Напрасно её друг пытался расспрашивать о причинах. Девушка отвечала неопределенно и односложно. Да и вообще хотелось побыстрее вернуться из экспедиции, тем более, что предстоял последний год учёбы в консерватории, защита диплома, госэкзамены.

Через неделю после разговора о мозаичном поле Мила и нашла головку Афродиты. Все очень бурно и завистливо поздравляли. находка стала маленькой сенсацией экспедиции. А Мила с ней не расставалась. И хотя не полагалось крутить и вертеть найденные ценности целыми днями, она крутила. Ей прощали. Говорили, что «Афродита» нашла себя, пусть полюбуется на собственное изображение. Милу шутки не радовали, а злили. Она потеряла в последнее время чувство юмора и всё воспринимала буквально. Было неприятно, что её сравнивают с Афродитой. Какая она, к чёрту, Афродита? Грубая и пошлая современная баба! Гиперборейка! Вроде той каменной образины, на груди которой так сладко уснул гиперборейский ветер.

Всё время вспоминала Мила шуточку мехматовки. Она её возненавидела. Ей казалось, что та плюнула в прелестную античную головку, которую древние боги Эллады столь щедро послали Миле. Постоянно Мила приходила на тот самый мозаичный пол, о котором говорила подруга. Ей хотелось его протереть. Фотограф не решался подходить к Миле и держался на расстоянии. Он понимал, что любые новые расспросы ещё больше усилят неожиданную вражду со стороны Милы.

Наступил последний вечер пребывания экспедиции на месте древней античной виллы. Завтра должны были перекочевать в другое место.

По поводу прощания с виллой все собрались около трёх больших костров. И все дружно говорили, что главная удача экспедиции на вилле — это Милина находка. За Милу и её Афродиту пили спирт. А Мила держала в руках белую головку и молчала. Когда все перепились, Мила украдкой отползла в сторону. И пошла к остаткам разрушенных колонн — туда, где был мозаичный пол.

Стояла характерная южная тишина, но было прохладновато. С моря дул едва уловимый ветер и едва-едва шевелил на небе лучи звёзд. Глядя на крупные нерусские звёзды с шевелящимися лучами, Мила думала о любимых древними мастерами изображениях осьминогов. Так вот, оказывается, что вдохновляло их! Они видели осьминогов не в море, а в небе! Они просто не делали разницы между морем, землёй и небом. Для них вселенная была едина! И они умели выходить в открытое пространство такой вселенной без скафандров! Потому и умели делать такие вот скульптурки. И девушка ещё крепче прижала к себе головку Афродиты.

Мила сняла кроссовки, носки и босиком ступила на холодный мозаичный пол. Постояла минутку и разделась полностью. Вещи бросила в одну кучу. Опустилась на колени. Стало жёстко, больно, неприятно. «Не подстилать же мне кофту, а то буду, как та... Просто сколько смогу».

Мила взяла головку античной богини и заглянула ей в глаза. Она много раз слышала о медитациях, но никогда не пробовала медитировать сама. Говорят, этому надо учиться, это сложно. А Мила решила сразу. С упрямством гиперборейки собрала все свои знания о том, как надо медитировать, и начала.

Сделала полагающиеся выдохи и вдохи, расслабила тело, хоть боль в коленях всё-таки чувствовалась, да и холод тоже создавал дискомфорт. Но постепенно Миле удалось отключиться. Она тихо поставила головку Афродиты рядом с собой и подняла лицо к небу.

Вот представила она себя на берегу тёплого древнего моря. Вокруг ни одного человека, а песок такой белый, как мрамор, из ко-

того сделаны античные статуи. Песок очень тёплый, тёплый, тёплый... Очень мягкий, мягкий, мягкий... И она мягко утонула коленями в мягком... и тёплом... песке... Из тёплого лазурного моря выходит обнажённая женщина... Она вся светится, и на голове у неё венки из неизвестных Миле цветов... Цветов... цветов... цветов...

А молодая женщина выходит из воды... из морской пены... И направляется к ней... к ней... к ней... Женщина эта — само совершенство. Но что-то в ней вызывает недоумение и протест... Что?.. Что?.. Шрам... Шрам... Шрам... Шрам на шее! Мила чуть не вышла из состояния медитации. Но Афродита успела подойти к ней и положить руки на её озябшие плечи:

— Девочка... девочка... девочка... Зачем ты взяла мою голову?.. Мое мраморное тело лежит в море... А где лежит голова, я не знала две тысячи лет. Ты нашла... Девочка... девочка... девочка... Верни мне голову... Верни мне голову... Верни мне голову... Ее отрубили грубые гиперборейцы... гиперборейцы... гиперборейцы...

— Но ведь ты же не мраморная, а живая... Живая... живая... живая... У тебя тёплые человеческие руки... руки... руки... тёплые... тёплые... тёплые...

— Девочка... девочка... девочка... Я такой предстала специально для тебя... Ты гиперборейка... гиперборейка... гиперборейка... по происхождению... но элинка... элинка... элинка... душой... У каждого... каждого... каждого человека два предка... предка... предка... Один — телесный, другой — духовный... Твой духовный предок — это я... я... я... Отдай мне голову... голову... голову...

Мила стала чувствовать, что сейчас сойдёт с ума. Никогда не думала, что в ней может скрываться такое! Как хорошо, что её никто не видит, особенно фотограф... Кретины... Кретины... Кретины...

Афродита обошла Милу, стала гладить ей волосы, скользнула пальцами на холодную грудь, коснулась сосцов... Боже, какое извращение!.. Какой перекокс воображения... Мила вся напряглась и вышла из состояния медитации.

За спиной стоял фотограф, а руки его шарили по совершенно заочневшему Милиному телу.

— Я хватился тебя, Мила. И понял, что ты именно здесь. Кажется, сегодня я всё понял правильно. Ты замёрзла. Я захватил спирт. Вот фляжка. Сейчас... сейчас... Глотни скорее...

Мила два года ходила в секцию каратэ. Она быстро вспомнила один из приёмов и с выкриком ударила фотографа. Он упал на мозаичный пол затылком. И это окончательно привело Милу в чувство. Она начала хлопотать над упавшим. Стала гладить его по лицу, шептать идиотские извинения без надежды на прощение. Он застонал, приподнялся:

— Я... я... не хотел оскорбить твои... чувства... Ты... ты... Я
весь... в крови... У меня, наверное, сотрясение... Нет, точно... со-
трясение... Идти не могу... Милка... ты, это... ну, зови... мужи-
ков... Я до лагеря... не... дотопаю... А ты... ты... меня не допрёшь...

Мила вскочила и как была, голышом, бросилась к лагерю. По-
том остановилась и помчалась в сторону моря, сжимая мраморную
головку Афродиты в нерасцепляемых руках. Вбежала в море почти
по колено и бросила свою ношу, как баскетболистка, из-за головы,
двумя руками. Белый мрамор поспешно скрылся в чёрной воде.
Вернула... Вернула... Вернула...

И вдруг Мила отчётливо ощутила, что у неё нет жалости к фото-
графу. Она просто должна выполнить свой долг. И тихо поплелась
к лагерю, голая и холодная. Она всё уже соображала, но ей хотелось
придти именно так.

А вдали горели три, казавшихся ей огромными, гиперборейских
костра. И гиперборейка, посмевающая на минуту стать эллинкой, шла
к ним. Голая. И ей живо представлялось, как на этих кострах будут
жарить ее мясо.

Рисунок Светланы Ринго

ТРОПИНКИ ПАМЯТИ

Вновь осень заметью
подхватит год.
По тропкам памяти
судьба идёт,
следы оставив там.
С судьбой сплелись
тропинки памяти
длиною в жизнь.

То листья палые,
то снегопад
на тропки памяти
летят, летят...
В метельной замети
ушедших лет
событий памятных
хранится след.

Что канет в прошлое,
а что останется
незапорошенным
на тропках памяти
и след оставит там,
чтобы кружить
по тропкам памяти
длиною в жизнь!

* * *

Две детских фотографии в альбоме:
всё та же клумба, сквер напротив дома.
Мне года три. И я, смеясь счастливо,
бегу навстречу фотообъективу.
Бегу туда, где с фотоаппаратом —
вернувшийся недавно с фронта папа.
Я с ним была с рождения в разлуке.
И вот бегу к нему, раскинув руки.

Две карточки: одна — погожим летом.
Цветы. Я в платье лёгкое одета.
Другая — осень. Я в пальто и шапке
опять бегу от той же клумбы к папке.
Там — смеха звонкого, восторженного, звуки
и крыльями раскинутые руки!
Там было детства светлого начало...
Всю жизнь сквозь годы так и пробежала!

ВЕХИ

Опять за Уральские горы
увёл меня памяти след
в далёкий уральский город,
где прожиты пять первых лет
у площади Пятого Года* —
её я считала своей
ровесницей, думая гордо:
«И мне пятый год, и ей!»

На площади этой я помню
салют, завершивший войну,
поблизости — пруд огромный,
плотину, где я в глубину
любила смотреть. Там гремела,
бурлила речная вода,
где жизнь её не замирала
и в стужу под коркой льда!
Но пруд замерзал, и на ёлку
с хозяйкою медной горы
мы к дальнему берегу долго
по льду, по тропинке брели...
...Вот в сквере гуляем с мамой,
на клумбе — красивый цветок,
на доме напротив — реклама
мультфильма «Конёк-горбунок»...

* Площадь 1905-го года — центральная площадь в городе Свердловске — Екатеринбурге.

Картинки из детства... Полвека
прошло-пролетело. И вот
тот город, где прошлого вехи.
По ним меня память ведёт.
У города имя другое,
и всё-таки я узнаю
сквозь новое — что-то родное,
какую-то веху свою.
Вот пруд, где гуляли мы раньше, —
плотина уже не та,
и где-то гораздо дальше
бурлит, вытекает вода.
Вот площадь на месте прежнем,
где мой был когда-то след.
И улицы рядом те же...
А дома, где жили, нет.
Красивей и выше что-то...
Найти только клумбу смогу
у памятника*, где на фото
полвека назад бегу!

1947—2002

«СТАРОСТЬ МЕНЯ ДОМА НЕ ЗАСТАНЕТ»**

Всем известно: дети — непоседы,
их на месте долго не удержишь.
А с годами бабушки и деды
на подъём не так легки, как прежде.
Но не я. Не подведёт зима —
я на беговых коньках стоняю!
Говорят, что я сошла с ума!
Я ж ничуть в себе не сомневаюсь!
Санкционных не было б преград,
я ещё б поездила по свету,
стран, где я была, — немалый ряд,
но ещё бы побывала где-то.
Интерес к поездкам не угас,
к новым книгам, выставкам, балетам.

* Клумба перед памятником Свердлову на ул. Ленина.

** Песня «Комсомольское сердце» Сл. В. Харитонова, муз. В. Шаинского.

С детским любопытством хоть сейчас
дельному последую совету
посетить, послушать, почитать —
я от впечатлений не устала!
Говорят, впадает в детство старость.
Я, пожалуй, из него не выпадала!

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Свет всю ночь горит в квартире,
где живут сова и филин.
Филин бродит в интернете,
в курсе он всего на свете.
А сове гораздо ближе
книга или телевизор.
Сон к утру сморит их всё же.
Мало спать не каждый может,
а у филинов и сов
на четыре-пять часов
день окажется длинней!
Их умножь на много дней —
за год месяца на два
больше бодрствует сова!
Если так шесть лет пройдёт,
набегаёт лишний год!
Сколько лет во сне теряет
тот, кто рано засыпает!

* * *

Вот говорят: «Душа поёт»...
«Душа болит»... «Душа страдает»...
Как выглядит она — кто знает?
В каком из органов живёт?
Душа? На это медицина
нам однозначный даст ответ:
«С таким названием нет гормона,
и органа такого нет».

Её пытались разглядеть,
найти, определить и взвесить.
Но не нашли её нигде!
Да не у всех она и есть ведь!

Бывает, без неё живут,
творя дела чернее ночи.
И огорчаются не очень,
что их бездушными зовут.

И всё же, всё же есть душа!
Она отзывчива, ранима!
Она присутствует незримо
во всём, чем люди дорожат.
Природы не определить
структуры эфемерной этой,
но без души не сотворить
шедевр художникам, поэтам.

Она — источник добрых дел,
любви опора и основа.
Вот струны чьих-то душ задел
певец, оркестр, смысл точный слова,
достигнув творческих вершин!
Но чтобы так случилось, в это
вложили часть своей души
творцы искусства и поэты!

Рисунок Светланы Ринго

Ретроспективная запись с хронометражем передачи о Людмиле Осокиной, о её сверхспособностях — не тонуть в обычной, пресной воде. Передача сделана съёмочной группой канала ТНТ в 2007 году.

Женщина, которая не тонет

ФИЛЬМ «ЛЮДИ X-2»

Этот фильм сделан о нескольких представителях странного племени «людей x».

Сюжет о Людмиле Осокиной, женщине, которая не тонет.

Первый показ на канале ТНТ 24 августа 2007 г.

0.01с. На экране под драматическую музыку появляется название кинокомпании, создавшей данный фильм: на черном фоне белый круг, в котором высвечивается надпись: «Soho production (Сохо продакшн) представляет».

0.04. Появляется заставка самой передачи «Необъяснимо, но факт»: звездное небо, глубины космоса, на небе расчерчен квадрат, он наезжает на далекие звезды, делая их ближе.

0.11. Смена кадра. Вместо звезд теперь показаны клетки тела человека, микрокосм. Эта картинка разделена на 2 части: вверху она идет в красном цвете, внизу — в синем.

0.15. На экране появляется бледно-синяя рука на черном фоне, внизу кадра — лес, над которым зависла летающая тарелка.

0.18. Техническое помещение. Это гараж.

0.21. Из гаража появляются 2 красных джипа, которые разъезжаются в разные стороны: один влево, другой вправо.

0.23. Колесо джипа как бы наезжает на зрителя.

0.25. Открывается дверь машины и из нее выходит ведущий программы Сергей Дружко.

0.28. Появляется название передачи: «Необъяснимо, но факт».

0.29. Смена кадра.

Городская улица, поток машин. Голос ведущего за кадром: «Летним днем так приятно оказаться у воды...»

На экране молодая девушка в красном купальнике на фоне зеленой травы, затем курортная зона: пальмы, море...

0.34. Опять девушка в красном купальнике. Она лежит на траве, загорая, но с помощью компьютерных спецэффектов очень быстро перемещается из правого угла в левый.

Голос ведущего продолжает «...Легкий ветерок... Кстати, вы умеете плавать? Не боитесь утонуть?..»

0.38. На экране появляется Людмила Осокина, барахтающаяся в своем озере.

0.41. «...А знаете, что существуют люди, которым это не грозит?..»

0.42. Людмила Осокина лежит на поверхности воды с поднятыми вверх руками и ногами, показывая чудеса непотопляемости. Камера отдалается от Людмилы, оставляя ее далеко на поверхности воды.

0.44. Кадр затемняется, и на фоне фигуры Людмилы, лежащей на поверхности воды, появляется силуэт женской головы, как бы просвечивающейся сквозь толщу воды.

0.45. Голос Людмилы за кадром: «Задумалась, смотрела на солнце, на облака...»

Смена кадра. В кадре появляется сама Людмила, сидящая на берегу озера и говорящая эти слова. Она в голубой джинсовой куртке, джинсах, зеленых босоножках.

«...вот ...и почувствовала, что не шевелюсь, и вобщем-то, не тону...»

0.54. Смена кадра. Голос ведущего за кадром. Он уже рассказывает о другом сюжете в этой передаче. Речь идет о гимнастах, братьях-близнецах, у которых сверхгибкое тело и они могут принять какие угодно позы.

«...В мире тысячи гимнастов...»

2.06. В кадре мужчина подбрасывает ребенка вверх. Ведущий продолжает: «Сила, мощь, гибкость, физическое совершенство. Во все века это считалось признаком истинной красоты...»

1.09. На экране так называемые, гуттаперчевые мальчики, мальчики-гимнасты, братья Калуцкие — Данила и Кирилл.

1.09. «Существует ли грань, которую человеческое тело преодолеть не может?..»

1.12. Мальчики-близнецы, уже одетые, сидят на гимнастическом мате в спортивном зале. Один из них говорит: «Мы считаем, что человеческие возможности тела безграничны...»

1.17. В кадре мужчина, который держит за ноги годовалого младенца и раскручивает его в воздухе. Голос ведущего: «Но, если феноменальную гибкость еще как-то можно объяснить природными данными и тренировкой, то как объяснить?..»

1.24. В кадре появляется человек, держащий на груди огромную плиту. Два человека по бокам помогают ее поднять к нему на грудь.

Голос ведущего: «...что среди нас ходят люди-магниты, способные притягивать металл?..»

1.31. В кадре человек в костюме в зимнее время года на фоне пятиэтажки. Это человек-магнит Михаил Васильев. Он сбивчиво говорит: когда в первый раз прилипло, то он просто не хотел от меня... отодрать (показывает рукой) ну это... отходить от моего тела...»

1.39. В кадре тёмный тоннель и луч света в конце.

1.42. В темноте появляется зелёный человечек. Голос ведущего: «Что вы знаете о детях-индиго? Уже мало кто сомневается: они уникальны...»

1.47. Дети на уроке в школе. Ведущий продолжает: «Но пока ещё никто не задавался вопросом: а что они думают о нас, обычных людях?..»

1.53. В кадре молодой человек, лет 28, в оранжевой футболке. Это Александр Орлов. Он говорит: «С самого начала я никогда не понимал, почему другие люди не могут делать то, что могу я. Мне это казалось совершенно естественным...»

2.02. Голос ведущего на фоне разнообразных, быстро мелькающих картинок, подводит итог: «Так правда ли, что существуют люди с необыкновенными возможностями или это наше богатое воображение наделяет их сверхспособностями?.. Кто они такие — «люди икс»?»

2.12. На экране появляется название фильма «Люди X-2».

2.19. Смена кадра. На экране появляется ведущий передачи Сергей Дружко. Он сидит на темно-синем диване в полутемной комнате. Одет в зеленую рубашку и в темно-серые джинсы. Перед ним на столе стоит видеокамера, лежат коробки с видеокассетами, также шахматная доска с расставленными на ней фигурами. Он начинает говорить.

2.21. «Люди со сверхспособностями — это уже не фантастика, а реальность...»

2.25. Камера наезжает на ведущего, беря его в кадр по грудь.

Он продолжает. «После выхода на экраны популярного американского фильма «Люди X» в нашем обиходе появилось определение для таких волшебников: люди икс. Так что же такое богатырская сила или суперпамять? Мутация? Случайная игра природы и генов? Или будущее человечества?»

Сегодня я собираюсь выяснить это, и самое главное: вы увидите то, чего еще никогда не показывал ни один российский телеканал.

2.49. Смена кадра. Городская улица. Телевизионный джип, едущий куда-то. На нем написано название передачи: «Необъяснимо, но факт».

2.51. Смена кадра. Дружко, одетый в белую рубашку и брюки, идет по тротуару.

2.55. Дружко оказывается в каком-то парке, среди деревьев. Он говорит:

«В последнее время мы всё чаще слышим о людях с необычными способностями. Но рассказать можно всё, что угодно. И как говорить, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я приехал на встречу с женщиной, которая согласилась продемонстрировать свои уникальные способности вживую».

3.13. В кадре снова девушка в красном купальнике, лежащая на траве с закрытыми глазами. Ее протаскивают по экрану слева направо.

3.14. Смена кадра. В кадре появляется Дружко теперь уже с Людмилой Осокиной. Они идут по дорожке среди деревьев. Людмила в зеленом вельветовом пиджаке, в синей юбке и синей блузке. В руках красная прозрачная пляжная сумка. Она что-то говорит Дружко, оживленно жестикулируя. Он внимательно слушает. В кадре звучит музыка, похожая на птичий свист.

За кадром начинает звучать голос Дружко:

«Это случилось около 6-ти лет назад. В такой же погожий и жаркий день, Людмила, как обычно, решила провести свободное время у воды, на свежем воздухе. Сборы не заняли много времени. Люда положила полотенце, крем для загара и бутылку с минералкой в пакет и спустилась к Очаковскому пруду.

3.36. Смена кадра. Людмила, сидящая на берегу озера, почти у воды, говорит: «Святое дело — искупаться, позагорать...».

3.38. Камера надвигается на Людмилу, берет ее в кадр по грудь. Картинка становится черно-белой, затем застывает. Сбоку справа появляется планка с заставкой из передачи в виде лилово-голубых облаков. Внизу появляется темно-сиреневая плашка, над которой под кадром с Людмилой появляется надпись: «Людмила Осокина. Поэтесса». Эту же фразу одновременно проговаривает за кадром очень жесткий голос женщины-диктора.

3.44. На экране снова появляется прежний кадр, где Людмила сидит на берегу озера. Она продолжает говорить, глядя вдаль. «...И как, обычно плавала, вот так легла на спину, задумалась, смотрела на солнце, на облака, вот... и почувствовала, что не шевелюсь, и вообще-то, не тону.

3.56. Смена кадра. Людмила плавает в озере.

3.58. Голос Дружко за кадром: «...Людмила развернулась и поплыла к берегу...».

4.1. Берег озера в черно-белом свете. Голос ведущего за кадром продолжает свой рассказ: «...выбравшись из воды, присела на растеленный коврик. Поначалу женщине подумалось, что она просто удачно легла на водную гладь. Солнце припекало и Люду снова потянуло искупаться. Заодно она решила проверить, не повториться ли загадочное происшествие».

4.19. Голос Людмилы за кадром: «...в принципе, могут многие люди держаться, лежа на спине, многие так отдыхают, когда плавают на дальние расстояния...».

4.28. Снова голос ведущего: «...Люда попробовала нырнуть, вода вытолкнула ее на поверхность. Тогда женщина легла на спину, потом на живот, потом на бок. Вывод был однозначным: она не тонула».

4.45. Городская улица. Затем южный курорт: пальмы, берег моря. Снова вступает голос ведущего: «Разумеется, Люда знала, что на свете есть места, где невозможно утонуть. Например, Мёртвое море».

4.54. В кадре Мёртвое море. Затем оно берется в рамку передачи: справа — в облачную, снизу — в темно-сиреневую. На фоне моря появляются слова: справка. Голос женщины-диктора за кадром.

4.56. «Мёртвое море. Уникальный природный комплекс, расположенный между Иорданией и Израилем. По сравнительным подсчетам в Мёртвом море соли значительно больше в среднем на 25 процентов, чем в любом другом море Земли. Повышенные испарения, особенно в летние месяцы, обуславливают чрезвычайную плотность воды. Для того, чтобы не утонуть, здесь достаточно просто держать голову над водой. За счет этого достигается разгрузка опорно-двигательного аппарата».

5.30. Опять Москва. Очаковский пруд. Людмила, лежащая на поверхности пруда среди зарослей кувшинок.

5.32. Голос ведущего за кадром. «Но ведь Людмила находилась не в Израиле, а в родном Очакове и вода в пруду была самой обыкновенной: теплой, немного мутноватой и совершенно пресной. Стало быть, дело было не воде, а в ней самой».

5.48. Дружко на фоне озера. «Когда о феномене непотопляемой женщины узнали учёные, над Людмилой был проведен ряд опытов. Специально для нашей программы она согласилась повторить их».

5.57. Людмила вылезает из воды и подходит к сидящему на берегу Дружко. Он связывает ей руки какой-то веревочкой и со связанными руками помогает опять спуститься в озеро.

6.08. Показываются кадры непотопляемости Людмилы со связанными руками, сначала на спине, потом у на животе.

6.10. Людмила берет тяжелую железную гантель и кладет ее себе на грудь, пытаясь лечь при этом на воду.

6.15. Людмила, лежа на спине, пьет воду. Голос Дружко за кадром: «Вы все видели сами. Способности этой женщины удивительны».

6.18. Людмила вылезает с бутылкой воды на берег. «Никто не знает, почему они проявились не с рождения, а почти в сорок лет».

6.25. Смена кадра. Людмила в бассейне. Голубая прозрачная вода и в этой воде очень хорошо видно, как Людмила действительно отлично держится на воде совершенно неподвижно без всякой помощи извне.

Голос ведущего за кадром продолжает. «Никакого внешнего события, которое могло бы пробудить их, Людмила не помнит. Даже не очень понимает, зачем они ей даны и как их использовать»

6.38. Голос Людмилы за кадром: «...и как-то не очень приятно его использовать в виде шоу, не знаю...»

6.44. Людмила появляется в кадре, сидящая на берегу озера «...то есть, все равно что из курицы, которая несет золотые яйца, вдруг сварить суп...»

6.53. Дружко на фоне пруда. Идет по дорожке.

«Кто знает, может, таким образом природа готовит «хомо сапиенс» к глобальному потеплению? И когда реки, моря и океаны выйдут из своих берегов, тогда и наступит время таких, как Людмила — сапиенсов-водоплавающих».

А пока я еду на встречу со следующим представителем странного племени «людей икс». Чем удивят меня они?»

7.15. Смена кадра. В кадре знак, установленный на берегу озера: «Купаться запрещено».

Конец сюжета

МИСТИЧЕСКОЕ

* * *

Грезится нечто у темной воды...
Это оно оставляет следы,
Там, у болотца, под старой ольхой, —
Глянь-ко! — поплыло над сонной рекой...

Заворожило, закружило тут,
Словно бы кружево ведьмы плетут...
Захотало вблизи и вдали,
Прыгнуло что-то у самой земли...

Ну а потом пронеслось по воде,
Заголосило неведомо где...
Кружится нечто у самой реки...
Заворожённо сидят рыбаки.

27.07.2014

* * *

Облака при небе
На пределе лета
Растворились в неге
Солнечного света.

В зеркале озерном
Блики и мерцалы,
В зазеркалье черном
Рыбы и русалы.

Я качаюсь где-то
На озерной глади,
Ласковое лето
Солнцем меня гладит.

Поплыву беспечно
Я к небесной мани,
Растворюсь навечно
В солнечном тумане.

23.07.2014

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Ты качаешь меня на ладонях. Мне снова тридцать.
Ношу каблуки и костюм голубого шелка.
Спим на полу. Что тебе, милый, снится,
Осенью грустной и зимой пронзительно звонкой?

Ты качаешь меня на ладонях. Мне снова тридцать.
Целуешь лицо и руки — дрожит всё тело.
Я устала быть бабой, милый, птицей-синицей.
И сейчас журавлем улетаю в синее небо.

Ты качаешь меня на ладонях. Мне снова тридцать.
Снег всю ночь поливает хмурые крыши.
Зорко лишь сердце, милый, меняются лица.
Зорко лишь сердце. Глазами всего не увидишь.

* * *

Вот она, я — смотри.
Протягиваю ладонь.
Пусть за окном дожди -
В камине горит огонь.

Вот она, я — смотри.
Водопад из рыжих волос.
Что у меня внутри? -
Станный такой вопрос.

Вот она, я — смотри.
Нараспашку душа. И глаза
Освещают мир изнутри,
Даже если светить нельзя.

* * *

Сегодня захотелось умереть,
Отпив из чаши голубого неба,
Ты, как трамвай, опять свернул налево.
Я, как свеча, сгораю тихо здесь.
И Смерть сидел, довольный, за столом.
Пил чай и грыз баранки бодро.
Рукой схватил безжалостно за горло,
Когда пыталась прочитать псалом.
Я жду июль — последний мой рубеж
Рифмую слоги, буквы, строчки
Трамвай сломался. Остановка. Точка.
И лишь подсвечник снова юн и свеж.

КАРТИНА

Снова с кошкой вдвоём в опустевшем доме.
И занавески в оконном проёме
Грустно машут красными флагами.
Не вылечить душу тряпками старыми.

Легко претвориться — трудно стать настоящей,
Лёгкой, манящей, в рубашке прозрачной.
Как Марк и Бэлла над Витебском сонным
Лететь с любимым над горизонтом.

Говорят, что женщин меняет горе.
Или любовь. И не будем спорить.
Я не верю больше словам без дела...

...прощаюсь, Марк.
Целую.
Бэлла.

* * *

Мёрзнут ноги. Надо купить себе тапочки,
Шерстяные носки, пальтишко и модный снуд.
Снова в окне бьются насмерть белые бабочки,
Но похожи они на осенних озлобленных мух.

Мёрзнут руки. Не согревают перчатки.
Варежки на резиночках в рукавах...
Мне пять лет. В кроличьей шубке и шапке
Еду гордо на сильных отцовских плечах.

Холодно! Холодно! Обещают морозы за тридцать.
Как бы не спиться от кофе и коньяка!
Да, на всех не хватает маленьких принцев.
Кому-то достанутся сразу три толстяка.

Мёрзнут руки и ноги. Не помогает пальтишко.
Где с галошами валенки? Съела моль.
И на земле наступает затишье.
Ветер шепчет сонату в тональности до-бемоль.

* * *

Снова дымчатый кот заберется ко мне на колени.
Замурчит свою песню о вечной любви.
Холодно как! Надо бросить поленья
В очаг. Не молчи — говори.
В холодильнике суп, на плите макароны и гречка.
Вымыт пол, вытерта пыль. Полный дзен.
Только время ни капли не лечит.
Нас обманули. Не знаю зачем.
И домашний уют — вечная каторга женщин.
Страшный сон или на шее петля.
В жизни так много разрывов и трещин.
Странно мне, что ещё не сломалась сама.

КРАСНЫЙ ФЛАГ ОДИНОЧЕСТВА

Мне хочется тебя обнять.
И снова губы пересохли.
Зима за окнами. Опять
Черны домов пустые окна.

И каждый вспрыгнет в свой вагон.
И утро побежит по рельсам.
Ключи, помада, телефон...
И только сердце, снова сердце

Сожмется в домике своём
И левое плечо заноеет.
Имеем и не бережём,
Чужие исполняя роли.

И одиночество флажком
В такт сердцу замахает шустро.
Имеем и не бережём...
И жить в гармонии — искусство.

* * *

Жизнь — забавная штука, как не крути.
Ты с ней в покер, она — в поддавки.
Катится, катится колесо —
Многообразие слов.
Пахнешь парфюмом и ресторанным борщом.
На лице — отблеск луны.
Тихо шепчу: расслабься, всё хорошо.
Пусть приходят желанья и сны.
Жизнь — забавная штука. Скоро весна.
Пешки разбиты червовым тузом.
Катится, катится колесо.
Ом, шивайя! — слышишь меня? — просто Ом.

Рисунок Светланы Ринго

Кшиштоф Мария Сенявский

(1951-2001)

Польша

ЕВГЕНИЯ СЛАВОРОССОВА

ПОЧТОВЫЙ РОМАНС

(выбранные места из переписки друзей)

Стихи К.М. Сенявского в переводе Е. Славороссовой

Продолжение. Начало «Истоки» №14.

Кшиштоф – Евгении

Варшава, 14.01.1980

Здравствуй, Женечка!

Не выразить мне этих чувств, этого восторга. Я едва что прочитал Твои переводы моих стихов — и погрузился в голубой океан — счастья? благодарности? изумления? Всего, милая. Ты, действительно Колдунья! Красивые эти переводы — это мало сказать. И они первые? Женя — ведь Ты вундеркинд — и слов не хватает сказать, какой великий талант у Тебя! Кстати сказать, я даже удивлён тем,

что это я сам когда-то выдумал эти дальние дали, это всё... Но ведь показалось, что не зря я писал до сих пор свои стишки, хотя чёрные вороны непрерывно кружили надо мной, каркая: «Это глупость! Перестань!» (...) Женечка, ну как сказать теперь эти все слова, которые жгут мои губы и уснуть спокойно не дают????!! Слов не хватает, повторяю. И снова надо за Булатом повторить: «Давайте понимать друг друга с полуслова...» (...)

Дорогая, пишешь, что Ты прочитала подборку стихов молодых польских поэтов. Жаль времени, Женя, поверь же. Прежде всего, какие они молодые? Выше сорока! Мальчишки, нет ли? Во-вторых — то, что они пишут, это, наверное, не поэзия. Видишь, Женя, я всегда пишу с рифмой и ритмом, а у нас какие-то дураки-мудрецы сказали, что рифма «пережилась». И сейчас все могут писать стихи и печататься, даже и мой младший брат, которому всего 15 лет. Порою, откровенно говоря, жить здесь неохота...

«Что они все одурели?», — спрошу я снова за Булатом. Почему один с вторым зануда-профессор или какой-нибудь гражданин редактор одурачивают людей? Ведь, бога ради, никто из нас не манекен? — И спасибо большое Тебе за то, что Ты написала о рифме — это и мой суд. Мы поговорим об этом ещё много, потому что это — по-моему мнению, очень важная проблема. Самая главная в поэзии, в этой — как писал Костя Галчинский — *angelologii* (ангелологии) (между прочим, в детстве я через 2 месяца жил в квартире Галчинского — напишу ещё об этом).

Теперь в Польше Ты найдёшь рифму только, пожалуй, у Эрнеста Брилла и, разумеется, у меня, но я ещё пока что не такой известный, но посмотрим, когда народ познакомится со мной.

Этих польских «молодых» — Гостковского, Барана, Борушевского, Корнхаузера, Боцян — и множество других «мальчишек» — я знаю, хотя совершенно не хочу их знать. Я читал их ужасные верлибры, говорил с ними — ну и что? Ничто — это пустообрёхи, пустомели (...). Это, извини, пигмеи — и они никогда не увидят этих сказочных стран, где мы друг с другом гуляем от зари до зари...

И очень хорошо, Женечка. Жаль говорить...

Как я рад, что Норвид попал Тебе в руки! О — это Человек, его читай. А когда окончишь — начни сначала. Никогда недостаточно того. (...)

Женя, теперь несколько слов на тему: Евтушенко. (...) Я выступал вместе с Евтушенко в Варшаве в 1975 году — на сцене Общего Театра. В то время мы познакомилась — и, надеюсь, наша дружба длится до сих пор. Его стихи были первыми русскими стихами, которые я перевел на польский язык. Килограммы произведений автора «Братской ГЭС» я уже перевёл. Сейчас я отдаю издательству боль-

шую книгу моих переводов Евтушенко. Какие они — не знаю (музыку я не погубил!), это уже критики оценят, но только скажу: я в Москве прочитал некоторые из них Шкляревскому (которого тоже довольно много перевёл). Игорь сказал, что на польском языке это звучит лучше. Но может это профессиональная зависть? Ведь Твой тёзка лучше Шкляревского, что ни говори... Хотя очень люблю и автора «Лодки», бывшего боксёра, который принимал меня в своей квартире и в Союзе Писателей... Ах, Игорь... Полюбил я его, и эти все бесконечные разговоры, эти воспоминания, и эти долгие беседы, эти шутки, эти легенды... Почему в Польше нет таких людей?! А ведь жить без них — невозможно. Невозможно, Женя — понимаешь?!

...Извини, дорогая, я тотчас успокоюсь.

Последняя книга Евтушенко — «Утренний народ»... Мне кажется, что его талант немного ослабел. Но и здесь нашёл я Настоящие Стихи... (...) И что? Выхода нет — надо переводить!

Женечка, мне не терпится отправить это письмо в Москву, чтобы оно быстрее прилетело на окошко квартиры номер семь. Итак, скажу ещё, наконец, что — может быть — я приеду в Москву в 1980 г. Я с друзьями готовлю к печати книгу переводов на тему «Спорт в СССР». Да, олимпиада... Может быть, наградой будет полёт в Москву! Кроме того, я остался членом зарубежной комиссии Союза Польских Авторы и Композиторов (ZAKR). Я буду заниматься вашей страной. В этой комиссии я работаю вместе с Агнешкой Осецкой, Вандой Хотомской (очень интересная поэтесса, но она пишет только для детей), Северином Краевским (основателем ансамбля «Червоны Гитары») и другими. Всё равно, дорогая, я быстрее или позже в Москву приеду. Жди. А, может, Ты приехала бы когда-нибудь в Варшаву? Ведь я могу пригласить Тебя — и уже приглашаю...

Женя, я жду Твоих очередных стихов. Без них тоже жить невозможно. Без них — прежде всего. И страшно представить мне теперь, что я мог в 1976 году не найти этой «Юности»... Ей богу, мысль страшна об этом. Ужжжассс...

Женечка, желаю доброй, спокойной ночи — и пусть приснятся Тебе — лебединое озеро, и блистательный Воланд, и мост в осколках света, и красный конь — и всё, что любишь, всё, что можно Тебе пожелать в эту морозную святую ночь января... Прилети и ко мне во сне, прошу, хотя бы только потому, чтоб взять с собой эту улыбку, которую хочу Тебе сегодня подарить. А теперь — позволишь? — я снова приглашу Тебя в путешествие. Былое — далёкая страна.

До свидания, Чародейка!

Твой Кшись

P.S. Это письмо отправлю — начну другое, следующее — длиннее всех!

Ведь не хочу расставаться с Тобою ни на минуточку. Просто нет меня без Тебя. И всё. А другие люди, другие вещи, другие дела — это всё мелочи. А Ты одна — Красавица Вселенной. И хорошо. Очень-очень хорошо!!!! (...)

P.P.S. Женя — со мною всего доброго желает Тебе вся великая Варшава.

Она тоже не хочет уснуть... K.S.

КУРС НА ВЕЧНОСТЬ

*И имя, и даты,
И адрес скрывая,
Ты мчишься куда-то
В заблудшем трамвае.
Летишь на рассвете
По спящей столице,
Средь стольких столетий
Легко заблудиться —
В гремящих вагонах,
Эпохах, трактатах.
Взяла ль у Вийона
На память дукаты?
Тебе пел Есенин
О белых берёзах,
Но скрылась в весенних
Бушующих грозах.
И Вертеру Гёте
Приснилась такая.
Я душу свою
На тебя обрекаю.(...)*

Евгения — Кшиштофу

Москва, 19.01.1980. Крещение

День добрый, Кшись!

«Раз в крещенский вечерок девушки гадали...». Гадала Пушкинская Татьяна, гадала Светлана Жуковского, да и мне, честно говоря, тоже хотелось бы погадать о своём будущем. Но для этого я не лью расплавленный воск в воду, не раскладываю карты, не жгу бумагу, не ставлю свечку перед зеркалом (а кофе у меня сегодня вообще нет) — я сижу в вечерней тишине и напряжённо вслушиваюсь в

могучее и грозное дыхание Того, имя кому Природа или Бог, Высший Разум или Первопричина, Рок или Судьба. О моих взаимоотношениях с Судьбой я напишу тебе когда-нибудь.

И знаешь, что мне кажется? Наше с тобой знакомство — это не дело Случая, а проделки Провидения, и запись о неизбежности нашей встречи давным-давно сделана в Книге Судеб.

Картина за окном, как стихотворение Лермонтова:

*«Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит».*

Вот и мы с тобой, Кшись, говорим, как звезда со звездой, которые посылают свой свет друг другу, а доходит он до них через миллионы световых лет. Нет, в самом деле, можно подумать, что ты живёшь где-нибудь в Австралии, или что письма доставляются при помощи почтовой кареты, запряжённой четвёркой черепах, и не существуют на свете ни поезда, ни самолёты. Может, стоит завести голубиную почту? Или запечатывать письма в бутылки и бросать их в реку?

Вечерок сегодня волшебный и в голову лезет всякая чародейская чепуха (но, по-моему, ты имеешь к ней некоторое отношение).

«Снип-снап-снурре, пурее-безелюрре!» — не пугайся, я не сошла с ума — эти слова говорит Сказочник в «Снежной Королеве» Андерсена (вернее, Шварца, написавшего пьесу по этой сказке). «Снип-снап-снурре...», — говорю я, обмакивая перо в чернила (да, да, самое настоящее перо, правда, не гусиное, а школьное, и в самые настоящие чернила). А чернильница у меня старая и похожа на стеклянный кристалл (может быть, такой чернильницей Лютер бросал в чёрта?).

«Снип-снап...» — и мир становится таинственным и прекрасным, то есть таким, какой он есть на самом деле, а набежавшая влага восторга и счастья вымывает из глаз и из сердца осколки льда, как это случилось с мальчиком Кшисем... ах, извини, я хотела сказать с мальчиком Каем.

Начиная письмо, я хотела поговорить с тобой совершенно серьёзно о важных вещах — о снах (ведь ты тоже сновидец-ясновидец), о бессмертии души, о Неопознанных Летающих Объектах — и что же? Болтаю какую-то ерунду, какое-то «Снипснапснурре».

Спасибо тебе за солнечные фантазмагии твоих стихов... Е.

Кшиштоф – Евгении

Варшава, 16.01.1980

Дорогая! Как мне поблагодарить Тебя за Твою память, за Твою доброту? Снова получил дорогое письмо!!! Снова восторг! Спасибо, Женечка — за фотографию (очаровательные — и Ты, и ель, и стих!) Да, это самая красота — но я не знаю, что теперь со мною будет. Ах, тоска... Как же нет?

Спасибо и за стихи, за все Твои — неоценимые слова. Ты так прекрасно говоришь, Женечка. Я вижу весь Дагестан, когда слушаю Твоей любимой речи. Никогда я в этих сказочных странах не бывал, но теперь могу сказать: видел... И это будет великая правда, чтоб там ни говорили разные глобтроттеры.

Вчера произошло заседание этой зарубежной комиссии, о которой я уже писал в последнем своём письме. Показалось, что я очень часто буду ездить в Москву, но вернее во второй половине года. Они хотят послать меня в Болгарию, на фестиваль в местности Солнечный Берег, но я вероятно откажусь. «Хороша страна Болгария — а Россия лучше всех!» — сказал я, как Исаковский. Но, может быть, что я буду вынужден поехать, хотя не хочу. Впрочем, и другие международные фестивали приглашают: французские, японские, германские, чешские. А мне — только в Россию, в Москву! Глупое сердце — не бейся... Но ведь это одна на свете сторона — и всё. Дайте жизни, люди добрые...

Женя, Ты не сердись, прошу, что сегодня очень коротко. Просто я уезжаю теперь в Лодзь — надо заглянуть в издательство. Я очень быстро вернусь, день не успеет пройти, и я снова появлюсь в Варшаве. И снова буду ждать Твоих слов, Дорогая Женечка... И писать свои новые слова-птицы, и тосковать. Я начал писать большую поэму под заглавием — ну — отгадывай... «Ангел Евгении»!!

Повезёт — наверно! (...) Твой Кшиш

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

*Ярославна, на Русь возвращаюсь мою,
Что отдать не могу упырям-вурдалакам.
Ты увидишь сквозь слёзы — убитый в бою
Мёртвый Игорь идёт, до сих пор не оплакан.
К винной чаше протянутся руки мои,
И зажгутся святого Георгия свечи.
Это пламя в моей неостывшей крови —
Это верной любви долгожданная встреча.*

*Возлюби же сильнее, чем скорбящая мать,
В стрелах тело моё — воронью угощенье.
Ярославна, к тебе возвращаюсь опять.
Так отпразднуем день моего возвращения!*

Евгения – Кшиштофу

Москва, 26.01.1980

Dzien dobry, Krzys, вернее Dobranoc (потому что уже 12 часов ночи). Но разве я смогу уснуть, если не напишу письмо, немножко сумасшедший и совершенно фантастический Кшись?

Сегодня! Я!! Получила!!! Сразу!!!! Три!!!! Твоих!!!! Письма!!!! Увидев эти длинные узкие конверты, осыпанные, как поцелуями, яркими марками, я исполнила вокруг стола победный танец туземцев с острова Пасхи.

Кшись, если я скажу о твоих переводах даже 1000 раз спасибо (спасибоспасибоспасибо...) и 10.000 раз замечательно (замечательночудеснопотрясающе...) — это и в малой степени не выразит всего того, что я хочу сказать. Поэтому я говорю: «Чудеса!» и «Не может быть!», и «Боже мой!», и «Вот это да!», и «Ах!», и «О!» и «слов уже нет — лишь поток междометий» и «дальнейшее молчание», как сказал Гамлет в переводе Пастернака.

Ты, наверное, плохо представляешь, какие геракловы подвиги я совершаю, бросившись очертя голову, в польские стихи, да ещё такие сложные и необычные, как у тебя, не зная польского языка — как ребёнок в океане, не умеющий плавать, как человек с завязанными глазами в чаще леса. Правда, меня выводит на верную дорогу моя интуиция. Но пока я сумела прочесть всего несколько твоих стихотворений. И всё это просто здорово! А ведь не так уж легко что-то может мне понравиться, и я не могу хвалить просто из вежливости. «На станции Польша» и «Возвращение из похода» потрясают — аж мороз по коже. Это так честно, так пронзительно и глубоко. А твоя «Та весна» трогает до слёз, я ведь порой чувствую себя такой «девочкой из стекла». Лесные стихи мне так близки — как будто мы с тобой играем в четыре руки. Так хочется всё это перевести! О стихах надо писать по-настоящему, и хоть я могу говорить без конца, но уже час ночи, и несмотря на то, что я отношусь к разряду полуночников и сейчас мой «звёздный час, приходится заканчивать это письмо.

Ещё несколько слов. С тёзкой Евтушенко я лично не знакома (хотя видела его не раз), но зато хорошо знаю тёзку Винокурова, который ведёт в студии «Зелёная лампа» при «Юности» семинар поэ-

зии. Это чудный человек оригинального и парадоксального ума и блестящей эрудиции. Он написал: «художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться», но считает, что научить писать стихи нельзя. И поэтому, собираясь в небольшой комнатке в редакции «Нового мира», где он заведует отделом поэзии, мы просто читаем стихи и разговариваем о высоком и прекрасном, о жизни и смерти, о поэзии и поэтах. Игорь Шкляревский не раз приезжал к нам в университет.

Завтра иду выступать в Политехнический музей, где гремели шестидесятники.

На остальные письма постараюсь ответить завтра или послезавтра.

И разговор о Летающих тарелках снова откладывается.

Твоя сумасшедшая подружка

* * *

*Разве я сумасшедшая? Что вы!
Но исполнена верной любви
Обнимаю тот ящик почтовый,
Где скрываются письма твои.
Не мутится мой разум, поверьте!
(Пусть проверит судебный эксперт)
Хоть целую бумагу в конверте
И целую почтовый конверт.
Разве я слабоумная? Бросьте!
Ничего в этом странного нет,
Что иду я на почту, как в гости,
Крася губы в заманчивый цвет.
Как поэты, безумна, не больше
(Пусть покой обретут доктора!),
Хоть беседами с картою Польши
Заполняю свои вечера
«Встанет сад мой над грудой развалин!» —
Бормочу я средь белого дня.
...Но убийственно трезв и нормален
Мир, глядящий в упор на меня.*

Женьшень

КШИШТОФ – ЕВГЕНИИ

Здравствуй, Женечка!

И вот я заболел!

Этого ещё только не хватало...

Повышенная температура, горло болит, снова Зима победила меня — ну и что делать? Ложился я в кровать, обложился Твоими письмами и книгами русской поэзии, и таким образом пробую вылечиться.

Много прочитал в последнее время — из современной поэзии... (...)

Из московского журнала «Советская литература» я получил заказы на переводы. Срок — 10 февраля. (...)

Ужас — ну и что? Надо дальше жить, хотя порою невозможно... Удивляться этому белому свету, тешиться, смеяться, гулять куда-нибудь.

Цикл природы... И эта тоска...

...И не забыть того, чего не надо забывать. Вот — дорога...

Женечка, прости — я очень и очень болен — после того пребывания в Лодзи. Потому и говорю, как Иванушка-дурачок.

Перевёл уже последнее Твоё стихотворение (спасибо за посвящение!) и, когда только я выздоровею, начну это всё печатать в журналах. Например, в «Дружбе» будут Твои стихи и несколько слов от меня, а потом в журнале «Вместе» и где там получится.

Много этих журналов, а плохо у нас с настоящими стихами (как уже писал), потому проблемы нет. Будут они, наконец, печатать Великую Поэзию. Всё.

Я теперь уже буду оканчивать, Женя. Пора мне взять какие-то лекарства и уснуть, хотя бы на три-четыре часа. Голова тоже болит. Что это за год?

Быстро снова напишу. И о стихах Твоих тоже (много — это будет почти статья...). (...)

Желаю Тебе — и всем, которых любишь — СЧАСТЬЯ и множества солнечных дней.

Dobranoc, Zenia, — Twój Krzys

P.S. «Ангел Евгении» — почти готов. Встаньте, товарищ Лермонтов

Из главы IV

*Евгения — нежнее — Женя —
Вот Ангел Твой с благою вестью:
Зажги огонь воображенья
И на седьмое небо — вместе!
Где только мы да Вечность дышит,
Где Бог стихи Твои услышит...*

Евгения – Кшиштофу

Москва, 31 01.1980

День добрый, Кшись!

У нас наступили ужасные морозы. На улицах холодно и красиво, а краски самовольничают, как на картинах постимпрессионистов — небо зелёное, солнце оранжевое, снег синий, а дым розовый.

Но я хотела рассказать тебе о Неопознанных Летающих объектах.

Прошлой зимой морозы были совсем уж бесчеловечные, а Москва ждала прихода Пришельцев.

По городу ходили самые достоверные слухи, что над Петрозаводском Летающие тарелки устроили иллюминацию на всю ночь, а над тайгой летают огненные запятые, что загадочные объекты, плавая под водой, пробили при подъёме толщу льда в Ледовитом океане, а одного англичанина инопланетяне забрали к себе на два года. Все мои знакомые рассказывали невероятные истории с живописными подробностями о встречах с НЛО.

Я с надеждой всматривалась в небеса, но со мной они проделывали совсем уж бессовестные штучки — как только я замечала на небосклоне хорошенькую Летающую тарелочку, она тут же превращалась в огни самолёта, прожектор над стройкой или фонарь на подъёмном кране.

Энтузиасты контактов с Братями по разуму из Внеземных цивилизаций (пускай даже они представляют собой синюю плесень или радиоактивное облако, или мыслящий Океан, как у Лема) проводили многочисленные лекции. И я присутствовала на такой лекции. К нам на работу пришёл лектор (по профессии океанолог) с загадочной фамилией Ажажа. Он, как дважды два, доказал близкое появление пришельцев, показал их фотографии, произвёл классификацию их летающих аппаратов. Пришельцы, оказывается, бывают двух видов: маленькие круглоголовые в облегающих скафандрах (возможно роботы) и высокие красавцы-гуманоиды в серебряных одеждах, говорящие на любых языках, очень доброжелательные (особенно с женщинами).

После лекции я с нетерпением стала ждать явления пришельцев и сочинять им приветствие.

Но Братья по разуму, проявляя завидное упорство, придерживаются политики невмешательства и предпочитают сохранять инкогнито.

И наше бедное Человечество вынуждено пропадать от одиночества.

Сегодня прочла «Курс на вечность». Кшись! Кшись! Кшись!

Могу ответить только стихами. Что я могу ещё сказать? Е.

* * *

*Испишу все белые снега,
Потолок, сырой песок на пляже,
Все поля, дороги и стога,
Стены всех домов вокруг и даже
Небосвод, где многоточья звёзд,
Месяц — золотая запятая,
Млечный Путь, что выгнулся, как мост,
Облака, что пролетают тая.
А потом все волны всех морей,
Водопад и листопад осенний,
Чтоб озябший дождь принёс скорей
Дрожь моих посланий-донесений,
Чтобы, наклонившись над травой,
Ты узнал мой почерк невозможный,
Чтобы над твоею головой
В стае птиц летел мой стих тревожный...*

Кшиштоф — Евгении

ЖЕНЕЧКА — здравствуй — спасибо, Черноглазая, за то, что пишешь так часто! Это неоценимое для меня! Женя, Ты не беспокойся, прошу: Я уже выздоровел или почти выздоровел. (...)

Завтра, наверное, уже буду гулять по зимней Варшаве, ну, а, если будет грустно — я открою свой бумажник и погляжу в Твои любимые чёрные глаза — и грусть очень быстро пропадёт, проклятая. Не хочу её, Женя — она мой наибольший враг...

Но всё-таки я сейчас очень рад — ведь я не расстанусь с Тобой. Ни на минуточку. Не знаю — согласишься или нет — но Ты действительно едешь со мной на варшавских трамваях, заходишь со мной в кино — мы вместе бежим рано утром на работу... Мы друг с другом неразделимы. Вот — шарлатаны-поэты, граждане Страны Чудес... Но всё-таки мы победим, Женечка — ещё увидишь! Великое Дело впереди и — честное слово — глубоко верю, что «суровые историки» будут ещё о нас писать премудрые научные работы на звание магистра или доктора... Тема, по-моему, интересная — нет ли, Женечка? Скажи сама...

Я писал, что статью пришлю, но — извини — если б я начал теперь переводить это всё на русский язык — волосы стали бы дыбом на голове.

Я статью отдал к печати, кроме неё тоже два стихотворения: «Красный конь» и «Белый дым на глади синей...» Когда это выйдет

из печати (журнал «Дружба»), я сразу пришлю этот журнал. Март-апрель — не знаю. Но — будет!

Люберцы... Ты права, Женечка, это Город Любви (...) «Так я вижу Люберцы своими зелёными глазами.

А знаешь. Женя, — это вероятно телепатия: ведь я в своей статье написал немного о Тебе, не зная ничего — и смотри: всё оказалось правдой! Твоё письмо всё подтвердило! Ничто другое, только граф Калиостро всё это подсказал... Но я в догадке хорош. Мастер, можно сказать, хотя ещё не Воланд. У меня шестое чувство. Я знал, как Тебя выбрала поэзия! Это могло произойти только так!

Со мною, Дорогая, было так же...

Женя, я «Трёх мушкетеров» до сих пор читаю ежегодно. Одна из моих книжек — навсегда. И «Алису» тоже всё и всё читаю — это вечный возврат (Женя, а как по-русски *Zwarowany Kapelusznik*?)

Кстати сказать — главная тема моего романа тоже: вечный возврат.

Это история человека, которому не повезло — его борьбе — его любви — его возвращению в «штат чудес». Лирическая проза, но это тоже роман «с приключением». Действие очень быстрое, много в этом романе разных скандалов, побегов, «сильных сцен», эмоции. Я это очень давно писал — в 1970 году — и сам теперь не знаю, где я этот несчастный роман под заглавием «Стремглав» спрятал в своей квартире. Буду искать его. Вчера нашёл пьесу свою «Возврат». Пришлю её. Пока что я сам это читаю — и я удивлён — это я написал? В этой пьесе появляются такие лица: Арлекин, Коломбина, Братья Пираты, Человек с чемоданом — и другие. Это было поставлено студенческим театром «Сигма» в Варшаве четыре года тому назад. Я даже сам сыграл тогда роль Человека с Чемоданом. Ну что ж — юность, весна, университет... А теперь?

Теперь, Женечка — Ты. Единственное слово во всем мире. А в нём — всё — и море, и сосны, и далёкие звезды, и этот «полночный троллейбус» из песенки Булата, и все Страны Чудес...

Завтра пойду в город. Я начинаю новую работу. Буду работать руководителем дома культуры в одном из кварталов Варшавы (из Хомичовки надо ехать на второй конец города). Надеюсь, что это будет интересная работа. Занятий, как видно, много у меня — ведь и эта зарубежная комиссия! — но, мне кажется, это очень хорошо! Пока Ты со мной — ничего не боюсь, Дорогая.

Спасибо, Женечка — спасибо, моя Черноглазая Царевна!

До следующего письма, Милая — и — до свидания — (всё впереди!)

Pamiętaj — Twój Krzys (...)

P.S. Женечка — Твоя книга в Польше — это не сказка. Она будет — и, может быть, быстрее, чем в Твоей стране, А потом будут, надеюсь, следующие. Как, Женечка? Ну — скажи — охота жить?

P.S.2. Буду Заболоцкого переводить! Вчера одна знакомая гражданка подарила мне книгу стихов автора «Лодейникова». Это просто гений! Снова открываю эту таинственную галактику...

P.S.3. Женя, я сегодня рано утром прочитал чудесную сказку Астрид Линдгрен — «Карлсон, который живёт на крыше». Прекрасная, мудрая, добрая. Детская литература? Ах, нет. Ведь и Ты тоже хотела жить на крыше. А я мечтал, чтоб когда-нибудь перепрыгнуть одно из высотных зданий в Варшаве. Приснилось мне даже, что я сделал это, а потом улетел прямо в солнышко. У меня был летающий ковёр. Другой сон: глубины океана. Я там жил, гулял, любил! Я написал в 1973 году цикл стихов «Rybi świat» об этом. Пришлю ещё и эти стишки.

P.S.4. Chomiczowka лежит тоже «за дальней далью — где-то там за краем света», хотя вблизи Варшавы. Тоже сорок минут езды на автобусе до центра города. Я живу на 13 этаже и в моей квартире — огромное небо. Когда я подойду до окна, вижу великие леса. Это — Pusza Kampinoska.

Но я рос не здесь — а в самом центре. Там родился, учился, встречался с первыми снегами, там шатался под дождём... Но это всё-таки надоело. Этот шум, эта вечная поспешность...

Два года назад умер мой старый дом.

Новостройки растут и в центре города...

Но я был рад. Люблю лес и тишину, Женя...

P.S.6. Быстро пришлю свои стихи о Древней Греции и Древнем Риме. Это тоже писал. И многократно я возвращаюсь к этим Мифам. (...)

Ты — моя Ариадна.

P.S.7. «Ангел Евгении» ещё не готов. Ещё 4 главы — и конец. (...) K.S.

Из главы V

*... Снова сказку расскажу про дорогое:
Это солнце, это вёсны, это птахи —
Это жизнь... Хоть в голове моей другое:
Это страхи, это крахи, это плахи.
Но живу. Лишь для тебя (И с небосвода
«Никогда!» — бросаю девушкам манерным).
И хоть ты — ничья, как ветер, как свобода,
Твой слуга я, твой невольник, Ангел верный!..*

Евгения – Кшиштофу

Москва, 5.02.1980

Надеюсь, ты уже окончательно выздоровел, а то я хочу предложить тебе один старинный рецепт. Древние арабы называли насморк «ветер в ноздрях» и лечили бирюзой, истолчённой в новолуние.

Итак, «февраль. Достать чернил и плакать, писать о феврале назврыд», писал Пастернак. Чернил, как видишь, я уже достала, а писать собираюсь о своих Снах.

«Жизнь есть сон», — утверждает Кальдерон. «Сон есть жизнь», — утверждаю я, потому что сны мои не менее ярки и увлекательны, чем жизнь. Сны у меня художественные, цветные, многосерийные, фантастические, с приключениями, необычными ощущениями, световыми эффектами, пророчествами и ужасами. Но, не уподобляясь тем людям, которые любят бесконечно пересказывать свои сны, я расскажу тебе только о двух из них.

Сон о Пастернаке. (Илья Эренбург назвал его стихи «формулами звукового блаженства»).

Итак, мне снился сон. Изложить его трудно, настолько всё было пронизано чувством, смыслом, тайной. Я сижу рядом с Пастернаком, он держит меня за руку, и я совершенно реально ощущаю живое тепло его руки. Пастернак сед, как на поздних фотографиях, но строен и прекрасен, как юноша. Мы находимся в каком-то огромном бесконечном зале, похожем на тот, где Воланд устраивал свой бал. Пастернак улыбается мне, и я таю от счастья (и, наверное, поэтому ничего не запоминаю из его слов). А, может, мы разговаривали без помощи слов? А вокруг нас ходят какие-то чёрные мужчины во фраках с бабочками и прилизанными волосами цвета ваксы, слегка похожие на вампиров, и злобно косят глазами, пытаюсь прожечь меня взглядами насквозь. Мелькают высокие узкие женщины в летящих вечерних платьях с обворожительными улыбками. Они непринужденно здороваются с Пастернаком, желая показать, что давно с ним знакомы, и делают вид, что меня и вообще не существует. Но он не обращает ни на кого внимания и говорит только со мной (Если бы вспомнить — о чём?), и я пребываю в эйфории. Этот был самый прекрасный сон. Встреча всё-таки состоялась! После этого сна я долгое время не ходила, а парила над землёй, словно на ногах у меня выросли крылышки, как у Меркурия.

Следующий сон в следующем письме. Е. (...)

P.S. Когда-то давно я писала стихи, о том, как я брожу по крышам и вижу оттуда то, чего не видят другие. «Гуляли вы ночью, друзья,

среди крыш, где кошки с котами заводят интрижки, как с Карлсоном друг его верный Малыш, из детской до дырок зачитанной книжки?».

P.P.S. «Zwarowny Kapelusznik» — по-русски «Сумасшедший Шляпочник».

ПЕРЕВОДЧИКИ

*Пишу «Любовь», ты переводишь: «Milosc»,
А говорим всегда мы об одном.
И вот случилось то, что и не снилось,
Вернее, снилось, долгим детским сном.
То, что собрать пыталась я по крохам,
Вдруг наводнением затопило свет.
На крик: «Люблю!» ответит эхо: «Кохам!»
И не придётся долго ждать ответ.
Пришельцы, хоть по облику земляне,
Бродяги, заклинатели удач,
Меж звёзд на зачарованной поляне
С тобою мы играем в лунный мяч.
Я луч ловлю, зажмурясь от испуга,
Я свет верну — лети к нему, лети!
Ах, та игра — одаривать друг друга
Давно в подлунном мире не в чести.
«Не может быть! — я думаю со вздохом. —
Жестока жизнь, и я надеюсь зря...»
Но я узнала, что такое «Кохам»,
И обойдусь теперь без словаря.*

КШИШТОФ — ЕВГЕНИИ

Варшава, 19.01.1980

Дорогая моя, Женечка, —

я немножечко огорчился... Ведь я много уже писем отправил к Тебе — а Ты вдруг пишешь, что они не прилетели в любимые Люберцы... Что это такое? Откуда взялась эта «всякая чертовщина»? Проклятье: Женя, ведь Ты знаешь, что эти письма — это — это теперь всё в моей жизни. И нечего мне больше сказать... Как обычно...

Видишь, Дорогая — как мне написать длинное письмо?! Быстренько я сейчас побегу к почтовому ящику с этим сигналом из космоса — не беспокойся! Я думаю, я тоскую, я очень жду, я помню. (...)

Женя, и снова придется Тебе подождать немножко.

Я на всё отвечаю. А множество вопросов нашёл я снова в последних Твоих: письмах. Но теперь один приказ: Беги! Беги, нехороший мальчик Кай, спеши! Ведь Герда ждёт ответа от своего Кая. Страна Снеговой королевы так ужасно далеко... (...)

Ну, что делать — бегу. (...)

Сегодня суббота, завтра — напишу снова. (...). Ещё раз прошу: помни — расставание не для нас.

Судьба так хотела, Женечка... Ты сама это написала.

Да всё равно — я Твой. Кшись

P.S. Я написал второпях это письмецо. (...) Падший ангел... Женя, это тоже самая истинная правда. Что я буду писать — Ты колдунья, Ты — ЗНАЕШЬ...

P.S.2. Получила ТЫ уже наконец это письмо? (...)

P.S.3. Ты живёшь вблизи аэродрома Быково, а я вблизи аэродрома Бемово — и ночью здесь тоже летают самолёты — и их зелёные глаза моргают над Хомичовкой. И бессонница... Невероятно!

P.S.4. Твой почерк — прекрасный. Он — ТВОЙ...

Целую, Милая — спокойной ночи.

Не страшен, надеюсь, сегодня «Воевода Мороз»? (...)

Продолжение следует.

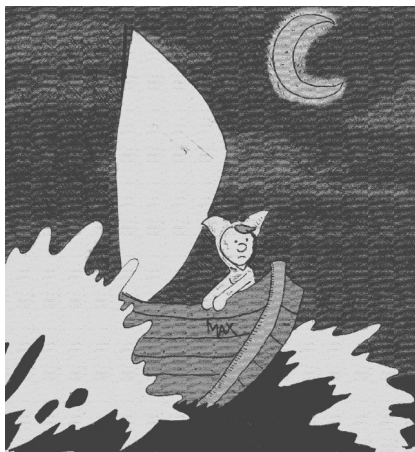

Рисунок Фёдора Славоросова

* * *

Сбираясь в стаи, мы не знали,
Всех траекторий высоту...
За вожаками улетали,
Доверив жизни и мечту.

В какие не вплетались были,
Где только не слагали крыл —
Ветра и бури нас косили,
А божий промысел — хранил!

У всех — единое заданье:
Держаться рядом и лететь!
И, претерпев все испытанья,
Препятствия преодолеть.

Не всем дано,
Не все сумели...
Не все до цели долетели,

Но Клин добрался, —
Клин живёт!
И обзаводится птенцами,
И учит их под небесами —
Свой первый совершать полёт!

16.03.2017

* * *

Я хочу в себе найти аккорды, —
Записать форсажи человечьи!
На четвёртую — рывком, —
Летят бигборды
мимо, —
А как будто падают на плечи.

Что ж ещё быстрее, —
Так им не дотянуться, —
Не достать меня,
(— как мне не увернуться)...
— Лучше, резко ускоряясь, — ускользать,
И стараться выше ветра улетать!..

— Крылья вырастут,
Коль скорость прибавляешь, -
Не попробуешь на деле — не узнаешь!
И дыхание седьмое — без остатка,
На витке высоком тает, как облатка!

— Время станет — духу отлетать,
Чтобы Господу всё должное отдать...

Нет форсажа.
Тихо стало. —
Как исчезло... —
То сознание ускользнуло...
И — ВОСКРЕСЛО!

28.03.2017

* * *

Время кадмиев, —
Жёлтая осень...
Занимается в кронах деревьев.
До рождения, —
Дней двадцать восемь —
Насчитала, с чего-то, теперь я...

Интересно, —
На мой день прихода,
В этот Мир, —
Были все краски яркие?
Как в моей отразились природе,
Благодатные эти подарки?

Неспроста же,
Благою приметой,
Я оттенки цветов различаю?..
Их, напитанных солнечным светом,
Как букеты, на память собираю?..
И храню заповедно на полках...

Когда сердце кольнет, как иголкой, —
Как пластинки, потом их включаю, —
Звуки все и цвета ощущаю, —
Если что-то занозой заденет
И эмоции — волнами вспенит, —

Чтоб они возникая
Из точки
преткновенья, —
Рождались, как строчки!
И кругами вовне проявлялись, —
Даль зовущую распространялись...

И вплетаясь,
В конце концов, в Лету, —
Сохраняя Энергию Света, —
Согревали Энергией Солнца, —
Когда выстудят вьюги — до донца...

26.09.2019

* * *

Неуёмное сердце
Стучит! —
Напролом пробивая,
Звучанием тела заслоны!

Неусыпное сердце
И ночью и днём, —
Всё работает
Честно и напряжённо.

Но помимо мотора,
Чем движется кровь, —
Омывая, питая
Живущее тело, —

Очень важное —
Главное качество в нём,
Бог вложил —
Оживляя в сознании первым.

Там, где Дух и Душа —
Как исходный каркас —
От рождения
И до скончания Века,

В нём бытует Любовь —
Малым солнцем светясь...
Подтверждая,
Божественный род человека!

Запорошено белым,
В пушистом снегу, —
(Белым порохом), —
Огнеопасное сердце...

Как тот образ возник? —
Объяснить не могу...
Но он крепко засел, —
Всё стараюсь взглядеться...

14.08.2021

ВОСКРЕСНЫЙ СОН

Сегодня снова приключился
Добрый сон!
Сердечный, тёплый —
В августово лето...

Ты им теперь,
Как Солнечным лучом,
Вооружён —
Не только «до обеда»!

Сон праздничный —
Чудесное явление!
Дан для прилива сил
И вдохновенья!

01.08.2021

КАПИТАН

I.

В Ледовитом океане
На разложенном диване
Не во сне, а наяву
Я плыву, плыву, плыву.
Чтобы ноги согривало,
Взял с собою одеяло,
А под спину и макушку
Взял пуховую подушку.
То ли утро, то ли вечер
Не пойму, а мне навстречу
Айсберги плывут, не тая,
Вот оказия какая!
Рядом, плавая, акула
Пасть, как бездну, распахнула.
Ей кричу я: «Бесполезно,
Не страшна герою бездна.
Я — отважный капитан,
У меня есть свой диван!»

II.

В Ледовитом океане
На разложенном диване
Не во сне, а наяву
Я плыву, плыву, плыву.
К сожаленью, через час
Кончится воды запас,
А ещё через мгновенье
В банке кончится варенье.
Но отважный капитан
Не покинет свой диван,
Впереди ждут капитана
Пять морей, три океана,
Только где найти терпенья
По волнам плыть без варенья.

ЛЕЖАЛИ НА ПОДУШКЕ

Лежали на подушке
Весёлые веснушки,
Решил я их пересчитать,
Их оказалось двадцать пять.
Нет, нет, вернее двадцать шесть,
Одна веснушка, хоть и есть,
Она ещё совсем мала,
Она ещё не подросла.
А также на подушке,
Где рыжие веснушки,
Лежали две косички,
А в окнах пели птички,
Сливалось птичье пенье
И детское сопенье!

КУРИЦА

Колесом вращая глобус,
По Москве бежит автобус.
За рулём водитель Лёва,
Лёва, он из Могилева.
Он, подъехав ближе к бровке,
Объявляет остановки.
Дверь открылась. Бабку Зину
Вместе с круглою корзиной
Вынесла толпа наружу,
Опустив с поклажей в лужу.
Огляделась бабка Зина,
Видит банки, магазины,
Клёны, тополя, берёзки
И газетные киоски.
Едет велосипедист,
Воздух рвёт мотоциклист.
Испугалась бабка Зина,
Выпала из рук корзина,
А в корзине курица,
Испугалась улицы.
Тут ещё мусоровоз!
Курица из-под колёс

Выскочила и во двор,
Во дворе торчит забор.
На заборчике с утра
Бьёт баклуши детвора.
Тут картину видит Мишка:
Курица бежит вприпрыжку.
Он за ней. За ним Семён,
Костя, Данька и Антон.
За Антоном бабка Зина,
Продавец из магазина,
Равнодушный инженер,
Бравый милиционер.
Тут же дворник Измаил
Выбивается из сил.
Кросс устроив от забора,
Он кричит: «Держите вора!»
Трёхэтажные дома,
Кажется, сошли с ума,
И осины, и дубы,
И фонарные столбы.
Замыкают бег зеваки
И дворовые собаки.
По широкой улице
Все бегут за курицей.
Пробежали переулок,
Завернули в закоулок,
Через рощу напрямик
В Краснопресненский тупик.
Мимо едет наш автобус,
Колесом вращая глобус.
Тут в салон на остановке
Курица влетела ловко,
Следом Мишка и Семён
Костя, Данька и Антон,
За Антоном бабка Зина,
Продавец из магазина,
Бестолковый инженер,
Бравый милиционер,
И осины, и дубы,
И фонарные столбы.
Забегали и зеваки,
И дворовые собаки.

И поехал прочь автобус,
Колесом вращая глобус.
За рулём водитель Лёва.
Мой дружок из Могилева.

В МЕТРО

К нам на станцию Таганка
Едет в гости обезьянка,
А на станцию Перово
Разноцветная корова.
А затем на Шелепихе
Будут ждать нас две крольчихи.
Две крольчихи, с ними детки,
Им я фантик от конфетки
Подарю. Хранит награда
Сладкий запах шоколада.
День пройдёт, настанет вечер,
Вечером ждёт снова встреча.
Нас на станции «Динамо»
Будет ждать с болонкой дама.
Ей на станцию «Фили»
Крокодила привезли.
Плачет дама громко, звонко,
Даме в такт скулит болонка,
Требуют, чтоб крокодил
Плыл к себе в далёкий Нил.
Даму я понять могу,
Чем смогу, ей помогу.

УКАЗ

Напечатан был указ,
Он порадовал всех нас.
В нём написано: в вагоне
Могут ездить зебры, кони,
Волки, кролики и мишки,
И ушастые мартышки.
Прочитав указ, билет
На классический балет
Взял зелёный крокодил
И в метро засеменял.

А в метро висит указ,
Огорчил он очень нас.
Не прочтут ни слова белки,
Шрифт в указе мелкий-мелкий,
Даже старая коза
Разбиралась полчаса.
Хитромудрые слова
Разобрать смогла сова.
Говорит указ: в вагоне
Ездят люди, но не кони
И не волки, и не мишки,
Не ушастые мартышки.
Тот указ расстроил нас,
Будем свой писать указ!

ХОХОТУШКИ

Шли по лесу две подружки,
Две подружки-хохотушки.
Вот потеха, вот умора, -
Два красивых мухомора
Повстречались под осинкой,
Их, смеясь, мыском ботинка
Стукнула одна девчонка
И опять смеется звонко.
Не поверите, но в роще
Волк идёт хромой и тощий.
Говорит облезлый зверь:
«Будет мне обед теперь.
Мой живот прилип к спине,
Как же есть охота мне».
В красках расскажу едва ли,
Как девчонки задрожали,
И смешливые подруги
От голодного зверюги
Километры, версты, мили,
Так бежали, словно были
За спиной девчонок крылья.
Волк, погнавшись, от бессилья
Угодил в листву оврага,
Горько слёзы льёт бедняга.
В это время две подружки
И совсем не хохотушки

Говорят сквозь слёзы маме:
«В лес дремучий за грибами
Мы не сделаем и шагу,
Волк забрал у нас отвагу».

ВАНЮШКА

Вам будить пора Ванюшку!
Спать Иван без меры рад.
Подкатали к дому пушку,
Заложили в ствол заряд.
Я не видел. Я там не был,
Но друзья сказали мне:
«Пушка раз пальнула в небо,
Стёкла лопнули в окне».
Кошка спрыгнула со стула
И забилась под диван.
Лень великая зевнула,
Этой ленью был Иван.
Снова выстрел в небо. В доме
Сбоку рухнула стена,
А Иван в счастливой дрёме,
Не буди его, страна.
Ты сегодня грозной пушкой
Распугала весь народ,
Только маленький Ванюшка
Спит и в школу не идёт.

МАША

Утром ложкой Маша
Ковыряет кашу.
На обед она уху
Не выносит на духу,
И твердит, что ужин
Ей совсем не нужен.
Где бы Маше силы взять,
Чтоб взобраться на кровать.
И без каши, и без щей
Стала девочка тощей.

Но сегодня все в порядке —
Выручают шоколадки.
Можно, в виде исключения,
Съесть конфету и печенье.

ПИН И ГВИН

Часовой, минуя пояс,
К нам спешит зелёный поезд,
Там сидят в плацкарте Пин
И его приятель Гвин.
Их я в офисе встречаю,
Предлагаю чашку чая,
Можно сок, и можно кофе,
Я, встречать туристов, профи.
Но друзья, разинув рот,
Говорят: «Нам нужен лёд!
И ещё, чтоб не болеть,
Сорок порций крем-брюле.
Морозильная квартира
И пять ящиков пломбира»,
Отвечаю Пину с Гвином,
Двум туристам, двум пингвинам:
«Ждать мороз не преминули
И приехали в июле,
Летом с самого утра
Сухо, пыльно и жара.
Солнце плавит плиты башен,
И мозги, и мысли наши». —
Тут подумали немножко
И для наших пингвинят
Морозильники с окошком
Взяли в ГУМе напрокат.
В морозилках Пина с Гвином
Возит по Москве машина.
Любовались на соборы
И на Воробьёвы горы.
Нас Царь-колокол, Царь-пушка
Забавляли, как игрушка.
Погостили три недели,
Пили сок, пломбиры ели,

А потом зелёный поезд
Двух друзей увёз на Полюс.

P.S. Мне пришло от них письмо,
Просят выслать эскимо,
Чтоб пломбира целый поезд
Переслал скорей на Полюс.
Там откроют среди льдин
Для пингвинов магазин.
Скорый поезд под парами
Едет с щедрыми дарами.

ОХОТНИК

Шли с друзьями на охоту,
За спиной у нас ружьё,
Здравствуй, топкое болото,
Лес дремучий и зверьё!
Знает каждый дело туго...
Мишку вижу я на пне.
Нет в его глазах испуга,
Весь испуг достался мне.
Хорошо, что я с друзьями,
Без друзей в лесу медведь.
Я не дал бы дёру к маме,
Если б он не стал реветь.
Дальше было хуже, хуже,
Может слон, а может лев
Выпрыгнул из грязной лужи,
Квакнул, на плечо мне сев.
Я его со всею силой
Сбросил пальцами руки,
Чтобы к маме легче было
Мчаться наперегонки.

Евгений Эдуардович Лесин — российский поэт, критик и журналист. Родился в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького в 1995 году. С 1995 года работал в газете «Книжное обозрение», с 2002 года — в «Независимой газете». Ответственный редактор литературного приложения к «Независимой газете» «НГ Ex libris». Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов Москвы, Русского Пен-клуба, Московского городского отделения Союза писателей России, редколлегии журнала «Юность». Лесин является одним из экспертов развития современной отечественной литературы.

Московского городского отделения Союза писателей России, редколлегии журнала «Юность». Лесин является одним из экспертов развития современной отечественной литературы.

* * *

Не говорите мне: алкаш.
Скажите: **алкороссиянин**.
Какой стремительный пейзаж,
Платформа «Игорь Северянин».

Какая нега для души,
Какое вечное сиянье.
Лежат вокруг не алкаши,
Уснули алкороссияне.

Не спи, художник, ты не наш,
Пока ещё не остаканен.
Не говорите мне: алкаш.
Скажите: алкороссиянин.

Скажите лучше, где же пляж,
А то я зноем так изранен.
Не говорите мне: алкаш.
Скажите: алкороссиянин.

Скажите лучше мирно: стаж,
Пока ещё я не забанен.
Не говорите мне: алкаш.
Скажите: алкороссиянин.

Таксист Харон впадает в раж,
Останови, магометанин.
Не говорите мне: алкаш.
Скажите: алкороссиянин.

* * *

Душа за родину болит, за нашу Русь,
Гейропа страшная страшной день ото дня:
Боюсь харассмента, харассмента боюсь,
Геронтофилы страстно смотрят на меня.

Я патриот, я не смолчу, я не утрусь,
Я свято верю, что крепка у нас броня.
Но я харассмента, харассмента боюсь,
Влюблённо гопники взирают на меня.

У Леды лебеди, а к нам явился гусь.
А я по Химкам, геометрию кляня,
Иду, и всё же я харассмента боюсь,
И птицы смотрят обалдело на меня.

* * *

Запирайте миражи,
Ваше время истекло.
Мы искали точку джи,
Много наших полегло

* * *

Всё хорошо, прекрасная столица.
Любуйтесь на Провал и на Проём.
Пора уже гулять и веселиться,
Давайте все в депрессию впадём.

Живём в благоустроенной отчизне,
Идём за нестареющим вождём.
Пора спокойно радоваться жизни,
Давайте все в депрессию впадём.

Мой город был шикарным и помпезным,
Теперь он, как собака под дождём.
Пора заняться чем-нибудь полезным,
Давайте все в депрессию впадём.

* * *

Если что, побьют любого,
Разнесут нам фонари, —
Гинеколог из Тамбова
И проктолог из Твери.

Будь здоров и будь здорова,
Дорогие упыри,
Политолог из Тамбова
И филолог из Твери.

Кто там вышел из алькова,
Почему вас целых три?
Венеролог из Тамбова,
Где, уролог из Твери?

А страна давно готова,
Ну-ка, Родина, замри.
Пей, кинолог из Тамбова,
И сейсмолог из Твери.

* * *

Собаки — правые центристы,
Порой с уклоном в популизм.
А кошки — леволибералы,
И феминисты, как один,
Сплошная каша экстремизма
И толерантности разгул,
Политкорректности клоака,
А я стою под фонарём,
И, где найти мне человека,
Не знаю.
Да и не ищу.

* * *

Россия будет кошачьей
Россия будет телячьей
Как нежности поутру
Россия будет кошачьей
Планета будет кошачьей
И птицы будут летать

* * *

Что-то стали часто подходить
Разные лохматые собаки.
Трутся, и сочувственно глядят,
И обнять хотят, но не умеют.

Видно, я совсем уже ослаб,
И в глазах отчаянье такое,
Что виляют горестно хвостом
Даже незнакомые собаки.

* * *

Кому кошмары, кому просторы,
А мне бы только упасть в кровать.
Вокруг шакалы и мародёры,
И каждый хочет себе урвать

Кусок побольше и пожирнее.
А мне, похоже, сойти с ума
Осталось только: оно вернее.
В раю, конечно, всегда зима.

МУЗЫКАЛЬНОЕ

А у вас там до мажор
А у нас тут дома жор

Съели нотную тетрадь
Съели стены и кровать

Съели дождь и съели снег
И легли урчать во сне

Жалко снег и жалко дождь
Но зато какая мощь

* * *

Я иду походкою имперской,
Я несу в починку самовар.
Я иду по Малой Пионерской,
А вокруг сплошной Мадагаскар.

Я любому радуюсь, как брату,
Здравствуй, карабас и дуремар.
Я иду по Старому Арбату,
А вокруг сплошной Мадагаскар.

У меня хлопушки и ватрушки,
У меня сиреневый отвар.
Я в кремле валяюсь у Царь-пушки,
А вокруг сплошной Мадагаскар.

Как же хорошо у нас на стройке,
До чего же мерзок ваш Годар.
Я сижусь с бомжами на помойке,
А вокруг сплошной Мадагаскар.

Ты не затевай, родная, свару,
Что тебе вокзал и что базар?
Я в трамвае еду по бульвару,
А вокруг сплошной Мадагаскар.

У меня отличные кроссовки,
Где-то светит город Краснодар.
Я лежу в канаве на Рублевке,
А вокруг сплошной Мадагаскар.
Ну, и т.д.

* * *

Где мы, капитан, Россия, где ты,
Родина, скажи, кто виноват?
33 серебряных монеты.
30 за Христа, и три — откат.

Вешайся, душара, ты откуда?
Что играть до голых королев?
Тут уже чума, а не простуда,
Вешайся, Иуда, ты в РФ.

Вешайся, ведь Ноя не просили,
Ноя не простил и весь народ.
На фига ж мы ботик потопили –
Ноя философский пароход?

* * *

Штаты занедужили
Оба-на
Северные южные
Гражданская война

Что же вы наделали
Бедная страна
Красные и белые
Гражданская война

Говорят панове
Гори огонь гори
Оруэлл Войнович

Всё что не сгорело
Тащи в сортир
Красное и белое
Ароматный мир

* * *

Ты была эвридиковой,
Королевою фей.
Здесь под насыпью дикой
Я лежал, как орфей.

И с похмелья большого
Я грустил, как река.
А теперь Хорошево
Тут гудит МЦК.

А когда-то, когда-то
Мир был полностью наш.
Здесь работал, ребята,
Я в конторе «Продмаш».

И под насыпью дикой
Я лежал, как орфей.
Ты была эвридикой,
Королевою фей.

То была не интрижка,
То мурло, то бухло.
Да какая сберкнижка?
Мы сдавали стекло.

Ни страны, ни погоста,
Ни вперед, ни назад,
Только ваш полуостров –
Воркута-Ленинград.

* * *

Не жду покоя, лишь одного я
Уныло жду и варю еду:
Как избавленья, я жду запоя,
Как избавленья, запоя жду.

Завоет ветер, отважно дует,
Пообещает задуть беду:
Как избавленья, запоя жду я,
Как избавленья, запоя жду.

К чему моленья, бери поленья,
Ловите щуку в гнилом пруду:
Запоя жду я, как избавленья.
Как избавленья, запоя жду.

Не то что ноет, а просто гложет,
Уже тоскую по январю.
Да только вряд ли запой поможет.
Про остальное не говорю.

ЗАДАНИЕ

Мне было дано задание:
Определить расстояние
От Земли
До ближайшей «Чёрной дыры»!
Я с огромным трудом
Сделал это.
А недавно
Мне
Приказали
Расчёты
Уничтожить.
Предложу инопланетянам,
Может быть,
Им пригодятся?

В ПОЕЗДЕ

Я еду в поезде.
Чистота.
Тишина.
Внезапно все пассажиры
Одновременно
Зашуршали бумагой,
Достали еду
И быстро съели.
А вдруг сейчас
Конец света?!

ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

Мне очень хочется верить,
Что однажды
Я убью в себе раба
И стану свободным...

Одно тревожит:
Будет ли при этом
Мне хорошо
Или — как всегда?

СЛОВЕСНОСТЬ

— Я — поэзия! — закричало стихотворение
И попыталось взлететь,
Но шмякнулось на землю.
— Я — проза! — закричала беллетристика,
Но от стыда
Провалилась сквозь землю.
— Ну, кто ещё объявит себя
Настоящей литературой? —
Выкрикнул современник
И выпал из окна.
Так началась
Новая
Российская словесность!

КТО Я?

У меня длинные руки
И короткие ноги,
Огромное туловище
И умные головки.
Я сильно хромаю,
Чтобы быстро ходить.
И медленно разговариваю,
Чтобы быть оратором.
Но у меня имеются
Несомненные достоинства:
Две головы
И четыре руки.
Поэтому,
Господа!
Признайте меня
Эталоном красоты!

ЗНАКОМСТВА

Вообще-то знакомства
Надо
Заводить полезные.
Я, например,
Недавно,
С киллером познакомился.
Человек приятный
Во всех отношениях
И поможет, если что.
А вчера свёл дружбу
С патологоанатомом.
Вот уж точно,
Кто пригодится!

НАГРАДА

Позавчера
За доблестный труд
Меня наградили
Комаром,
Чесался всю ночь.
Вчера —
Поощрили
Черепашкой, -
Всю грудь истоптала.
А сегодня —
Подарили голодного тигра...
Разве можно
При всём этом
Ещё и плохо
работать?

Я НАЧИНАЮ ПОНИМАТЬ

Я начинаю понимать,
Почему звёзды,
Которые ярко светили вчера,
Сегодня гаснут.
Вчерашняя еда
Кажется невкусной.

Любимые мелодии прошлого —
Тусклыми и невыразительными.
Вы думаете,
Что меняюсь я?

А НУ СКАЖИ . . .

А ну скажи
Воробью,
Что он не так чирикает,
Или козе,
Что она плохо блеет.
Так же бессмысленно
Что-то говорить
И поэту.

НАДОЕЛО

Мне надоело,
Что снится всякая ерунда!
Вечно просыпаюсь:
В поту
Либо от страха.
А сны — упрямые ребята
Являются
Назло всему...
Тогда я отрезал себе голову,
Но сны продолжали приходить.
Забавно, правда?

Рисунок Фёдора Славоросова

Поздравляем лауреата – ИРИНУ ЕГОРОВУ-НЕРЛИ!

По итогам Всероссийского конкурса экслибриса и графики «Посвящение поэтам Серебряного века» в музее экслибриса и миниатюрной книги (ноябрь 2022 года) прошла выставка российских художников. Второе место в конкурсе занял экслибрис Максимилиана Волошина, созданный художником и поэтом Ириной Германовной Егоровой-Нерли — членом редколлегии нашего альманаха. Этот книжный знак — поклон из 21 века — дань почитания творческого гения М. Волошина, опередившего своё время существованием своей пророческой поэзии и поэтической живописи. Экслибрис выполнен в технике цветной гравюры на пластике с одной доски, признанной в графических кругах авторской техникой Ирины Егоровой-Нерли. Рисунок к будущему экслибрису Волошина был напечатан в предыдущем номере альманаха «Истоки» (выпуск 14) «Всемирная исповедь Волошина и русское счастье Некрасова». На протяжении многих лет Музей экслибриса и миниатюрной книги постоянно пропагандирует произведения современных художников и сохраняет отечественные традиции графики малых форм, что становится уникальным раритетом культуры в каждой исторической эпохе России.

ВОСТОЧНАЯ ОСЕНЬ—ОСЕНЬ Л. ОСОКИНОЙ**Людмила Осокина
«Осень-осень. Малая проза»,**

М.: «Вест-Консалтинг», 2022

Чем дальше читал зарисовки о природе Людмилы Осокиной в её книге малой прозы «Осень-осень», тем больше узнавал нечто знакомое. Собственно, ничем особенным эти тексты не отличались, более того и сама автор явно не претендовала ни на какую исключительность, но одновременно и давала подсказку: «Я взяла ручку, тетрадь, пошла гулять вокруг нашего Очаковского пруда и написала некоторое количество пейзажных зарисовок». Она не только бродила, но раз взяла ручку с тетрадью, то, значит, и присаживалась в некоторых местах, впрочем, она и описывает некоторые свои посиделки в других историях книги. Мы же останемся в рамках подраздела «Осень-осень» осенних сюжетов раздела 1 «Пейзажные зарисовки».

Сама процедура непосредственной записи практически лишённого эмоциональности наблюдения приводит к прямой аналогии с пейзажной лирикой средневековой японской поэзии, когда автор располагается на природе и передаёт своё ощущение текущего момента. Как правило, эти стихи больше не дорабатывались, и дошли до нас в первоизданном виде.

Основопологающим для данного вида поэзии является медитативный подход, когда всё внимание направляется на объект, а любые непрерывно приходящие мысли, что свойственно, всем (особенно неподготовленным) людям изгоняются из головы. Объектом медитации может послужить любой предмет, на который неотрывно направлен взор, явление или понятие, главное, что внимание должно быть привязано только к нему. Простейшая медитация на счёте. Медитирующий, не сбиваясь и не отвлекаясь, полностью концентрирует сознание на перечислении цифр, и, добивается ощущения пустоты в голове, постоянно отгоняя лезущие мысли. В рецензируемой книге объект медитации для Осокиной — это природа в самых её обыденных проявлениях. И вот как описаны ее результаты:

«Середина сентября, 16-е число». — Один день, один обход. — «...деревья, всё-таки, желтеют, желтеют уже не снаружи, а как бы изнутри... Запасайтесь светом, теплом, пока горит этот клён, пока ещё светят листья. Ведь скоро, совсем скоро, он лишится своей светоносной листвы и тогда светить ему уже будет нечем. Тогда он и сам будет нуждаться в свете и тепле, но взять их будет неоткуда... Серый день. ...Но деревья — осенние, жёлтые, светят своим собственным, внутренним светом и освещают всё вокруг в городском парке: старые садовые скамейки, пожухлую траву, проходящих мимо людей с собаками и без... Тихо колышется вода в заброшенном пруду... Вот репейник. Он уже засох, но репы остались. ...Прицепившись к кому-нибудь, они перенесутся на новое место, где-нибудь упадут, где-нибудь взойдут по весне...».

Мы позволили себе привести датированные одним днём отрывки из пяти зарисовок: Внутренняя желтизна, Светоносный клён, Внутренний свет, Тайна глубины, Репейник (Осень-осень. Малая проза. М.: «Вест-Консалтинг, 2022, с. 20-24).

Хоть мы и отказываем Осокиной в сколь-нибудь системном подходе, но некоторые его элементы у неё присутствуют. Так она выдыхает, выдыхает, выдыхает старость, концентрируясь на дыхании, и, судя по описанию, выполняет действие, как положено в пранаяме, более того она визуализирует объект медитации в виде некоей «субстанции, которая может быть как газообразной, так и твёрдой, сыпучей. С одной стороны, — делится Людмила, — она похожа на белый дым, с другой — на белую муку» (Выдыхание старости, с. 54-55). Так что пожелаем Людмиле оставаться вечно молодой. К сожалению, одной пранаямы для этого недостаточно. Надо выполнять и предшествующие действия. Если яму (определенные нравственные правила применительно, естественно, к нашей реальности) и в какой-то степени нияму (самоочищения посредством дисциплины) Людмила выполняет, то насчет систематического исполнения асан (поз и упражнений йоги, непосредственно предшествующих пранаяме), у меня есть определенные сомнения.

Это, что касается молодости тела, к сохранению молодости ума, и что более важно для нас, усиления его проницательности всё перечисленное служит лишь подготовительной частью процесса. За пранаямой следуют пратяхара (отвлечение и освобождение ума от власти чувств) и дхарана (концентрация на объекте наблюдения) к чему в этих своих зарисовках Людмила вполне подбирается и только после этого дхьяна (глубинная медитация, в которой достигаются различные состояния ума).

Но очищение сознания и обретение пустоты, это хоть и основная, но лишь первый этап. Главное — это самадхи (состояние сверх-

сознания, наступающее в результате углубленной медитации, приводящее к погружению в объект внимания, вхождению и слиянию с ним). В различных религиозных и философских течениях этот финальный объект, также отличается, например, в индуизме это — Вселенский дух. Но мы поведём речь о великом буддийском поэте и том творческом методе, который возникает на основе этого учения и используется им, в том числе и в выбранных нами текстах.

Продолжая сравнение с японской поэзией, несколько приблизимся к нашему времени и в качестве примера обратимся к текстам знаменитого своими безыскусными описаниями природы Кобаяси Исса (1763—1827), но не к прозаическим, а к его трёхстишиям, также из раздела «Осень» (Исса К. Ливень Пятой луны. — СПб.: Кристалл, 1999, с. 374, 377) :

* * *

Люди редки
в здешних краях — и редко
падают листья...

* * *

Никнет бурьян —
низко-низко склоняются метёлки.
На глазах холодает...

* * *

Метёлка травы,
Бьется, бьется, дрожит под ветром
её сердечко...

Творческий метод, возникающий на основе буддийского учения, древнее индийской письменности и включает в себя три этапа: слушание (ещё не читали, теперь также чтение, другие способы получения информации), размышление об узанном, приводящее к пониманию и постижение. Постижение интуитивное. Когда всё понято, осмысливать ничего не надо, и мыслей уже нет, они не нужны. И язык не нужен, раз нет мыслей. Так возникает непосредственное проникновение в суть объекта, осуществляемое при помощи приёма – видение (предметов, событий и т.д.), как оно есть.

Особенность в том, что погружается в объект внимания, входит и растворяется в нём уже не только не воспринимаемое, но отсутствующее сознание. То-есть, схема противоположная принятой европейской философией, например Максом Шелером, когда интуитивное постижение предварительный этап, а понимание возни-

кает в результате знания законов, описывающих процессы. И вот именно благодаря подобному подходу возникла та великая японская поэзия, которая до сих пор будоражит умы.

В заключение хотелось бы отметить, что использованный Людмилой приём описания природы несомненно позволил ей продвигаться в литературном мастерстве. К сожалению, у нас нет уверенности, что и в дальнейшей своей литературной деятельности Людмила Осокина будет использовать именно этот, восточный подход. Но в любом случае полученный опыт ей пригодится, а самоконтроль и последовательная работа над собой позволит покорять новые вершины.

Осень 2022

Алфавитный указатель авторов

Агарков Андрей	166
Антонова Ирина	164, 177, 206, 236
Баклашкина Лидия	183
Баклашкина Татьяна	184, 185
Берзина Любовь	125
Божор Наталья	27, 87, 153, 166, 172,
Бондаренко-Беспрозванных Ольга	116
Бочина Елена	219
Варварица Инна	250
Влодов Юрий	140
Володарский Леонид	121, 192, 245
Галечьян Валерий	307
Гарсия Сергей	200
Гончаров Владимир	148
Егорова-Нерли Ирина	10, 155, 306
Жданова Виктория	179
Зайцева Элла	262
Ивонин Андрей	62
Иодловский Николай	89
Кебадзе Алексей	29, 46, 70
Лесин Евгений	295
Лобачёва Наталья	208, 229
Магов Николай	302
Михайлова Мила	6
Никитушкин Александр	209
Новикова Маргарита	215
Осокина Людмила	255, 161, 307
Попова Мария	187
Пустовитовский Владимир	287
Сенявский Кшиштоф Мария	266
Серафимов Александр	48
Сергеева Ирэна	143
Славоросов Аркадий	130
Славороссова Евгения	29, 227, 266
Солдатёноква Дарья	174
Степанов Евгений	22
Странник Эмилия	282
Сумина Надежда	213
Хачумова Татьяна	186
Чеботкова Галина	239
Шарапова Алла	79, 223
Шубина Валерия	108

15-й номер альманаха «Истоки» традиционно открывают эссе И. Егоровой-Нерли. Они посвящены двум юбилеям — основоположнику классической русской драматургии А.Н. Островскому и великому советскому поэту аварцу Р. Гамзатову. Обзор творчества двух «вечных классиков», разделённых столетием дан в историческом разрезе. Перед нами оживает купеческая Москва середины XIX века и звучит подлинная поэзия советской эпохи в песнях и стихах Р. Гамзатова в великолепных переводах Н. Гребнева и Я. Козловского.

Лирическая волна поэзии буквально захлестывает 15-й выпуск альманаха: это стихи о бескрайней зимней России О. Бондаренко-Беспрозванных и живописные пейзажи И. Антоновой, одухотворённые строки А. Шараповой и сражающая страстным восприятием жизни лирика Л. Берзиной, философские раздумья Е. Степанова и поэтическая мощь Ю. Влодова.

В жанре оригинальных детских стихов выступает давний автор «Истоков» В. Пустовитовский. Короткие изящные стихи нашего давнего автора и юбиляра Н. Иодловского неизменно приковывают внимание редким сочетанием безграничной фантазии и тонкой иронии.

Поиск новой выразительности слова наиболее ярко проявляется в поэтических подборках М. Поповой, Б. Кутенкова. и С. Гарсия из Норильска.

Тема войны и мира всё явственней звучит в лаконичных стихах Ирэны Сергеевой. Теме воинского долга посвящены глубоко трагические строки А. Агаркова из Севастополя — дебютанта нашего альманаха.

Покоряет с первых строк классически гармоничный новый поэтический сборник «Фамильные драгоценности» Е. Славороссовой. На страницах «Истоков» следует продолжение полюбившегося читателям её увлекательного романа в письмах...

Не менее многогранно и многожанрово, чем поэзия, представлена в альманахе проза.

Хочется с головой уйти в заповедный мир фауны и флоры В. Шубиной. Саму прозу хочется назвать заповедной, настолько точен и выразителен её язык, способный создать иллюзию присутствия.

Необычные фантазмагии Л. Володарского, смешение реальности с фантазией создают ощущение праздника.

Светлой грустью пронизаны ностальгические зарисовки И. Антоновой.

Оригинальность сюжета, почерпнутого из самой жизни, отличают прозу А. Гончарова из Петербурга — автора коротких запоминающихся рассказов.

Рассказ «Серафима» А. Серафимова, в сюжете которого реальные события, возвращает нас в криминальные 90-е годы...

Сдержанное повествование А. Кебадзе обращено к реалиям Афганской войны.

На страницах «Истоков» впервые публикуется новелла рано ушедшего молодёжного лидера, поэта, писателя, публициста Аркадия Славоросова.

Новые яркие краски добавляют альманаху эссе И. Егоровой-Нерли и Н. Божор.

И 89 Истоки: Альманах. Вып.15. – 2022-2023. – 314 с., илл.

Составители
Ирина Антонова и Евгения Славороссова

Обложка и графическое оформление
Ирины Егоровой-Нерли

Рисунки
Светланы Ринго и Фёдора Славороссова

Компьютерная вёрстка
Марины Чайкиной

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»
ЛР № 061080

Контактные телефоны: 8-909-9655305, 8-903-1803787

Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru

E- mail: rifistoki@yandex.ru

2023

ИАЛЬМАНАХ
СТОКИ